

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
(ИНИОН РАН)

СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 4

**ГОСУДАРСТВО
И
ПРАВО
2022 – 4**

Издается с 1974 года
Выходит 4 раза в год
Индекс серии 2.4

МОСКВА 2022

DOI: 10.31249/rgpravo/2022.03.00

Учредитель
Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук

Отдел правоведения

Редакционная коллегия серии «Государство и право»:

Умнова-Конюхова И.А. – гл. ред., д-р юрид. наук, профессор (ИНИОН РАН; РГУП.); *Алферова Е.В.* – зам. гл. ред., канд. юрид. наук (ИНИОН РАН); *Алешкова И.А.* – канд. юрид. наук, доцент (ИНИОН РАН); *Афанасьева Е.Г.* – канд. юрид. наук, доцент (юрид. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова); *Андриченко Л.В.* – д-р юрид. наук, профессор (ИЗиСП при Правительстве РФ); *Вакула М.А.* – канд. юрид. наук, профессор (Юрид. ин-т РУДН); *Васильева Т.А.* – д-р юрид. наук (ИГП РАН); *Глотов С.А.* – д-р юрид. наук, профессор (юрид. ф-т МГОУ); *Грудцына Л.Ю.* – д-р юрид. наук, профессор (Финансовый ун-т при Правительстве РФ, Ин-т управления образованием РАО); *Егорова М.А.* – д-р юрид. наук, профессор (Моск. гос. ун-т им. О.Е. Кутафина (МГЮА)); *Ефременко Д.В.* – д-р полит. наук (ИНИОН РАН); *Коданева С.И.* – канд. юрид. наук, доцент (ИНИОН РАН); *Кравец И.А.* – д-р юрид. наук, профессор (Ин-т философии и права, юрид. ф-т Новосиб. гос. ун-т); *Кравчук Н.В.* – канд. юрид. наук, доцент (ИНИОН РАН); *Красиков Д.В.* – канд. юрид. наук, доцент (Сарат. гос. юрид. акад.); *Лапаева В.В.* – д-р юрид. наук (ИГП РАН); *Ловцов Д.А.* – д-р техн. наук, профессор (ИТМ и ВТ им. С.А. Лебедева, РГУП); *Пивоваров Ю.С.* – академик РАН (ИНИОН РАН); *Ястребова А.Ю.* – д-р юрид. наук, доцент (Дипломат. акад. МИД России)

Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

ISSN 2219-861X

© ФГБУН «Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГЕНЕТИЧЕСКИ МОДИФИЦИРОВАННЫХ ОРГАНИЗМОВ И ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ ГЕННОЙ ИНЖЕНЕРИИ

<i>Редникова Т.В.</i> Роль международного права в унификации подходов правового регулирования геномных исследований на национальном уровне в России и за рубежом. (Статья)	7
<i>Власов Г.Д.</i> Правовое регулирование исследований в области генной инженерии в странах Восточной Азии (Китай, Япония, Корея). (Обзор)	19
<i>Красиков Д.В.</i> Международно-правовой режим регулирования в сфере генетически модифицированных организмов. (Статья) ..	31
<i>Коданева С.И.</i> Генетически модифицированные организмы как объект интеллектуальной собственности. (Статья)	42
<i>Алешкова И.А.</i> Принцип предосторожности в производстве и использовании генетически модифицированных организмов: правовое регулирование и стратегирование в России. (Статья)	59
<i>Лужина А.Н.</i> Защита прав потребителей при обороте генно-модифицированных организмов: международный, российский и французский опыт. (Статья)	71
<i>Кравчук Н.В.</i> Регулирование генетически модифицированных организмов в Европейском союзе: необходимость корректировки законодательства очевидна. (Обзор)	83
<i>Иванова А.П.</i> Правовое регулирование генетически модифицированных культур в Европейском союзе и других государствах (США, Канада, Япония, КНР): основные подходы и правила. (Обзор)	96
<i>Захаров Т.В.</i> Основы правовой политики США в сфере реализации продуктов современных биотехнологий. (Обзор)	109

<i>Скурко Е.В.</i> Правовое регулирование технологий генетической модификации организмов в Германии. (Обзор)	119
<i>Коданева С.И.</i> Правовое регулирование генетически модифицированных организмов в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии. (Статья)	130
<i>Ульянов А.В.</i> Проблемы правового регулирования использования генетически модифицированных организмов в сельском хозяйстве: на примере Мексики. (Обзор)	141

ОТРАСЛЕВЫЕ НАУЧНЫЕ ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теория права

<i>Четвернина Т.Я., Четвернина А.В.</i> «Право в книгах»: научные подходы к современной теории права. (Обзор)	156
<i>Скурко Е.В.</i> Правовые системы государств Азии: традиции и современность. (Обзор)	170

Право, медицина и здравоохранение

<i>Иванова А.П.</i> Правовые аспекты медицинского вмешательства при использовании технологий улучшения человека. (Обзор)	179
<i>Иванова А.П.</i> Эпоха COVID-19: как меры общественного здравоохранения повлияли на защиту персональных данных. (Обзор)	189
<i>Алферов О.Л.</i> Реферат статьи: Ир Э.С. Политические детерминанты новой Конституции здравоохранения Китая	199

Международное право

<i>Захаров Т.В.</i> Многосторонний подход в межгосударственных отношениях: международные организации и угрозы глобального управления. (Обзор)	205
<i>Власов Г.Д.</i> Рецензия на книгу: Бауринг Б. Деграция международного правового порядка? Реабилитация права и возможность политики	215
<i>Кравчук Н.А.</i> Реферат книги: Батырь В.А. Международное территориальное право.....	224

CONTENT

**ISSUE THEME
LEGAL REGULATION OF GENETICALLY MODIFIED
ORGANISMS AND RESEARCH IN THE FIELD OF GENETIC
ENGINEERING**

<i>Rednikova T.V.</i> The role of international law in the unification of approaches to the legal regulation of genomic research at the national level in Russia and abroad. (Article)	7
<i>Vlasov G.D.</i> Legal regulation of genetic engineering in East Asia (China, Japan, Republic of Korea). (Review)	19
<i>Krasikov D.V.</i> International legal regulation regime in the field of genetically modified organisms. (Article)	31
<i>Kodaneva S.I.</i> Genetically modified organisms as an object of intellectual property. (Article)	42
<i>Aleshkova I.A.</i> The precautionary principle in the production and use of genetically modified organisms: Legal regulation and strategizing in Russia. (Article)	59
<i>Luzhina A.N.</i> Consumer protection in the turnover of genetically modified organisms: international, Russian and French experience. (Article)	71
<i>Kravchuk N.V.</i> Regulation of genetically modified organisms in European Union: the necessity to update the legislation is obvious. (Review)	83
<i>Ivanova A.P.</i> Legal regulation of genetically modified crops in the European Union and other states (USA, Canada, Japan, China): basic approaches and rules. (Review).....	96
<i>Zakharov T.V.</i> Fundamentals of the US legal policy on trade in products of modern biotechnology. (Review)	109
<i>Skurko E.V.</i> Legal regulation of technologies of genetic modification of organisms in Germany. (Review)	119

<i>Kodaneva S.I.</i> Legal regulation of genetically modified organisms in the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland. (Article)	130
<i>Ulyanov A.V.</i> Problems of legal regulation of the use of genetically modified organisms in agriculture: the case of Mexico. (Review)	141

BRANCH SCIENTIFIC LEGAL RESEARCH

Theory of law

<i>Chetvernina T.Ya., Chetvernina A.V.</i> «Law in books»: scientific approaches to modern theory of law. (Review)	156
<i>Skurko E.V.</i> Legal systems of Asian states: traditions and modernity. (Review)	170

Law, medicine and healthcare

<i>Ivanova A.P.</i> Legal aspects of medical intervention in the use of human enhancement technologies. (Review)	179
<i>Ivanova A.P.</i> The era of COVID-19: how public health measures affected the protection of personal data. (Review)	189
<i>Alferov O.L.</i> Summary of the article: IP E.C. The political determinants of China's new health constitution. (Article summary)	199

International law

<i>Zakharov T.V.</i> Multilateralism in international relations, international organisations and challenges of global governing. (Review)	205
<i>Vlasov G.D.</i> Book review: Bowring B. The degradation of the international legal order? the rehabilitation of law and the possibility of politics	215
<i>Kravchuk N.V.</i> Summary of the book: Batyr V.A. International territorial law	224

**ТЕМА НОМЕРА
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
ГЕНЕТИЧЕСКИ МОДИФИЦИРОВАННЫХ
ОРГАНИЗМОВ И ИССЛЕДОВАНИЙ В
ОБЛАСТИ ГЕННОЙ ИНЖЕНЕРИИ**

УДК 349.6; 604.6; 340.5

DOI:10.31249/rgpravo/2022.04.01

РЕДНИКОВА Т.В.¹ РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В УНИФИКАЦИИ ПОДХОДОВ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГЕНОМНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА НАЦИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ. (Статья)².

Аннотация. Результаты геномных исследований являются универсальным знанием, теоретическая возможность применения которого не зависит от государственных границ и национальной принадлежности людей. Риски, связанные с проведением геномных исследований и применением их результатов, а также с негативным воздействием на жизнь и здоровье людей и состояние окружающей среды, нуждаются в детальной оценке и минимизации, в том числе и правовыми средствами. Во всем мире общественные отношения в сфере геномных исследований имеют как схожие черты, так и отдельные национальные особенности. Роль правового регулирования заключается в такой их регламентации, которая позволила бы снизить возникающие риски и не препятствовала дальнейшему научно-техническому прогрессу в развитии знаний и

¹ Редникова Татьяна Владимировна – старший научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук, кандидат юридических наук.

² Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-14011

технологий. В статье проводится анализ существующих норм международного права, а также его влияния на развитие национального права в сфере регулирования геномных исследований ряда зарубежных государств.

Ключевые слова: геном; геномные исследования; права человека; правовое регулирование; минимизация рисков; этические нормы; биобезопасность.

REDNIKOVA T.V. The role of international law in the unification of approaches to the legal regulation of genomic research at the national level in Russia and abroad. (Article).

Abstract. The results of genomic research are universal knowledge, the theoretical possibility of which does not depend on state borders and nationality of people. The risks associated with the conduct of genomic research and the application of their results, especially the possibility of a negative impact on human life and health, as well as the state of the environment, need to be assessed in detail and minimized, including by legal means. All over the world, public relations in the field of genomic research have both similar features and individual national characteristics. The role of legal regulation is to regulate them in such a way that would minimize the risks that arise and would not hinder further scientific and technological progress in the development of knowledge and technology. The article analyzes the existing norms of international law, as well as its impact on the development of national law in the field of regulation of genomic research in a number of foreign countries.

Keywords: genome; genomic research; human rights; legal regulation; risk minimization; ethical standards; biosafety.

Для цитирования: Редникова Т.В. Роль международного права в унификации подходов правового регулирования на национальном уровне в России и за рубежом // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4 : Государство и право. – 2022. – № 4. – С. 7–18. DOI:10.31249/rgpravo/2022.04.01

В XXI в. геномные исследования проводятся в самых различных отраслях науки, а их результаты все более широко применяются на практике. Современная медицина, микробиология и вирусология, сельское хозяйство, а также многие другие отрасли уже

давно имплементировали отдельные результаты изучения и модификации генома в свою практическую деятельность. Тем не менее до сих пор наиболее актуальными в этой сфере являются проблемы безопасности применения новых технологических решений, связанных с расшифровкой и редактированием генома. Однако, помимо оптимизма в решении, к примеру, ранее неразрешимых проблем в медицине по лечению тяжелых наследственных заболеваний, а также более эффективного обеспечения населения Земли продовольствием, в обществе существует обеспокоенность по поводу возможности негативного воздействия модификации генома и модифицированных организмов на жизнь и здоровье людей, а также состояние окружающей среды.

Полученные в ходе геномных исследований результаты являются универсальным знанием, теоретическая возможность применения которого не зависит от государственных границ и национальной принадлежности людей. При этом возможные риски, связанные с проведением геномных исследований и применением их результатов, нуждаются в детальной оценке и минимизации, в том числе и правовыми средствами. В данном случае роль законодателей состоит в том, чтобы принять обязательные правила для поддержки научно-технологических инноваций в рассматриваемой сфере и определить, что на данном этапе развития технологий является приемлемым для общества. Трансформация правовой реальности при этом зависит не только от уровня естественно-научных знаний, но и существующего в современном мире общественно-политического контекста. Особенно остро стоит вопрос о трансформации права в ответ на социальный и гуманитарный кризис планетарного масштаба, который мы наблюдаем в наши дни, когда ранее считавшиеся перспективными модели общественного развития одна за другой уверенно двигаются к своему закату¹. В условиях обостряющейся во всем мире конкуренции за природные ресурсы, сопровождающейся ростом политических, социальных и экологических конфликтов различного уровня, научные и

¹ См.: Савенков А.Н. Философия права, правовое мышление и глобальные проблемы современной цивилизации // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества : доклады членов Российской академии наук на Всероссийских научных конференциях с международным участием / под общей ред. А.Н. Савенкова. – Москва, 2019. – С. 9–92. – С. 13.

технологические достижения в сфере геномных исследований могут как стать для человечества благом, так и нанести непоправимый вред в случае их сознательного неправомерного применения или возникновения форс-мажорной ситуации. Подобные последствия могут как отрицательно отразиться на условиях жизни будущих поколений, так и понизить комфортность, защищенность ныне живущих людей, а также негативным образом сказаться на состоянии их здоровья¹.

Стремительное развитие технологии в сфере геномных исследований приводит в том числе и к тому, что общество зачастую не успевает с аналогичной скоростью проводить оценку их влияния на общественные отношения, производить своевременную коррекцию и определять границы их допустимости правовыми средствами². Существующий разрыв между скоростью научно-технического прогресса и темпами совершенствования системы социального управления порождает все большее количество неразрешенных этических, правовых, социальных и культурных вопросов, на которые необходимо своевременно находить адекватные ответы.

Особенно четко это прослеживается в случае вмешательства в геном человека, результаты которого могут быть переданы по наследству его потомкам, что считается неправомерными действиями во многих странах мира.

Так, впервые о вмешательстве в геном человека подобным образом стало известно в 2018 г., когда ученый Хэ Цзянькуй из Южного научно-технологического университета Китая объявил об удачно проведенном научном эксперименте по редактированию генома человека, в результате которого родились девочки-близнецы, одна из которых стала полностью невосприимчивой к ВИЧ-инфекции в результате произведенной модификации³. За свои дей-

¹ См.: Дубовик О.Л. Экологическая конфликтология (предупреждение и разрешение эколого-правовых конфликтов). – Москва, 2019. – С. 29.

² См.: Тихомиров Ю.А. Право: момент покоя или опережающее воздействие на социальные процессы // Журнал российского права. – 2020. – № 4. – С. 5–16.

³ См.: Китайские близнецы открыли новую эру эволюции человека. – URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/369823-kitayskie-bliznecy-otkryli-novuyu-eru-evolyucii-cheloveka> (дата обращения: 20.06.2022).

ствия, на которые в законодательстве КНР существует запрет, ученый был обвинен в совершении уголовного преступления (статья «Незаконная медицинская практика») и приговорен в декабре 2019 г. к трем годам лишения свободы со штрафом в размере 3 млн юаней (около 25 млн рублей)¹. При этом, несмотря на существующий сегодня в большинстве стран мира запрет, в общественном мнении до сих пор не существует консенсуса по поводу возможной правомерности подобных действий, да и пределов применения биотехнологий в целом. Поскольку право является регулятором сложившихся общественных отношений, в данном случае в первую очередь человечество должно определиться, «хочет ли человек оставаться человеком, т.е. биосоциальным существом, обладающим разумом и свободной волей, а если да, то может ли он воздержаться от такого вторжения в свою природу, которое чревато необратимыми качественными изменениями его биологических характеристик»².

Как справедливо отмечают А.Е. Постников и Е.Е. Никитина, в этой ситуации право должно работать на опережение в целях предотвращения рисков и угроз человеческой личности, ее достоинству и правам человека. По их мнению, лишь выработка объективно обоснованных правовых решений в рассматриваемой сфере позволит свободно развиваться геномике и другим связанным с нею наукам³. Отметим, что при разработке законодательства, регулирующего общественные отношения в сфере геномных исследований, необходимо обеспечить баланс между минимизацией рисков и угроз наступления негативных последствий их применения и исключением препятствий для развития этой отрасли науки,

¹ См.: Liu S. Legal reflections on the case of genome-edited babies // *Global health research and policy*. – 2020. – URL: <https://ghrp.biomedcentral.com/articles/10.1186/s41256-020-00153-4> (дата обращения: 20.06.2022).

² Лапаева В.В. Международное регулирование отношений в сфере биомедицины: взаимодействие права и морали // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. – 2019. – № 2. – С. 35.

³ См.: Постников А.Е., Никитина Е.Е. Теория и практика регулирования геномных исследований в Российской Федерации в контексте международно-правовых стандартов // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения = Journal of foreign legislation and comparative law*. – 2020. – № 5. – С. 5–6.

поскольку технологическое отставание в данной сфере от других стран в какой-то момент может стать критическим.

Правовые подходы к регламентации сферы геномных исследований в первую очередь различаются в зависимости от объекта исследования и модификации: геном ли это человека или иного живого организма.

В отношении исследований, проводимых с геномами не человека, а других живых организмов, как в международном, так и в национальном праве отдельных стран основное внимание уделяется вопросам минимизации их риска и вопросам обеспечения безопасности человека и окружающей среды. Здесь в первую очередь необходимо упомянуть Конвенцию о биологическом разнообразии¹, принятую в 1992 г. на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в г. Рио-де-Жанейро и вступившую в силу в 1993 г. после подписания ее 168 государствами. 29 января 2000 г. Конференция Сторон Конвенции о биологическом разнообразии приняла дополнительное соглашение к Конвенции, известное как Картахенский протокол по биобезопасности². Данный документ направлен на защиту биологического разнообразия от потенциальных рисков, связанных с живыми измененными организмами, созданными при помощи биотехнологических методов. Цель Протокола заключается в «содействии обеспечению надлежащего уровня защиты в области безопасной передачи, обработки и использования живых измененных организмов, являющихся результатом применения современной биотехнологии и способных оказать неблагоприятное воздействие на сохранение и устойчивое использование биологи-

¹ См.: Российская Федерация подписала Конвенцию о биологическом разнообразии в 1992 г. и ратифицировала ее в 1995 г. (см.: Федеральный закон от 17 февраля 1995 г. № 16-ФЗ «О ратификации Конвенции о биологическом разнообразии»).

² Картахенский протокол по биобезопасности к Конвенции о биологическом разнообразии (вместе с «Информацией, требуемой в рамках уведомлений в соответствии со статьями 8, 10 и 13», «Информацией, требуемой в отношении живых измененных организмов, предназначенных для... продовольствия или корма или для обработки в соответствии со статьей 11», «Оценкой рисков»). Подписан в г. Монреале 29.01.2000, вступил в силу 11 сентября 2003 г. Российская Федерация не является участником Картахенского протокола. Также к нему не присоединилась такая ведущая страна в сфере геномных исследований, как США, а Китай и Япония протокол подписали.

ческого разнообразия, с учетом также рисков для здоровья человека и с уделением особого внимания трансграничному перемещению» (ст. 1)¹. Протокол подтверждает правомерность принятия государствами мер предосторожности в соответствии с принципом 15 Рио-де-Жанейрской декларации по окружающей среде и развитию². Он также учреждает Механизм посредничества по биобезопасности для содействия обмену информацией о живых измененных организмах и оказания помощи странам в его осуществлении. Его сторонами сегодня являются 173 государства. Несмотря на то что Российская Федерация на настоящий момент не присоединилась к Картахенскому протоколу, такое стремление обозначено среди основных задач, зафиксированных в подп. 9 п. 14 Основ государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 г. и дальнейшую перспективу, утвержденных Указом Президента РФ от 11 марта 2019 г. № 97.

В качестве примера развития наднационального законодательства, принятого в сфере предупреждения рисков негативного воздействия генетически модифицированных организмов на окружающую среду, можно привести Европейский союз (ЕС), являющийся стороной Картахенского протокола с 2002 г.³, в котором принят ряд специализированных актов различной юридической силы и обязательности для стран-членов, регулирующих различные аспекты оборота ГМО (подробнее об этом см. далее обзоры Н.В. Кравчук, А.П. Ивановой).

На международном уровне манипуляции с геномом человека регулируют соответствующие нормы, принятые в основном в форме актов так называемого «мягкого права» – деклараций, носящих рекомендательный характер и указывающих на необходимость соблюдения в ходе применения этических норм и прав че-

¹ См.: Картахенский протокол по биобезопасности. – URL: <https://bch.cbd.int/protocol> (дата обращения: 23.01.2022).

² Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию. Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию. – Рио-де-Жанейро, 1992. – 3–14 июня. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения: 12.06.2022).

³ Решение Совета 2002/628 ЕС от 25 июня 2002 г. о заключении от имени Европейского сообщества Картахенского протокола по биобезопасности // OJ L 201. – 2002. – P. 48.

ловека. Среди них такие документы, принятые либо ООН, либо одним из ее специализированных агентств ЮНЕСКО, как Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека 1997 г., Международная декларация о генетических данных человека 2003 г., Декларация ООН о клонировании человека 2005 г., Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека 2005 г.

К примеру, Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека 1997 г., не умаляя значимости геномных исследований и практического применения их результатов для перспектив улучшения здоровья как отдельных людей, так и всего человечества, указывает, что в их ходе необходимо всесторонне обеспечивать уважение достоинства, а также соблюдение прав и свобод человека. Отдельное внимание уделяется проблемам введения запретов на любую форму дискриминации на основании генетических характеристик (ст. 6), а также конфиденциальности и защите генетической информации от несанкционированного доступа к ней (ст. 7). При этом декларируется необходимость обеспечения всеобщего доступа к результатам научных исследований в рассматриваемой сфере (ст. 12). Практика клонирования в целях воспроизводства человеческой особи признается противоречащей человеческому достоинству (ст. 11). Ответственность за соблюдение этических норм и прав человека в ходе геномных исследований декларацией предложено возложить непосредственно на исследователей, а также обязать государства не только создавать различного рода условия и принимать меры по организации и беспрепятственному проведению научных исследований, но и осуществлять их всесторонний контроль.

Чуть ранее 19 января 1996 г. Комитет министров Совета Европы принял Конвенцию о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенцию о правах человека и биомедицине ETC N 164¹. Широкую дискуссию в юридической и иной научной литературе вызывает по-

¹ Данная Конвенция вступила в силу 1 декабря 1999 г., по состоянию на 1 января 2022 г. к Конвенции присоединились 29 государств. Дополнена протоколами: о запрете клонирования человека (1998), о трансплантации органов и тканей человеческого происхождения (2002), о биомедицинских исследованиях (2005), о генетическом тестировании в медицинских целях (2008). См. URL: <https://www.coe.int/en/web/bioethics/oviedo-convention> (дата обращения: 12.06.2022).

ложение ст. 2 данной Конвенции о превалировании интересов и блага отдельного человека над интересами общества и науки. С одной стороны, высказываются мнения о негативном эффекте противопоставления интересов личности и общества и необходимости соблюдения определенного баланса¹, другие считают данное утверждение декларативным и призванным лишь акцентировать внимание на необходимости защиты прав человека как личности.

Этические проблемы, возникающие в процессе проведения геномных исследований и имплементации их результатов, также регулируются на уровне отдельных профессиональных сообществ. В качестве примера можно привести такие документы, как Заявление о генетическом консультировании и геномной инженерии (принято 39-й Всемирной медицинской ассамблеей, Мадрид, Испания, октябрь 1987), Международные руководящие принципы по этическим вопросам в медицинской генетике и генетических службах². Подобные акты, содержащие этические нормы и правила, рекомендованные к соблюдению определенным кругом лиц, входящих в различные профессиональные сообщества по роду своей деятельности, связаны с тем или иным видом геномных исследований или имплементацией их результатов.

С развитием технологий, появлением новых научных достижений принимаются и новые аналогичные документы. Например, в 2016 г. Международным сообществом исследования стволовых клеток (ISSCR) были опубликованы пересмотренные в свете появления новых форм исследования эмбрионов руководящие принципы для исследования стволовых клеток, целью которых является установление границ их применения³.

¹См.: Косилкин С.В. Актуальные вопросы методов правового регулирования геномных исследований в международном праве и законодательстве Российской Федерации // *Цивилизация знаний: российские реалии. Цивилизационная роль права в условиях смены научно-технологической парадигмы (стратегическая панель)* : сб. тр. XXII Междунар. науч.-практ. конф. – Москва, 2021. – С. 411.

²Proposed international guidelines on ethical issues in medical genetics and genetic services : report of WHO meeting on Ethical Issues in Medical Genetics, Geneva, 15–16 December 1997. – URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/63910> (дата обращения: 12.06.2022).

³См.: Пестрикова А.А. Установление сроков для проведения исследований с человеческими эмбрионами: правовой аспект // *Успехи современной науки*. – 2017. – Т. 6, № 1. – С. 65.

Таким образом, в отсутствие на международном уровне договоров, содержащих нормы обязывающего характера в области исследований, связанных с человеческим геномом, и при наличии в этой сфере исключительно норм мягкого права государства регулируют связанные с ними общественные отношения в рамках национального законодательства. Так, в последние десятилетия нормы, более детально регламентирующие права человека в сфере геномных исследований, были включены в текст основных законов некоторых стран (к примеру, Швейцарии¹, Греции² и Португалии³). Но в большинстве случаев по различным аспектам геномных исследований правовое регулирование общественных отношений осуществляется путем принятия актов более низкого, нежели основные законы государств, уровня.

Европейский союз как наднациональное межгосударственное объединение нацелено на гармонизацию законодательства стран-членов по наиболее ключевым вопросам общественных отношений, одним из которых, безусловно, являются геномные исследования. Для ЕС характерно юридическое разделение полномочий между ЕС как организацией и государствами его членами, включающее в себя четыре типа компетенций: исключительные компетенции ЕС, дополнительные компетенции ЕС, общие компетенции между ЕС и его государствами-членами и исключительные компетенции государств-членов. В случае с правовым регулированием геномных исследований в ЕС ситуация складывается таким образом, что одни обязательные для государств-членов нормы принимаются на уровне ЕС, право же принятия других делегировано на национальный уровень. Области, наиболее важные для редактирования генома человека, относятся к общим компетенциям ЕС и его государств-членов или к дополнительной компетен-

¹ См.: SR 101 – Federal Constitution of 18 April 1999 of the Swiss Confederation (admin.ch). – URL: <http://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/1999/404/en> (дата обращения: 01.06.2022).

² См.: The Constitution of Greece. – URL: <https://www.hellenicparliament.gr/UserFiles/f3c70a23-7696-49db-9148-f24dce6a27c8/001-156%20aggliko.pdf> (дата обращения: 01.06.2022).

³ См.: Constitution of the Portuguese Republic. Seventh Revision. – 2005. – URL: <http://www.tribunalconstitucional.pt/tc/conteudo/files/constituicaoingles.pdf> (дата обращения: 01.06.2022).

ции ЕС в отношении внутреннего рынка, исследований и общественного здравоохранения.

Например, защита и улучшение здоровья человека являются областью первичной национальной компетенции. В общем виде можно сказать, что в ЕС национальные законы остаются приоритетными в отношении некоторых аспектов новых медицинских технологий, включая методы редактирования генома человека, в частности, в отношении моральных императивов, связанных с инновациями, в то время как законодательство ЕС явно доминирует в регулировании этих методов в коммерческих целях¹.

Нормативную базу применимого к редактированию генома человека законодательства в ЕС составляют значительное количество правовых актов, регулирующих обращение с различными объектами (среди которых, например, ткани и клетки, генетически модифицированные организмы, лекарственные средства передовой терапии), этапы разработки лекарственных средств на основе редактирования генома человека (фундаментальные исследования, патентоспособность, клинические испытания, разрешение на продажу), иные акты в таких сферах, как гражданское право, право общественного здравоохранения, право биоэтики.

На сегодняшний день в сфере правового регулирования геномных исследований больше проблем и вопросов, нежели реализованных решений в форме обязывающих нормативных правовых актов. Скорость, с которой эволюция научных исследований в рассматриваемой сфере ставит все новые вопросы и проблемы, нуждающиеся в максимально достоверной оценке и определении желаемых направлений развития, к сожалению, несоизмерима со скоростью принятия правовых норм, регулирующих общественные отношения. И подобная ситуация не может быть оценена положительно ни с одной из сторон. Ее усугубляет возрастающая напряженность и конфликтность межгосударственных отношений. Ярким примером может служить эпидемия COVID-19, во время которой экономические и политические интересы превалировали над интересами сохранения здоровья людей во всем мире. Эпиде-

¹ См.: Mahalatchimy A., Rial-Sebbag E. Deciphering the fragmentation of the human genome editing regulatory landscape // *Frontiers in political science*. – 2022. – Vol. 3, Art. 793134. – P. 9–10.

мия также показала пример неравенства жителей стран с разным уровнем жизни и экономическим благополучием перед лицом угрозы их жизни и здоровью. Различной оказалась реакция граждан в разных странах на вводимые в связи с ней ограничения прав и свобод отдельных лиц ради общественного блага. Как показала практика, такая реакция в большой степени зависит от изначальной уверенности людей в правильности и компетентности принимаемых органами государственного управления мер.

Подводя итог сказанному выше, следует еще раз отметить, что задача создания единой системы правового регулирования геномных исследований как на международном, так и на национальном уровнях представляется слабо реализуемой как вследствие огромного разнообразия их сфер, так и связанного с ним разнообразия общественных отношений, которые подлежат урегулированию. Другим препятствием эффективному международному сотрудничеству является все более обостряющаяся конкуренция стран за доступ к ресурсам. Представляется, что в перспективе одной из основных задач мирового сообщества в сфере геномных исследований является эффективная имплементация результатов в интересах всех людей, проживающих на Земле сейчас, а также будущих поколений с учетом приверженности идеям гуманизма и равного доступа к научным достижениям в целях сохранения общественного здоровья и безопасности. В Венецианском заявлении ЮНЕСКО (2009)¹ указано, что каждый должен иметь возможность пользоваться благами научного прогресса, а научные достижения в области медицинских исследований и медицины должны быть доступны для всех, в том числе и с финансовой точки зрения. При этом каждый человек должен быть защищен от возможных негативных последствий научно-технического прогресса, нарушающих его права. И развитию международного права в этом процессе должна отводиться одна из ключевых ролей.

¹ См.: UNESCO. The Right to Enjoy the Benefits of Scientific Progress and its Applications. – URL: <https://en.unesco.org/human-rights/science> (дата обращения: 10.06.2022).

ВЛАСОВ Г.Д.¹ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ ГЕННОЙ ИНЖЕНЕРИИ В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ (КИТАЙ, ЯПОНИЯ, КОРЕЯ). (Обзор).

Аннотация. В обзоре рассматриваются три публикации зарубежных ученых, посвященные проблемам правового регулирования модификации зародышевых линий генома человека в Китае, Японии и Южной Корее. Приводятся актуальные нормативные правовые акты каждой из стран в данной области, раскрывается содержание норм, регулирующих как вопросы непосредственно модификации зародышевых линий генома человека, так и более широкую сферу генетических исследований и генной терапии. Кроме того, в обзоре перечисляются ведомства, которые в рамках своей компетенции осуществляют контроль и практическое руководство в области генетических исследований.

Ключевые слова: генетика; Китай; Япония; Республика Корея; CRISPR-Cas9; геном; стволовые клетки; зародышевые линии, генная терапия.

VLASOV G.D. Legal regulation of genetic engineering in East Asia (China, Japan, Republic of Korea). (Review).

Abstract: The review considers three publications of foreign scientists dedicated to the problems of the legal regulation of the human germline genome modification in China, Japan and the Republic of Korea. The review describes current statutory enactments in this field of each of the three countries, reveals the content of the statutory provisions regulating both human germline genome modification and

¹ Власов Георгий Дмитриевич, научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований ИНИОН РАН.

the broader sphere of the genetic research and gene therapy. Along with that in the review are listed the administrative bodies which supervise the genetic research.

Keywords: genetics; China; Japan; Republic of Korea; CRISPR-Cas9; genome; stem cells, germline, gene therapy.

Для цитирования: Власов Г.Д. Правовое регулирование исследований в области генной инженерии в странах Восточной Азии (Китай, Япония, Корея). (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2022. – № 4. – С. 19–30. DOI:10.31249/rgpravo/2022.04.02

Стремительное развитие биотехнологии, и, в частности, генной инженерии, сопряжено с целым рядом вопросов философского, этического и даже богословского характера. Современные достижения в области редактирования генома человека (и, в частности, использование технологии CRISPR-Cas9), по мнению многих специалистов, ставят человечество перед перспективой беспрецедентной в его истории возможности трансформировать себя как вид. Однако допустимо ли делать такой шаг и к каким последствиям это может привести? Споры относительно этого не утихают. Моральные, этические и религиозные представления того или иного общества оказывают прямое воздействие на то, как национальная правовая система подходит к решению вопросов генетических исследований и редактирования генома, но только право в конечном итоге непосредственно определяет реальную меру допустимого в данной сфере. В связи с этим интересно узнать, как правовые системы разных стран и регионов мира регулируют вопросы генной терапии и генной инженерии, потенциального изменения человеческого генома. В данном обзоре рассматриваются публикации, которые посвящены вопросам правового регулирования редактирования зародышевых линий генома человека в странах Дальнего Востока – Китае, Корее и Японии.

Научный сотрудник Центра геномики и политики медицинского факультета Университета Макгилла Линьцо Сон и доктор юриспруденции, доцент Департамента генетики человека им. Дж.Т. Макдональда Школы медицины имени Миллера Университета Майями Росарио Исаси в главе «Регулирование модификации зародышевых линий генома человека в Китайской Народной Рес-

публике» [2] рассматривают вопросы правового регулирования редактирования генома человека в современном Китае. Благодаря достигнутым успехам в данной области, равно как и масштабу его научного сообщества и обширным ресурсам, Китай находится на переднем крае исследований в области биотехнологий и редактирования генов [2, р. 469]. В начале своего исследования авторы в общих чертах раскрывают специфику политической и правовой системы КНР, описывают структуру государственного управления и иерархию источников права в КНР. Подчеркивается, что важнейшей вехой в развитии правовой системы КНР стало включение в 2004 г. в Конституцию страны положения о том, что «государство уважает и защищает права человека» [2, р. 471]. В 2001 г. Китай ратифицировал Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, и, таким образом, обязался соблюдать предусмотренные данным Пактом права, в частности право на здоровье и на участие в научном прогрессе. Эти права хотя и не нашли отражения в Конституции КНР, но они закреплены в ряде законодательных актов, в соответствии с которыми, в частности, установлено, что «государство защищает свободу научных и технологических исследований и развития, поощряет научные исследования и технологические инновации и защищает законные права и интересы научных и технологических работников» [цит. по: 2, р. 472].

Что касается регулирования вопросов здравоохранения и научного развития (непосредственно относящихся к проблематике редактирования генома человека), то здесь ключевая роль принадлежит Государственному совету КНР – высшему государственному исполнительному органу КНР. Госсовет издает «административные распоряжения» («administrative regulations»). Эти распоряжения формируют те административные границы, в рамках которых различные министерства принимают в рамках своих полномочий различные правовые акты, называемые «административными правилами» («administrative rules»). Министерства также могут издавать нормативные документы. Последние имеют менее формальную природу и не являются источником права с точки зрения китайского законодательства, однако являются обязательными для исполнения [2, р. 472–473].

На сегодняшний день полномочиями в вопросах изменения клеток зародышевой линии человека наделены три органа власти

КНР. До 2013 г. вопросы изменения клеток зародышевой линии человека относились к компетенции Министерства здравоохранения КНР, которое затем прошло ряд трансформаций и в 2018 г. было преобразовано в Национальную комиссию здравоохранения КНР, регулирующую вопросы государственной политики в области здравоохранения, охраны общественного здоровья и т.д.

В 2018 г. было создано Национальное управление медицинских продуктов¹, к компетенции которого относятся вопросы лицензирования и надзора в сфере фармацевтических средств, косметических продуктов и медицинского оборудования [2, р. 474]. Наконец, Министерство науки и технологий КНР, курирующее вопросы технологического развития и научных исследований и ответственное за ряд государственных программ в этих областях, также имеет полномочия в вопросах регулирования изменения клеток зародышевой линии генома человека в рамках своей компетенции.

Таким образом, именно эти три ведомства на сегодняшний день наделены полномочиями по регулированию вопросов изменения клеток зародышевой линии генома человека. При этом ключевыми ведомствами являются Национальная комиссия здравоохранения КНР и Министерство науки и технологий КНР [2, р. 475].

Три вышеупомянутых ведомства (а также их ныне упраздненные предшественники) издали целый ряд нормативных правовых актов, регулирующих различные области генетических технологий, в том числе вопросы исследования генных технологий, клиническое применение генной терапии и исследований в области стволовых клеток [2, р. 476]. Среди наиболее важных из этих документов авторы главы выделяют следующие: Руководящие этические принципы исследований стволовых клеток человеческого эмбриона 2003 г. (Ethical Guiding Principles for Research on the Human Embryonic Stem Cell); Технические нормы искусственного оплодотворения 2003 г. (Technical Norms on Assisted Reproduction), Административные меры по клиническому применению медицинских технологий 2009 г. (Administrative Measures for the Clinical

¹ В главе указано иное наименование данной организации, отличающееся от официального англоязычного наименования. – Г. В.

Application of Medical Technology). Также в 2003 г. были опубликованы Руководящие принципы исследований генной терапии человека и контроля качества подготовки к исследованиям (Guiding Principles for Human Gene Therapy Research and Preparation Quality Control). Интересно, что ни эти, ни остальные подготовленные соответствующими китайскими ведомствами нормативные акты, не содержат прямого упоминания изменения клеток зародышевой линии генома человека [2, p. 476].

Значительным шагом вперед для биоэтики в Китае стало принятие в 2016 г. Комиссией по здравоохранению и планированию семьи¹ документа под названием «Руководящие этические принципы биомедицинских исследований с участием людей в КНР» (Ethical Review Guidelines on Biomedical Research Involving Human Subjects). Документ установил шесть базовых принципов, которых должны придерживаться все научные и медицинские учреждения, которые проводят исследования с участием людей в качестве объектов. Речь идет о следующих принципах: информированное согласие, баланс выгод и рисков, свобода участия (в исследованиях), защита неприкосновенности частной жизни, покрытие необходимых расходов и компенсация вреда [2, p. 485]. Руководящие этические принципы биомедицинских исследований с участием людей в КНР (далее – Руководящие этические принципы) также ввели требование, согласно которому в медицинских учреждениях любого уровня, проводящих исследования на людях, должны создаваться независимые комитеты по этике (Ethical review boards) [2, p. 485]. Это относится и к исследованиям клеток зародышевой линии генома человека. Несмотря на то что указанные Руководящие этические принципы по своей правовой природе относятся к категории административных правил (подробнее о которых говорилось выше), они содержат нормы об административной и даже уголовной ответственности за нарушение установленных правил.

В Китае разрешены исследования эмбрионов человека и гонциотов (эмбриональных клеток), в том числе – исследование их генетических модификаций. Помимо вышеупомянутых Руководя-

¹ Ведомство-предшественник Национальной комиссии здравоохранения КНР. – Г. В.

щих этических принципов данные исследования регулируются принятыми в 1993 г. Министерством науки и технологий «Административными мерами по безопасности генной инженерии» (Administrative Measures for Gene Engineering Safety), регламентирующими деятельность в области генной инженерии в целом, включая лабораторные исследования, промышленное производство, использование продукции, являющейся результатом генной инженерии и т.д. [2, р. 489]. Учитывая год принятия данного документа неудивительно, что он не содержит прямого упоминания редактирования зародышевых линий человека, в связи с чем остается неясность в вопросе его применения в данной области. В 1998 г. были приняты «Промежуточные административные меры по генетическим ресурсам человека» (Interim Administrative Measures for Human Genetic Resources), которые устанавливают требование наличия специальной лицензии для сбора, хранения и экспорта генетического материала человека.

Согласно другому нормативному правовому акту – Руководящим принципам исследований генной терапии человека и контроля качества подготовки к исследованиям, о которых говорилось выше, в Китае допускается только генная терапия соматических клеток человека, но не клеток зародышевой линии. Принципы включают меры, направленные на обеспечение безопасности и эффективности генной терапии, регулируют производство средств генной терапии, устанавливают ее этические основы. Документ также вводит различие между двумя видами генной терапии – *ex vivo*, при которой измененные гены вводят в изолированную клетку, которая затем вводится в человеческий организм, и *in vivo*, при которой гены вводятся непосредственно в организм человека [2, р. 491]. Для двух этих различных типов терапии устанавливаются различные правила подготовки препаратов, контроля качества, проверок безопасности и т.д. Вышеперечисленные базовые документы дополняются различными административными правилами, которые издаются различными ведомствами, курирующими вопросы здравоохранения и медицинских исследований (в том числе в области генетики), о которых говорилось выше.

Авторы приходят к заключению, что, как и во многих других странах мира, правовое регулирование вопросов модификации зародышевых линий генома человека в Китае является фрагментар-

ным и по большей части устаревшим [2, р. 497]. Дополнительную сложность в данной сфере создает пересечение регуляторных полномочий трех различных ведомств – Национальной комиссии здравоохранения КНР, Национального управления медицинских продуктов и Министерства науки и технологий КНР). К тому же нормативную базу правового регулирования модификации зародышевых линий генома человека в Китае составляют разнородные ведомственные документы, уровень которых в правовой иерархии КНР весьма низок.

Профессор Университета Хоккайдо, кандидат биологических наук Тецуя Исии в работе под названием «Регулирование модификации зародышевых линий генома человека в Японии» [1] отмечает, что с 1996 г. некоторые виды модификации митохондриального генома зародышевых линий применялись в репродуктивной медицине в разных странах, однако затем подобная практика была запрещена в США и КНР [1, р. 441]. В Японии в связи со стремительным старением населения и низким показателем суммарного коэффициента рождаемости вопросы репродуктивной медицины очень важны, страна делит с США первое место в мире по числу обращений к процедуре экстракорпорального оплодотворения [1, р. 442]. Возможно, именно по этой причине регулирование вопросов репродуктивной медицины в Японии является менее строгим, чем в европейских странах, и полностью сосредоточено в руках профессионального сообщества врачей соответствующих специальностей, а не законодателей.

Что касается непосредственно нормативно-правового регулирования модификации наследственных линий генома человека, то эта сфера в Японии регулируется одним основополагающим законом – принятым в 2000 г. Актом о регулировании технологий клонирования человека (Act on Regulation of Human Cloning Techniques), документом под названием «Основная политика относительно обращения с эмбрионами человека» (Fundamental Policy Regarding Handling of Human Embryos), изданным Советом по научной и технологической политике администрации кабинета министров Японии в 2004 г., а также рядом руководителей отдельных министерств и научных обществ [1, р. 444].

Автор отмечает два наиболее важных, с его точки зрения, международных документа, касающихся регулирования модифи-

кации наследственных линий генома человека, к которым присоединилась Япония. Это Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и Картахенский протокол по биобезопасности к Конвенции по биологическому разнообразию [1, p. 444].

Основная политика относительно обращения с эмбрионами человека (далее – Основная политика) не является законом и потому не носит обязывающего характера. Названный документ не содержит каких-либо положений, предусматривающих какие-либо меры ответственности за ее нарушение. Это же относится и к различным руководствам, которые выпускались двумя министерствами, в сферу компетенции которых входят рассматриваемые в главе вопросы, а именно – Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологии (далее – МОКСНТ) и Министерство здравоохранения, труда и социального обеспечения (далее – МЗТСО). Основная политика позволяет создание эмбрионов человека в исследовательских целях, но только если исследования направлены на развитие технологий вспомогательного оплодотворения. Кроме того, этот акт позволяет и получение эмбриональных стволовых клеток, но только в целях использования в терапевтических целях и только если они получены из избыточных клеток в процессе ЭКО [1, 445].

Что касается руководств, издаваемых на уровне министерств, то главными среди них являются Этические принципы исследований вспомогательной репродуктивной терапии для создания оплодотворенных эмбрионов человека 2010 г. (Ethical Guidelines for Research on Assisted Reproductive Technology Treatment Producing Human Fertilized Embryos), изданные совместно МОКСНТ и МЗТСО, и Основополагающие принципы получения и распределения стволовых клеток эмбриона человека 2009 г., утвержденные МОКСНТ (Guidelines on the Derivation and Distribution of Human Embryonic Stem Cells) [1, p. 445].

Акт о регулировании технологий клонирования человека и соответствующие руководства, изданные министерствами, запрещают клонирование человека и регламентируют восемь других технологий репродукции человека, животных или их подвидов. Данные документы допускают базовые исследования человеческих эмбрионов, созданных путем переноса ядра соматической

клетки, но только для так называемого терапевтического клонирования, т.е. получения индивидуальных линий эмбриональных стволовых клеток для лечения стволовыми клетками. Также допустимым является создание гибридных эмбрионов человека и животных в целях выращивания человеческих органов в животных [1, р. 447].

В дополнение к Акту о регулировании технологий клонирования человека в 2003 г. в Японии был принят еще один закон – Акт о сохранении и рациональном использовании биологического разнообразия путем регулирования использования модифицированных живых организмов (Act on the Conservation and Sustainable Use of Biological Diversity through Regulations on the Use of Living Modified Organisms). Целью принятия данного Закона была имплементация в национальное законодательство Картахенского протокола, его также называют «Картахенским законом». Наконец, помимо нормативных правовых актов, в регулировании вопросов модификации наследственных линий генома человека значительную роль играет ряд руководств, принятых профессиональным объединением медиков – Японским обществом акушеров и гинекологов.

На сегодняшний день японское законодательство позволяет получать эмбриональные стволовые клетки человека из избыточных эмбрионов при ЭКО и использовать их в исследовательских целях, проводить базовые исследования с использованием клеток зародышевых линий, генерировать клетки зародышевых линий из стволовых клеток, проводить терапевтическое клонирование, создавать гибридные эмбрионы человека и животных в целях выращивания человеческих органов в животных, создавать и использовать эмбрионы человека в целях исследований, направленных на улучшение репродуктивных технологий, при условии, что возраст эмбрионов не превышает 14 дней.

В целом Япония обладает проработанной системой правового регулирования исследований герминальных линий генома человека, однако она не лишена и определенных недостатков, в частности, имеют место пробелы в регулировании и противоречия между различными документами, а также несоответствие определений тех или иных понятий в правовых актах терминологии, применяемой в научной литературе [1, р. 447–448].

Доцент департамента медицинского права и этики Университета Ёнсе (Республика Корея) Ханна Ким и доктор гражданского права, директор по научно-исследовательской работе Центра геномики и политики Университета Макгилла (Канада) Ян Джоли рассматривают вопросы регулирования модификации герминальных линий генома человека в Республике Корея [3]. На сегодняшний день Республика Корея является одним из мировых лидеров в области генной инженерии. Что касается правового регулирования данной области, то оно последовательно развивалось в Корее начиная со второй половины XX в. [3, р. 503]. Хотя Конституция Республики Корея никак напрямую не регулирует вопросы генетических исследований, тем не менее значительную роль в установлении базовых принципов правового регулирования данной сферы сыграли некоторые постановления Конституционного суда Кореи, касающиеся гарантированного конституцией права на жизнь. Суд, в частности, установил, что право на жизнь распространяется на плод в период внутриутробного развития, но не распространяется на человеческий эмбрион [3, р. 503].

Что касается непосредственного законодательного регулирования исследований в области генетики, то ключевым документом здесь является Закон о биоэтике и безопасности (Bioethics and Safety Act), принятый в 2005 г. и с тех пор несколько раз дополнявшийся поправками. Данный Закон ввел ряд ключевых терминов для регулирования отрасли генетических исследований, таких, как, например, «эмбрион», «генная терапия», «перенос ядра соматической клетки» и т.д. [3, р. 505]. Закон также устанавливает ряд запретов на определенные виды исследований. В целом для Кореи характерен консервативный и осторожный подход к вопросам генетических исследований. Отражением этого является ряд положений Закона о биоэтике и безопасности, который, в частности, устанавливает, что эмбрионы запрещено производить в каких-либо целях кроме рождения детей [3, р. 506]. Закон запрещает и ряд других практик, например оплодотворение ооцита в целях получения потомства определенного пола [там же]. Закон запрещает клонирование человека и введение клонированных эмбрионов, а также эксперименты по созданию гибрида человека и животного, смешивание эмбрионов человека и животного и связанные с этим действия. Также под запретом находится генная терапия эмбрио-

нов, зародышей, спермы и яйцеклеток. Все учреждения, которые ведут исследования с использованием человеческих эмбрионов, должны быть зарегистрированы в министерстве здравоохранения и социального обеспечения. Закон предусматривает уголовную ответственность за незаконную процедуру создания и использования эмбрионов, а также за незаконное применение или исследование генной терапии [там же].

Помимо Закона о биоэтике и безопасности определенную роль в регулировании модификации герминальных линий генома человека играет Закон о фармацевтических вопросах 1954 г. (Pharmaceutical Affairs Act), а также Регламент рассмотрения и одобрения биологических продуктов 2018 г. (Regulation on Review and Authorization of Biological Products) и Инструкции по оценке неклинических испытаний медицинских продуктов генной терапии 2017 г. (Guidelines on the Evaluation of Nonclinical Trials of Genetic Therapy Medicinal Product) [3, p. 507]. Эти документы регулируют испытания, производство, продажу и использование медикаментов, и генная терапия в рамках данных документов рассматривается именно в качестве медицинского продукта, который должен пройти соответствующие испытания и получить разрешение министерства безопасности медикаментов и продовольствия. Такое разрешение не предоставляется продуктам генной терапии, которые вызывают сомнения с этической точки зрения, включая терапию с использованием изменения клеток зародышевых линий человека [3, p. 508]. При этом закон не содержит прямого запрета на исследование модификации зародышевых линий генома человека.

Закон о биоэтике и безопасности возлагает обязанности по контролю и определению политики в области исследований с использованием эмбрионов человека на министерство здравоохранения и социального обеспечения, Национальный комитет по биоэтике и комитеты по биоэтике конкретных исследовательских учреждений, осуществляющих исследования в данной области. При этом создание таких комитетов по биоэтике в соответствии с законом является обязательным для учреждений, ведущих исследования генома человека и в целом исследования, которые могут иметь существенные моральные и социальные последствия.

Внесение в 2015 г. поправок в Закон о биоэтике и безопасности стало поворотным моментом в области генетических исследо-

ваний в Корею. Несмотря на запрет различных видов генной терапии, Закон теперь допускает исследования в данной области при условии, что они направлены на борьбу с генетическими заболеваниями, СПИДом и другими тяжелыми заболеваниями, от которых в настоящее время не существует лекарств, или если потенциальная эффективность генной терапии для лечения таких заболеваний будет значительно выше эффективности существующих лекарств [3, p. 511]. Исследования генома человека также разрешены в случае, если они направлены на лечение бесплодия или каких-либо тяжелых заболеваний (перечень таких заболеваний зафиксирован в специальном указе президента Республики Корея). При этом в указанном Законе отсутствует разделение на соматические и зародышевые клетки, что может трактоваться таким образом, что исследование зародышевых линий допустимо, если оно отвечает вышеупомянутым критериям цели исследования. Еще одна интересная особенность Закона о биоэтике и безопасности состоит в том, что он регулирует модификацию генома в целях, отличных от терапевтических, что потенциально означает отсутствие запрета на такие действия, как модификация генома в целях усовершенствования внешности или физических способностей, что запрещено в большинстве стран мира [3, p. 513].

Список литературы

1. Ishii T. The regulation of human germline genome modification in Japan // Human germline genome modification and the right to science. A comparative study of national laws and policies / ed. by Boggio A., Romano C.P.R. Almqvist J. – Cambridge, 2020. – P. 441–468.
2. Song L., Isasi R. The regulation of human germline genome modification in the people's Republic of China // Human germline genome modification and the right to science. A comparative study of national laws and policies / ed. by Boggio A., Romano C.P.R. Almqvist J. – Cambridge, 2020. – P. 469–499.
3. Kim H., Joly J. The regulation of human germline genome modification in the Republic of Korea // Human germline genome modification and the right to science. A comparative study of national laws and policies / ed. by Boggio A., Romano C.P.R. Almqvist J. – Cambridge, 2020. – P. 500–515.

КРАСИКОВ Д.В.¹ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ РЕЖИМ РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ГЕНЕТИЧЕСКИ МОДИФИЦИРОВАННЫХ ОРГАНИЗМОВ. (Статья).

Аннотация. Современное международное право много внимания уделяет правовому режиму регулирования ГМО, определяющему порядок и условия использования технологий генной инженерии, а также производства и обращения продукции, полученной в результате их применения. Центральными компонентами этого режима выступают универсальные и региональные соглашения в сфере международной торговли, а также отдельные акты «мягкого права». Настоящая статья посвящена обзору международно-правового режима регулирования ГМО и краткой оценке его функционирования.

Ключевые слова: международное право; генетически модифицированные организмы; Картахенский протокол; принцип принятия мер предосторожности.

KRASIKOV D.V. International legal regulation regime in the field of genetically modified organisms. (Article).

Abstract. Modern international law pays much attention to the legal regime of regulation of GMOs, which determines the procedure and conditions for the use of genetic engineering technologies, as well as the production and circulation of products obtained as a result of their use. The central components of this regime are universal and regional agreements in the field of international trade, as well as individ-

¹Красиков Дмитрий Владимирович, заведующий кафедрой международного права Саратовской государственной юридической академии, старший научный сотрудник отдела правопедения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

ual acts of «soft law». This article is devoted to the review of the international legal regime of regulation of GMOs and a brief assessment of its functioning.

Keywords: international law; genetically modified organism; Cartagena Protocol; precautionary principle.

Для цитирования: Красиков Д.В. Международно-правовой режим регулирования в сфере генетически модифицированных организмов. (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2022. – № 4. – С. 31–41. DOI:10.31249/rgpravo/2022.04.03

Внедрение новых биотехнологий способствовало значительному прогрессу в области медицины и сельского хозяйства, они активно используются в производстве продовольствия и промышленных товаров разного назначения и имеют широкие перспективы применения в различных отраслях хозяйственной деятельности в будущем. Преимущества внедрения технологий ГМО включают в себя возможности значительного увеличения объема сельскохозяйственной продукции за счет защиты растений от факторов, снижающих урожайность, повышение пищевой ценности продуктов, снижение неблагоприятного воздействия инсектицидов на окружающую среду, новые возможности в сфере трансплантационной хирургии, снижение стоимости лекарственных препаратов, появление новых решений проблем голода, содействие экономическому развитию отдельных хозяйств, государств и регионов, сохранение лесов и биоразнообразия за счет повышения производительности сельского хозяйства и т.д.¹

Вместе с тем развитие и использование биотехнологий происходит в условиях недостаточной научной определенности относительно безопасности ГМО для организма человека, для здоровья животных, для окружающей среды. Среди рисков, связанных с влиянием ГМО, обсуждаются, в частности, степень их токсичности, аллергенность, воздействие на иммунную систему людей, выработка устойчивости человеческого организма к антибиотикам, неконтролируемые побочные эффекты для насекомых и растений,

¹ См.: Bevilacqua D. The International regulation of genetically modified organisms: uncertainty, fragmentation, and precaution // European energy and environmental law review. – 2007. – Vol. 16. – P. 316.

необратимые негативные последствия изменения методов ведения сельского хозяйства, вероятность причинения необратимого вреда центрам происхождения культурных растений и др.¹

Различные оценки баланса рисков и преимуществ ГМО определяют различия в подходах государств к регулированию использования технологий генной инженерии, а также к производству и импорту продукции, полученной в результате их применения. Этим можно объяснить фрагментарность международно-правового режима регулирования ГМО, поскольку согласование общих для государств подходов существенно затруднено.

Круг компонентов, формирующих данный режим, включает в себя, главным образом, положения международных договоров в сфере охраны окружающей среды, нормы универсальных и региональных соглашений в сфере международной торговли, а также отдельные акты «мягкого права».

Среди международных договоров в сфере охраны окружающей среды, формирующих режим регулирования ГМО, наиболее заметную роль в рассматриваемом контексте играют Конвенция ООН о биологическом разнообразии 1992 г., Картахенский протокол по биобезопасности к Конвенции о биологическом разнообразии, Нагойско-Куала-Лумпурский дополнительный протокол об ответственности и возмещении, Международная конвенция по карантину и защите растений (пересмотренная в 1997 г.) и Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды 1998 г. (Орхусская конвенция).

Конвенция о биологическом разнообразии 1992 г. в дополнение к мерам по сохранению биоразнообразия устанавливает основу для комплексного подхода к регулированию ГМО, призывая к принятию протокола к данной Конвенции, посвященного передаче, использованию и применению живых измененных организмов (ст. 19); усиливая гарантии охраны окружающей среды, «освобождая» ранее провозглашенный в Рио-де-Жанейрской декларации по окружающей среде и развитию 1992 г. принцип

¹ См.: Bevilacqua D. The International regulation of genetically modified organisms: uncertainty, fragmentation, and precaution // European energy and environmental law review. – 2007. – Vol. 16. – P. 317.

«принятия мер предосторожности» (*precautionary principle*) от влияния экономических факторов¹; признавая, что большая часть генетических ресурсов находится в развивающихся странах; утверждая права государств на генетические ресурсы и ресурсы биоразнообразия, расположенные на их территориях². В контексте ГМО также имеют значение предусмотренные Конвенцией обязательства Договаривающихся Сторон устанавливать или поддерживать «средства регулирования, контроля или ограничения риска, связанного с использованием и высвобождением живых измененных организмов» (п. g ст. 8), а также предотвращать «интродукцию чужеродных видов», представляющих экологическую опасность (п. «h» ст. 8).

Картахенский протокол по биобезопасности к Конвенции о биологическом разнообразии (далее – Картахенский протокол) применяется к «живым измененным организмам» – любым живым организмам, обладающим «новой комбинацией генетического материала, полученной благодаря использованию современной биотехнологии» (п. «g» ст. 3) – и устанавливает режим, центральное место в котором занимают: процедура, относящаяся к трансграничному перемещению живых измененных организмов (ст. 5–6, 8–10, 12), специальная процедура «в отношении живых измененных организмов, предназначенных для непосредственного использования в качестве продовольствия или корма или для обработки» (ст. 11), а также условия, относящиеся к оценке и регулированию рисков, возникающих в связи с использованием, обработкой и трансграничным перемещением живых измененных организмов (ст. 15–16). Основополагающую роль в режиме, предусмотренном Картахенским протоколом, играет принцип «принятия мер предосторожности» (*precautionary principle*), который позволяет странам блокировать импорт, например, семян генетически модифицированных сортов растений даже при отсутствии достаточных науч-

¹ См. об этом: Victor M. Precaution or protectionism? The precautionary principle, genetically modified organisms, and allowing unfounded fear to undermine free trade // *Global business & development law journal*. – 2001. – Vol. 14, N 1. – P. 316. – (Symposium: Biotechnology and international law)

² См.: Herrera I.J.A. International law and GMOs: Can the precautionary principle protect biological diversity? // *Boletín Mexicano de Derecho Comparado*. – 2007. – N 118. – P. 106.

ных доказательств их вредоносности¹. В 2010 г. к Картахенскому протоколу был принят Нагойско-Куала-Лумпурский дополнительный протокол об ответственности и возмещении, которым устанавливаются правила, относящиеся к мерам реагирования в случае ущерба, причиненного живыми измененными организмами, и к внутригосударственному регулированию соответствующих отношений в сфере ответственности и возмещения.

Международная конвенция по карантину и защите растений устанавливает обязательства договаривающихся сторон «для обеспечения совместных и эффективных действий, направленных на предотвращение интродукции и распространения вредных организмов, повреждающих растения и растительные продукты, и для того, чтобы способствовать принятию соответствующих мер, направленных на борьбу с ними» (п. 1 ст. 1). Комиссия по фитосанитарным мерам, учрежденная в соответствии с данной Конвенцией, признала распространение ее действия на фитосанитарные риски, связанные с живыми измененными организмами².

Орхусская конвенция напрямую не распространяет свои гарантии в отношении соответствующих вопросов, касающихся ГМО, однако уже на первом Совещании сторон Конвенции были утверждены Руководящие принципы по доступу к информации, участию общественности и доступу к правосудию по вопросам, связанным с ГМО, а впоследствии – в 2005 г. – стороны приняли поправку к данной Конвенции, включающую в ее текст гарантии участия общественности в решениях в отношении преднамеренного высвобождения в окружающую среду и реализации на рынке ГМО (ст. 6-бис, Приложение 1-бис)³.

¹ См.: Komen J. The emerging international regulatory framework for biotechnology // GM Crops & Food. – 2012. – Vol. 3. – P. 80.

² См.: Overview on International standards for phytosanitary measures (ISPMs) and their application to living modified organisms (LMOs) // International plant protection Convention official website. – URL: https://www.ippc.int/static/media/uploads/ippc_ispmsforlmos_2016-02-24.pdf (дата обращения: 01.07.2022).

³ См.: Доклад второго Совещания Сторон Конвенции о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды // Официальный сайт Европейской экономической комиссии ООН. – URL: <https://unece.org/DAM/env/documents/2005/pp/ece/ece.mp.pp.2005.2.add.2.r.pdf> (дата обращения: 01.07.2022). По состоянию на 21.07.2022, данная поправка не вступила в силу, однако уже набрала подавляющее большинство необходимых ратификаций.

В рамках ВТО вопросы, связанные с трансграничным перемещением ГМО, находятся в сфере регулирования Генерального соглашения о тарифах и торговле (ГАТТ), Соглашения по применению санитарных и фитосанитарных мер (Соглашение СФС), Соглашения по техническим барьерам в торговле (Соглашение о ТБТ) и Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС).

ГАТТ при определенных условиях позволяет отступать от обязательств по данному соглашению в порядке ст. XX, допускающей членам ВТО применять меры, необходимые «для защиты жизни или здоровья человека, животных и растений» (п. «b») и относящиеся «к консервации истощаемых природных ресурсов» (п. «g»), что может выступать потенциальным международно-правовым основанием для выработки государствами собственных, в том числе ограничительных, подходов к регулированию ГМО.

Соглашение СФС, входящее в комплекс многосторонних соглашений между членами ВТО по торговле товарами, закрепляет право его участников «вводить санитарные и фитосанитарные меры, необходимые для защиты жизни или здоровья людей, животных или растений» при условии, что эти меры основаны на научных принципах и, по общему правилу, имеют достаточное научное обоснование, не служат средством произвольной или неоправданной дискриминации между членами ВТО и не применяются таким способом, который являлся бы скрытым ограничением международной торговли (ст. 2, 5). Хотя в качестве исключения указанное Соглашение предусматривает принятие участниками мер предосторожности в условиях недостаточности соответствующего научного обоснования (п. 7 ст. 5), применение этого исключения на практике вызывает проблемы совместимости с гарантированным Картахенским протоколом принципом «принятия мер предосторожности»¹.

¹ См.: Comparing international approaches to food safety regulation of GM and novel foods : report produced by Campden BRI (Chipping Campden) Ltd under a contract placed by the Food Standards Agency // UK Food Standards Agency. – URL: https://www.food.gov.uk/sites/default/files/media/document/comparing-international-approaches-to-food-safety-regulation-of-gm-and-novel-foods_0.pdf (дата обращения: 01.07.2022).

Соглашение ТБТ направлено на обеспечение недопустимости использования членами ВТО технических регламентов и стандартов в целях создания чрезмерных препятствий для международной торговли и, таким образом, может применяться к соответствующим требованиям в отношении товаров, содержащих ГМО. Данное Соглашение позволяет государствам принимать технические регламенты, если они защищают здоровье человека или окружающую среду, однако они не должны быть излишне ограничивающими торговлю и не должны проводить дискриминацию между внутренними и импортными товарами, что применимо, например, в тех случаях, когда внутреннее законодательство требует, чтобы на этикетках импортных продуктов были указаны любые следы присутствия ГМО¹.

Соглашение ТРИПС устанавливает минимальные стандарты защиты интеллектуальной собственности в государствах – членах ВТО и обязывает участников защищать права интеллектуальной собственности, обеспечивать функционирование процедур их защиты и принимать эффективные меры по устранению их нарушений. Обязательства, относящиеся к патентованию изобретений и потенциально применимые в отношении ГМО², являются сравнительно «гибкими» и в значительной степени зависят от национального законодательства. В целом в контексте распространения режима ТРИПС в отношении ГМО многие специалисты отмечают

¹ См.: Komen J. Op. cit. – P. 81.

² Вопрос о том, могут ли природные ресурсы быть объектом патентных прав, является дискуссионным, поскольку биотехнология может рассматриваться не как изобретение, а лишь как открытие веществ, встречающихся в природе (см.: Ullrich H. Traditional knowledge, biodiversity, benefit-sharing and the patent system: *Romantics vs Economics?* // *Biotechnology and international law* / ed. by F. Francioni, T. Scovazzi. – Oxford, 2006. – P. 204), и в результате на практике возможность патентования в рассматриваемой сфере зависит от подходов, содержащихся в национальном законодательстве конкретного государства (см.: Kawamura S. *GMO trade in the context of TRIPS: From the perspective of an autopoietic system analysis* // *Ritsumeikan international affairs*. – 2011. – Vol. 10. – P. 253).

трудности в толковании его положений¹ и отсутствие прямых гарантий защиты, применимых к большинству ГМО².

Наиболее значимым инструментом «мягкого права» в рассматриваемой сфере является «Кодекс Алиментариус» («Продовольственный кодекс») – свод посвященных продуктам питания стандартов, методических указаний, норм и правил, которые утверждены Комиссией, созданной под эгидой Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций и Всемирной организации здравоохранения в целях защиты здоровья потребителей и содействия добросовестной практике торговли пищевой продукцией³. В систему Кодекса входят ряд актов, имеющих отношение к ГМО: Принципы анализа рисков пищевых продуктов, полученных методами современной биотехнологии, Методические указания по проведению оценки безопасности пищевых продуктов, полученных из растений с рекомбинантной ДНК, Руководящие положения по проведению оценки безопасности пищевых продуктов, полученных с использованием микроорганизмов, выведенных методом рекомбинантной ДНК и др.⁴

Наибольший прогресс в сравнении с иными международными форматами взаимодействия государств в сфере регулирования ГМО достигнут в рамках Европейского союза, имеющего развитую и детально проработанную правовую основу для обеспечения защиты здоровья человека, животных, окружающей среды и интересов потребителей в связи с развитием технологий ГМО и обращением товаров, связанных с их использованием, на общеевропейском рынке. Круг основных нормативных актов в этой сфере

¹ См., напр.: Strauss D.M. The Application of TRIPS to GMOs: International intellectual property rights and biotechnology // Stanford journal of international law. – 2009. – Vol. 45, N 2. – P. 307–308.

² См., напр.: Kerle C. International IP protection for GMO – A biotech Odyssey // The Columbia science and technology law review. – 2007. – Vol. 8. – P. 165.

³ См.: Codex Alimentarius: Международные стандарты пищевых продуктов // Официальный сайт Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединённых Наций. – URL: <https://www.fao.org/fao-who-codexalimentarius/ru/> (дата обращения: 01.07.2022).

⁴ См.: Codex Alimentarius: Темы: Биотехнология // Официальный сайт Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединённых Наций. – URL: <https://www.fao.org/fao-who-codexalimentarius/themes/biotechnology/ru/> (дата обращения: 01.07.2022).

включает в себя регламенты, посвященные генетически модифицированным пищевым продуктам и кормам, а также ряд директив, касающихся преднамеренного выпуска в окружающую среду ГМО, возможности государств-членов ограничивать или запрещать культивирование ГМО на их территории, ограниченному использованию генетически модифицированных микроорганизмов¹.

Хотя регулирование ГМО находится в сфере внимания значительного числа региональных международных организаций и форумов, как правило взаимодействие их государств-членов в этом отношении носит консультационный или координационный характер: реализуются исследовательские проекты, создаются экспертные группы, принимаются инструменты «мягкого права», не возлагающие на государства каких-либо правовых обязательств и не обладающие свойствами прямого действия на их территориях. В рамках Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) принято Руководство по оценке риска ГМО, связанных с сельским хозяйством²; развитию инновационных сельскохозяйственных технологий регулярно уделяется внимание в ходе министерских встреч АТЭС по продовольственной безопасности³; в структуре Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) учреждена и функционирует Рабочая группа по вопросам согласования регулирующих механизмов в биотехнологиях, призванная повысить уровень гармонизации подходов государств к оценке биобезопасности⁴; ряд резолюций, посвященных ГМО, принят

¹ См.: GMO legislation // EU Official website. – URL: https://food.ec.europa.eu/plants/genetically-modified-organisms/gmo-legislation_en (дата обращения: 01.07.2022).

² ASEAN guidelines on risk assessment of agriculture-related genetically modified organisms (GMOs) // ASEAN Official website. – URL: http://www.asean.org/wp-content/uploads/images/archive/agr_pub/bio1.doc (дата обращения: 01.07.2022).

³ См., напр.: Sixth APEC ministerial meeting on food security joint ministerial statement: The food security roadmap towards 2030 // APEC Official website. – URL: https://www.apec.org/meeting-papers/sectoral-ministerial-meetings/food-security/2021_food_security/annex (дата обращения: 01.07.2022).

⁴ См.: OECD Internal co-ordination group for biotechnology: biotechnology update (June 2022 – ICGB Newsletter N 41) // OECD Official website. – URL: <https://www.oecd.org/chemicalsafety/biotrack/biotech-update-issue-41-june-2022.pdf> (дата обращения: 01.07.2022).

Парламентской ассамблеей Совета Европы¹; участники Общего рынка Восточной и Южной Африки (КОМЕСА) реализуют совместный проект «Региональный подход к политике биотехнологии и биобезопасности в Восточной и Южной Африке»².

Более эффективные специальные правовые режимы ГМО формируются в рамках отдельных преференциальных торговых соглашений. Например, в сменившем НАФТА Соглашении между США, Мексикой и Канадой – *USMCA* – содержится специальный раздел, посвященный сельскохозяйственным технологиям³. Обращает на себя внимание и прогресс, достигнутый в рамках Евразийского экономического союза в отношении подхода к маркировке пищевых товаров, полученных с применением ГМО⁴.

Многоуровневый и межотраслевой режим международно-правового регулирования ГМО трудно считать в полной мере согласованным, хотя есть свидетельства гармонизации некоторых его компонентов. В рамках международного торгового права на универсальном уровне согласованность обеспечивается взаимными гарантиями исключения конфликта соответствующих международных соглашений. Такими гарантиями являются, например, положения п. 4 ст. 1 Соглашения по применению санитарных и фитосанитарных мер и п. 1.5 Соглашения по техническим барьерам в торговле. Свой вклад в гармонизацию режима ГМО вносит и

¹ См., напр.: Resolution 1795 (2011) «Genetically modified organisms: a solution for the future?» // CoE Official website. – URL: <http://www.assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=17966&lang=en> (дата обращения: 01.07.2022).

² См.: COMESA/ACTESA to revive regional policy on biotechnology and biosafety // COMESA Official website. – URL: <https://www.comesa.int/comesa-actesa-to-revive-regional-policy-on-biotechnology-and-biosafety/> (дата обращения: 01.07.2022).

³ См.: Art. 3.12–3.16 of the Agreement between the United States of America, the United Mexican States, and Canada 7/1/20 // Office of the US Trade Representative. – URL: <https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/united-states-mexico-canada-agreement/agreement-between> (дата обращения: 01.07.2022).

⁴ См.: Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 20 декабря 2017 г. № 90 «О внесении изменений в технический регламент Таможенного союза «Пищевая продукция в части ее маркировки» (ТР ТС 022/2011)» // Правовой портал ЕАЭС. – URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01415696/cncd_26122017_90 (дата обращения: 01.07.2022).

то, что Соглашение по применению санитарных и фитосанитарных мер прямо ссылается на «Кодекс Алиментариус», а также на стандарты, руководства и рекомендации, разработанные под эгидой Международного бюро по эпизоотии и Секретариата Международной конвенции по карантину и защите растений (п. 3 ст. 1 Приложения А). В иной плоскости взаимодействия компонентов режима ГМО согласованный подход обеспечивается последовательным утверждением принципа предосторожности и поступательным развитием его содержания в международном экологическом праве, а также восприятием его правом Европейского союза.

Вместе с тем на различных уровнях внутри рассматриваемого режима возникает определенное «напряжение», усиливающееся в контексте возникающих разногласий и препятствующее его внутренней интеграции и более согласованному развитию. Наиболее явные противоречия возникают «на стыке» права ВТО и норм международного права охраны окружающей среды, а также права ВТО и права ЕС, и наглядной иллюстрацией является позиция третьей группы, учрежденной в рамках механизма ВТО по разрешению споров, по делу «ЕС – меры, влияющие на одобрение и маркетинг биотехнологических продуктов»¹.

Таким образом, в настоящее время международно-правовой режим регулирования ГМО развивается на основе межотраслевого комплекса норм международных договоров и актов «мягкого права», характеризующегося определенной фрагментарностью и обнаруживающего проблемы согласованности на различных уровнях.

¹ См.: WTO Docs WT/DS291, WT/DS292, WT/DS293 (29 September 2006) (Report of the Panel) ('EC – Biotech') // WTO Official website. URL: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/MultiDDFDocuments/106570/Q:/WT/DS/293R-00.pdf;Q:/WT/DS/293R-01.pdf;Q:/WT/DS/293R-02.pdf;Q:/WT/DS/293R-03.pdf;Q:/WT/DS/293R-04.pdf;Q:/WT/DS/293R-05.pdf;Q:/WT/DS/293R-06.pdf;Q:/WT/DS/293R-07.pdf;Q:/WT/DS/293R-08.pdf;Q:/WT/DS/293R-09.pdf;Q:/WT/DS/293R-10.pdf;Q:/WT/DS/293R-11.pdf/ (дата обращения: 01.07.2022).

КОДАНЕВА С.И.¹ ГЕНЕТИЧЕСКИ МОДИФИЦИРОВАННЫЕ ОРГАНИЗМЫ КАК ОБЪЕКТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ. (Статья).

Аннотация. В статье рассматриваются механизмы защиты исключительных прав на генетически модифицированные организмы как объекты интеллектуальной собственности. Рассмотрено соотношение режимов охраны селекционных достижений и патентования изобретений в разных странах мира. Анализируются риски, связанные с расширяющейся практикой патентования модификации генов растений, животных и человека.

Ключевые слова: генетически модифицированные организмы; селекционные достижения; патентование изобретений; сорта растений; трансгенные растения.

KODANEVA S.I. Genetically modified organisms as an object of intellectual property. (Article).

Abstract. The article examines the mechanisms of protection of exclusive rights to genetically modified organisms as objects of intellectual property. The correlation of the regimes of protection of breeding achievements and patenting of inventions in different countries of the world is considered. The risks associated with the expanding practice of patenting the modification of plant, animal and human genes are analyzed.

Keywords: genetically modified organisms; breeding achievements; patenting of inventions; plant varieties; transgenic plants.

¹ *Коданева Светлана Игоревна*, ведущий научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

Для цитирования: Коданева С.И. Генетически модифицированные организмы как объект интеллектуальной собственности. (Статья) // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2022. – № 4. – С. 42–58.
DOI: 10.31249/gpravo/2022.04.04

Сегодня Россия столкнулась с серьезными проблемами в области продовольственной безопасности. Обусловлено, в частности, это тем, что после 1990-х годов Россия лишилась большей части своего семенного фонда, и сегодня формально считающиеся отечественными продукты питания (овощи, фрукты, зерновые, птица, рыба и др.) полностью зависят от импортных семян, мальков, яиц. В настоящее время, в условиях санкций, стала очевидной необходимость решать прежде всего вопрос независимости от импорта в этой важнейшей сфере жизнеобеспечения населения. Для этого отечественным сельхозпроизводителям приходится в срочном порядке заниматься вопросами формирования собственного семенного фонда и воспроизводства сельскохозяйственных животных. Однако при решении этой задачи сельхозпроизводители сталкиваются с ограничениями и запретами, связанными с использованием прав на результаты интеллектуальной деятельности, поскольку сорта растений и породы животных подлежат правовой охране в качестве селекционных достижений. Усугубляется ситуация тем, что многие поставлявшиеся в страну иностранными компаниями сорта и породы являются генетически модифицированными.

Так, например, 100% мальков атлантического лосося, выращиваемого в российской Арктике, поступают из Норвегии, которая является основным производителем генетически модифицированного лосося в мире¹.

Сторонники широкого использования ГМО в сельском хозяйстве и животноводстве утверждают, что это позволит повысить урожайность, качество продовольствия и решить проблему голода в мире.

Например, эксперт по проблемам голода ООН Сильви Бунет (Sylvie Bunet) утверждает, что африканским фермерам нужны сер-

¹ См.: Васильев А.М., Александрова М.А. Проблемы и перспективы развития марикультуры атлантического лосося в российской Арктике // Арктика и Север. – 2021. – № 43. – С. 9. – DOI: 10.37482/issn2221–2698.2021.43.5.

тифицированные качественные генетически модифицированные семена, которые дадут гораздо больше урожая при меньших затратах труда¹. А Марвин Бартелс (Marvin Bartels) полагает, что генная инженерия позволит решить проблемы охраны окружающей среды и голода благодаря широкомасштабному внедрению доступного мяса на клеточной основе, что избавит человечество от необходимости заниматься скотоводством².

При этом редактирование генома стирает границы между селекцией и биотехнологией. Хотя биотехнологическая индустрия выросла в геометрической прогрессии по сравнению со второй половиной XX в., это не современное явление. Селекция растений и животных использовалась фермерами и селекционерами с незапамятных времен. Это, наряду с методами прививки и создания гибридов, можно считать прототипом биотехнологии, появившимся в ходе «Зеленой революции» 1930–1960-х годов, которая привела к значительному росту сельскохозяйственного производства во всем мире. С помощью этих традиционных методов человек изменял генетический состав живых организмов «естественным» образом, не требующим вмешательства на молекулярном уровне. Параллельно с этим постоянно происходили естественные генетические мутации в природной среде без участия человека.

Однако со временем технологии селекции все более усложнялись. Если несколько десятилетий назад селекция была в основном эмпирической, т.е. осуществлялась путем естественного скрещивания растений или животных, то сегодня инновации в растениеводстве и животноводстве основаны на клеточной биологии, исследованиях генома и протеома, картировании генов, селекции с помощью маркеров и гибридных технологий. Переломный мо-

¹ Цит. по: Strba S.I. Legal and institutional considerations for plant variety protection and food security in African development agendas: solutions from WIPO? // Journal of intellectual property law and practice. – 2017. – Vol. 12, N 3. – P. 200. – URL: <https://doi.org/10.1093/jiplp/jpw209> (дата обращения: 01.07.2022).

² См.: Bartels M. Ethical limits for patentability? On the board of appeal's balancing of animal suffering and medical benefit – T 0682/16 Non-human organism/INTREXON of 5 June 2020 // GRUR International. – 2021. – Vol. 70, N 1. – P. 46. – URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Ethical-Limits-for-Patentability-On-the-Board-of-of-Bartels/0e05ff4f6d7f4bc98e569058331f5ab455ff3645> (дата обращения: 01.07.2022).

мент, открывший современную эпоху отрасли, произошел в 1972 г. с появлением технологии рекомбинации ДНК, более известной как «геновая инженерия», основанной на исследованиях двух калифорнийских ученых – Герберта Бойера (Herbert Boyer) и Стэнли Коэна (Stanley Cohen). Технология рекомбинантной ДНК – это процесс, при котором ген одного организма встраивается в хромосому другого организма таким образом, что организм-реципиент будет вырабатывать белок, кодируемый сплайсированным геном (spliced gene). В результате этого образуются генетические последовательности, которые в противном случае не были бы обнаружены в геноме. Халлам Стивенс (Hallam Stevens) пишет: «Открытие С. Коэна и Г. Бойера легло в основу того, что стало биотехнологической индустрией. Совокупный доход этой отрасли во всем мире в 2013 г. превысил 250 млрд долларов... Но отрасль продолжает быстро расти: она включает в себя не только продажу лекарств и терапевтических средств, но и генетические тесты, персонализированную медицину, продажу таких технологий, как ДНК-чипы и машины для секвенирования, торговлю патентами, проведение глобальных клинических испытаний и использование биотехнологий в сельском хозяйстве»¹.

Следует пояснить, что продукт биотехнологий и селекция растения являются двумя самостоятельными объектами интеллектуальной собственности, которые регулируются разными международными актами и имеют отличные правовые режимы в национальном законодательстве. Так, вопросы защиты изобретений регулируются Парижской конвенцией по охране промышленной собственности 1883 г., в то время как вопросы использования генетических ресурсов, включая вопросы интеллектуальной собственности на них, подпадают под действие таких международных актов, как Международная конвенция по охране новых сортов растений 1991 г., Конвенция ООН о биологическом разнообразии 1992 г., Международный договор о растительных генетических ресурсах для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства 2001 г. и др.

¹ Цит. по: Patents on Life. Religious, moral, and social justice aspects of biotechnology and intellectual property / ed. by T.C. Berg, R. Chohij, S. Ravenscroft. – Cambridge, 2020. – P. 13.

В российском законодательстве вопросам патентования изобретений посвящена гл. 72 ГК РФ, а защите селекционных достижений, соответственно, гл. 73 ГК РФ. При этом в качестве изобретения охраняется техническое решение в любой области, относящееся к продукту (в частности, устройству, веществу, штамму микроорганизма, культуре клеток растений или животных) или способу (процессу осуществления действий над материальным объектом с помощью материальных средств), в том числе к применению продукта или способа по определенному назначению (ст. 1350 ГК РФ). Это означает, что в российском законодательстве использован широкий подход к патентованию ГМО, позволяющий в качестве изобретений запатентовать технологии по производству или обработке генетического материала, включая разработку генетического теста на болезни или выделение генетического материала; сам полученный в результате модификации генетический материал (ген, часть гена, группа генов или фрагмент многих генов, молекула ДНК, фрагмент ДНК и группа молекул ДНК), а также технологии проведения ДНК-тестов.

Под *селекционным достижением* принято понимать сорта растений и породы животных. Сортом растений является группа растений, которая определяется по признакам, характеризующим данный генотип или комбинацию генотипов, и отличается от других групп растений того же ботанического таксона одним или несколькими признаками. Сорт может быть представлен одним или несколькими растениями, частью или несколькими частями растения при условии, что такая часть или такие части могут быть использованы для воспроизводства целых растений сорта. Охраняемыми категориями сорта растений являются клон, линия, гибрид первого поколения, популяция.

Породой животных является группа животных, которая обладает генетически обусловленными биологическими и морфологическими свойствами и признаками, причем некоторые из них специфичны для данной группы и отличают ее от других групп животных. Порода может быть представлена женской или мужской особью либо племенным материалом, т.е. предназначенными для воспроизводства породы животными (племенными животными), их гаметами или зиготами (эмбрионами). Охраняемыми категориями породы животных являются тип, кросс линий.

Таким образом, *сорт* или *порода* представляют собой определенное таксономическое или генетическое родство, характеризующееся устойчивыми признаками, передающимися по наследству. Селекционеру принадлежат права как на выведенный им сорт, так и на его разновидности – неясно отличимые сорта, по существу, происходящие из первоначального сорта.

Здесь необходимо отметить три важных момента. Во-первых, международное правовое регулирование охраны интеллектуальных прав на селекционные достижения традиционно было направлено на то, чтобы добиться баланса между интересами селекционеров и фермеров. Так, например, согласно ст. 15 Международной конвенции по охране новых сортов растений, государства-участники вправе ограничивать право селекционера в отношении любого сорта, с тем чтобы позволить фермерам использовать для целей размножения на своих собственных земельных участках растительный материал, полученный ими в результате посадки охраняемого сорта. Это норма крайне важна, особенно для таких регионов мира, как Африка, где фермеры не имеют финансовых средств для того, чтобы ежегодно покупать семена. Поэтому в 2000 г. Организация африканского единства приняла Африканский модельный закон о защите прав местных сообществ фермеров и селекционеров, а также о регулировании доступа к биологическим ресурсам 2000 г., который был направлен на создание эффективной системы, которая *sui generis* защищала бы права селекционеров растений при одновременном учете прав фермеров. Согласно этому документу, права местных общин на их биологические ресурсы, знания и технологии, которые представляют собой саму природу их систем жизнеобеспечения и которые развивались на протяжении многих поколений, носят коллективный характер и, следовательно, являются априорными правами, которые имеют приоритет над правами, основанными на частных интересах. Соответственно, вышеназванный Модельный закон закрепил право фермеров использовать собственный или обменный (полученный от других таких же фермеров) семенной фонд. Патентное право подобных ограничений прав правообладателей не содержит.

Во-вторых, права селекционера распространяются на производные сорта и сорта, неявно отличающиеся от охраняемого.

Иными словами, в соответствии с законодательством о селекционных достижениях, охране подлежат только новые сорта, но не отдельные модификации или изменения отдельных признаков известных сортов. Напротив, патенты могут выдаваться на отдельные модифицированные гены, которые придают растению определенного сорта (либо разных сортов), животным разных или одной породы дополнительные свойства.

Например, в 1999 г. в Российской Федерации был выдан патент на трансгенный картофель «Центр-1», который отличался от сорта «Белорусский-3» лишь устойчивостью к Y-вирусу. Таким образом, «Центр-1» по существу происходил из этого сорта, так как имела место лишь незначительная генетическая модификация при сохранении всех других свойств сорта¹.

В-третьих, как было отмечено, новый сорт или порода подлежат защите в качестве селекционного достижения только в том случае, если они демонстрируют устойчивость, в то время как генетически модифицированные организмы могут продолжать мутировать уже естественным образом в природной среде.

Поскольку биотехнологии постепенно размывают границы между селекцией и модификацией, то с юридической точки зрения это означает, что сорта растений и породы животных, в которых присутствуют генетически модифицированные гены, формально являются объектом патентного права в качестве изобретений.

Следовательно, к ним не будут применимы указанные ограничения защиты прав интеллектуальной собственности, которые действуют в отношении селекционных достижений. При этом представители Всемирной организации интеллектуальной собственности (далее – ВОИС) и компаний-производителей генетически модифицированных семян утверждают, что патентная защита их изобретений необходима, поскольку она способствует прогрессу и распространению новых технологий, которые позволят решить множество проблем, включая проблему голода.

Однако согласиться с данным утверждением полностью нельзя. Напротив, расширение использования генно-модифици-

¹ См.: Щербачева Л.В. Патентная и селекционная защита растений // Вестник экономической безопасности. – 2020. – № 2. – С. 49. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43121735> (дата обращения 17.07.2022).

рованных семян может угрожать продовольственной безопасности большинства стран мира, особенно стран глобального Юга.

Так, Сьюзан Исико Стрба (Susan Isiko Strba) утверждает, что практика показывает негативные последствия широкого внедрения ГМО в сельском хозяйстве. Например, ЮАР является самой продвинутой страной на континенте в области сельскохозяйственной биотехнологии, используя генно-модифицированные семена в сельском хозяйстве с 1998 г. Эта страна занимает девятое место среди крупнейших производителей ГМО в мире. Однако это не помогло ей решить проблему продовольственной безопасности. Напротив, страна не избежала продовольственного кризиса, с которым в последнее время столкнулись многие южноафриканские страны¹.

С.И. Стрба также считает, что высокоурожайные, устойчивые к засухе или насекомым сорта могут иметь свои недостатки, в частности, связанные с тем, что они не адаптированы к специфическим местным условиям, в результате чего были случаи, когда генно-модифицированные сорта вообще не давали урожая (в то время как фермерские семена получены от местных сортов, которые уже к этим условиям адаптировались). Таким образом, автор утверждает, что *главная цель биотехнологических компаний* – создать монокультуру (тем самым нанося непоправимый вред биоразнообразию) и сделать мелких фермеров зависимыми от промышленных семян. Это приводит ее к выводу, что для решения проблемы голода необходимо инвестировать не в ГМО, а в поддержку мелких фермеров, которые производят 80% продовольствия в Африке, а также в укрепление неформальных связей между ними и свободный обмен семенами².

При этом следует еще раз подчеркнуть, что если в рамках законодательства о селекционных достижениях права фермеров могут быть защищены, то в рамках патентного права – нет. Так, широко известен пример американской компании Monsanto (дочерняя компания Bayer) – крупнейшей в мире биотехнологической

¹ См.: Strba S.I. Legal and institutional considerations for plant variety protection and food security in African development agendas: solutions from WIPO? // Journal of intellectual property law and practice. – 2017. – Vol. 12, N 3. – P. 201. – URL: <https://doi.org/10.1093/jiplp/jpw209> (дата обращения: 01.07.2022).

² См.: *ibid.*

семеноводческой компании, которая также доминирует на рынке генетически модифицированных семян. Одним из самых продаваемых продуктов компании является гербицид Раундап, содержащий глифосфат, который при использовании на генетически модифицированных семенах (например, сои, канолы, кукурузы, люцерны, сахарной свеклы и хлопка) избирательно уничтожает только сорняки. Семена подвергаются геномной инженерии с использованием технологии рекомбинантной ДНК. Гербицид и модифицированные семена пользовались популярностью у фермеров. Но широкую известность Monsanto приобрела не поэтому, а потому что только в США она подала около 150 исков о нарушении своих исключительных прав на запатентованные модификации семян. Сохранение семян из своего урожая для пересадки, обмена или продажи всегда было традиционным правом фермеров США, но с появлением запатентованных семян правообладатели (в данном случае Monsanto) стали это право успешно оспаривать). При этом Monsanto подталкивает фермеров к тому, чтобы они «доносили» друг на друга, и даже пишет на своем сайте: «когда один фермер видит, что другой фермер сохраняет запатентованные семена, он часто сообщает об этом»¹.

Более того, Monsanto привлекала к ответственности фермеров даже за простой перенос пыльцы насекомыми. Так, судебное дело «Monsanto Canada Inc vs Schmeiser (2004)» (имевшее место в Канаде) интересно тем, что здесь фермер (Schmeiser) неумышленно вырастил гибридный сорт, содержащий антипестицидный ген, запатентованный Monsanto, так как генетическая информация была передана ему от соседних фермеров неустановленным способом – видимо, через определенный вектор при помощи насекомых. На повестку в данном деле встал в том числе вопрос о нарушении права собственности. Суд решил, что, несмотря на то что действия Schmeiser невиновны и, следовательно, не являются деликтом, последующая продажа или повторная высадка уже будут нарушать патентное право Monsanto. Судом также было установлено, что все

¹ Patents on Life. Religious, moral, and social justice aspects of biotechnology and intellectual property / ed. by T.C. Berg, R. Chohij, S. Ravenscroft. – Cambridge, 2020. – P. 16.

растения, имеющие запатентованный ген, получают патентную защиту¹.

Это означает, что фермеры, которые в рамках законодательства о селекционных достижениях могли свободно использовать приобретенные семена, теперь, приобретая генетически модифицированные семена должны отслеживать и избегать наличия запатентованных генов и признаков в выращиваемых ими растениях, даже если такие гены попали к ним случайно через перекрестное опыление растений насекомыми.

Эти примеры показывают, что стремление развитых стран Запада навязать принятые в них правовые подходы к защите интеллектуальных прав на такие объекты как селекционные достижения и генетически модифицированные организмы, используемые в сельском хозяйстве и животноводстве, связано с желанием установления собственной монополии и извлечения максимальной возможной прибыли.

Как отмечает Роман Чолий (Roman Cholij), основа для этого заложена в Соглашении по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (далее – ТРИПС), принятие которого усиленно навязывается развивающимся странам странами Запада и крупными корпорациями, включая мировую фармацевтическую промышленность, которая оценивается в 650 млрд долл. США в год, коммерческую семеноводческую промышленность, которая оценивается в 21 млрд долл. в год, и мировую индустрию программного обеспечения и развлечений, которая оценивается в 800 млрд долл. в год. Именно в этих отраслях несколько компаний-гигантов монополизировали рынки. А сохранить эту всемирную монополию можно только при помощи обеспечения защиты интеллектуальной собственности. Поэтому этим корпорациям вместе с несколькими крупными исследовательскими центрами развитых стран принадлежит более 80% мировых прав интеллек-

¹ См.: Щербачева Л.В. Патентная и селекционная защита растений // Вестник экономической безопасности. – 2020. – № 2. – С. 51. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/patentnaya-i-selektionnaya-zaschita-rasteniy/viewer> (дата обращения: 07.06.2022).

туальной собственности. При этом они далеко не всегда пользуются ими добросовестно¹.

Помимо скандально известной во всем мире Monsanto, многие западные компании, особенно из США и Великобритании используют патентную защиту для кражи генетических ресурсов слабо развитых стран. В качестве примеров можно привести выданные в этих странах патенты на куркуму, рис басмати, ашваганду – традиционные индийские растения, или на гербицид «Маргосан О», созданный на основе индийского растения ним, свойства и способы использования которого стали известны американской корпорации, занимающейся поставками древесины из Индии².

Очевидно, что такое размывание границ между селекцией и модификацией значительно усложнит работу сельхозпроизводителей, повысит их затраты, а также остановит развитие селекции растений. Так, многие ассоциации селекционеров ЕС выражают подобные опасения, утверждают, что патенты не должны мешать традиционному разведению растений и даже просят отказать в патентных правах на все изобретения растений, связанные с их модификацией.

В качестве наиболее существенных недостатков патентной системы, угрожающих продовольственной безопасности многих стран мира, можно отнести:

– отсутствие прозрачности: нелегко определить, распространяется ли на растение действие патента. В отличие от режима защиты селекционных достижений, нарушение патентных прав может произойти случайно и непреднамеренно;

– неопределенные права на разведение: неопределенность относительно того, может ли запатентованный ген лишить все растение возможности дальнейшего размножения;

– высокие затраты на лицензирование и неопределенность в отношении возможности получения лицензии (особенно в условиях разворачивающейся санкционной войны).

¹ См.: Patents on Life. Religious, moral, and social justice aspects of biotechnology and intellectual property / ed. by T.C. Berg, R. Chohij, S. Ravenscroft. – Cambridge, 2020. – P. 219.

² См.: Senapati A. Linking Intellectual Property and Biodiversity // Social Science Research Network. – 2022. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4125818 (дата обращения: 01.07.2022).

Не случайно суды и законодатели ряда стран ограничивают права патентообладателей, исключая из сферы патентоспособности важнейшие области инноваций, такие как диагностические маркеры различных заболеваний (таких, как рак), и устанавливая специальные критерии отнесения модифицированных организмов к сфере действия законодательства о селекционных достижениях.

Например, в законодательстве Германии, Франции, Нидерландов и Швейцарии, регулирующем вопросы патентования, закреплены права селекционеров на использование для последующей селекции организмов, содержащих модифицированные гены. Вообще в Европейском союзе патентная практика в области генетической модификации как растений, так и животных и тем более человека значительное внимание уделяется вопросам этики и «общественной морали».

В Австралии Высокий суд постановил, что даже искусственная ДНК, полученная в лабораторных условиях, не является патентоспособной, поскольку она рассматривается как генетическая информация о живом организме, а не как «способ получения», в значении патентного права Австралии¹.

Аргентина проводит строгую политику в области охраны интеллектуальной собственности для инноваций в области растений. Так, действующее в этой стране законодательство о патентах и полезных моделях признает непатентоспособным любой вид живой материи или вещества, уже существующего в природе. Генетически модифицированные растения и животные не являются в этой стране патентоспособными, поскольку генетический материал способный генерировать полноценный организм подпадает под этот запрет. Это позволило отклонить заявку Monsanto на патент в отношении гена фосфорилазы сахарозы в овощах, предложив заявителю подать заявку на регистрацию селекционного достижения².

Суды Индии придерживаются схожей позиции.

Так, в споре между местным фермером и Monsanto они, сославшись на Европейскую патентную конвенцию, пришли к выво-

¹ См.: Patents on Life. Religious, moral, and social justice aspects of biotechnology and intellectual property. – P. 18.

² См.: Vollenberg Ch. International conference – IP protection for plant innovation // GRUR International. – 2020. – Vol. 69, N 7. – P. 738. – URL: <https://doi.org/10.1093/grurint/ikaa044> (дата обращения: 01.07.2022).

ду, что трансгенные растения не являются патентоспособными. Monsanto не может отстаивать патентные права на ген, который был интегрирован в растение и унаследован в последующих поколениях трансгенных растений, поскольку размножение трансгенных растений является естественным процессом. Следовательно, трансгенные растения нужно регистрировать как селекционные достижения¹.

В США исторически сложился иной подход. Так, еще в 1980 г. было принято знаковое решение по делу *Diamond vs Chakrabarty*, в котором оспаривалась патентоспособность генно-модифицированной бактерии, способной разлагать нефть. Верховный суд США пришел к заключению, что созданный человеком живой организм является патентоспособным. Таким образом, была открыта дорога к патентованию не только способов модификации отдельных генов, но и к патентованию генетического материала и даже целых организмов.

Это дело вызвало споры об этичности регистрации исключительных прав на живые организмы, пик которых пришелся на момент рассмотрения Верховным судом США в 2013 г. иска по делу *Association for Molecular Pathology et al. vs Myriad Genetics, Inc.* Компания Myriad Genetics выделила гены BRCA1 и BRCA2, мутации которых связаны со значительно более высоким риском рака молочной железы. На основе своих исследований эта компания разработала и запатентовала генетический тест на рак молочной железы, который приносил ей значительную прибыль. Однако патенты на указанные гены были оспорены, и Верховный суд США единогласно признал их недействительными, указав, что встречающийся в природе сегмент гена (такой, как BRCA1 и BRCA2) является продуктом природы и не может быть запатентован. В то же время суд указал, что если ген синтезирован в лаборатории или молекула ДНК получена синтетическим путем («комплементарная ДНК» или кДНК), то такой искусственный ген или ДНК являются патентоспособными. Также патентоспособными являются способы, используемые в генной инженерии, такие как способы моди-

¹ См.: Chawla V. Indian Supreme Court on patentability of genetically modified life forms—a missed opportunity? // *Journal of Intellectual Property Law and Practice*. – 2019. – Vol. 14, Issue 5. – P. 343–345. – URL: <https://doi.org/10.1093/jiplp/jpz032> (дата обращения: 01.07.2022).

фикации генов или проведения ДНК-тестов (например, скрининг на рак)¹.

Еще одним знаковым делом был спор между Институтом Броуда (Массачусетский университет), Гарвардским и Калифорнийским университетами относительно прав на технологию редактирования генома CRISPR/Cas. Важность этого спора заключается в том, что данная технология позволяет создавать эукариотические препараты для лечения редких генетических заболеваний, включающие клетки животных и человека, а потенциально также модифицировать зародышевую линию человека. Не случайно поэтому стремление крупнейших компаний патентовать свои разработки в данной области.

Так, исследование 2018 г., проведенное технологической консалтинговой фирмой iRunway, содержит анализ патентов и заявок на патенты в отношении технологии CRISPR. В исследовании выявлено 4336 заявок в различных частях мира, в том числе 410 выданных патентов и 3926 заявок, находящихся на рассмотрении патентных ведомств. Так, Институту Броуда принадлежат 297 заявок, Гарвардский университет и Массачусетский технологический институт имеют по 343 и 316 заявок, а Калифорнийский университет – 131 заявке. Однако наибольшее число заявок (514 или около 12%) подано химической компанией DowDuPont².

Таким образом, подход США к вопросам патентования живых организмов и генетического материала делает их крупнейшей страной мира по числу соответствующих патентов. Так, если брать только патенты, связанные с человеческими генами, то, по экспертным оценкам, к настоящему времени Бюро по патентам и товарным знакам США выдало патенты как минимум на 4000 человеческих генов компаниям, университетам и другим организациям, которые их обнаружили и расшифровали. Такие патенты охватывают около 40% генома человека³. Помимо этого, в США активно патентуют растительные и животные гены.

¹ См.: Patents on life. Religious, moral, and social justice aspects of biotechnology and intellectual property. – P. 253.

² См.: *ibid.* – P. 254.

³ См.: Карцхия А.А., Макаренко Г.И., Сергин М.Ю. Правовые аспекты и безопасность геномных технологий на примере правоприменительной практики в России, Европе и США // *Право. by.* – 2019. – № 4(60) – С. 111–116.

Как было отмечено, патентование генетически модифицированных организмов является не только юридическим, но и этическим вопросом. Так, А.А. Карцхия, Г.И. Макаренко и М.Ю. Сергин поднимают вопрос о правосубъектности существ, созданных по технологии CRISPR («киборгов»), отмечают важность определения оснований и пределов их ответственности за свои поступки (установление их самостоятельной ответственности, либо ответственности их создателей или правообладателей, аналогичную ответственности источника повышенной опасности)¹.

В рамках настоящей статьи уже поднимался вопрос влияния патентования генетически модифицированных продуктов питания на продовольственную безопасность. Наконец, есть и еще один этический вопрос, связанный с патентованием технологий генной модификации живых организмов. Дело в том, что такие технологии могут приводить к тому, что полученные в результате животные и растения могут быть опасны для окружающей среды. Так, например, с рыбоводческих ферм ежегодно попадают в открытое море тысячи генетически модифицированных лососей, которые ставят под угрозу вымирания колонию дикого лосося². Или в результате модификации животным могут быть привиты гены, которые причинят им страдания. Тот же генетически модифицированный лосось отличается от обычного тем, что он вырастает значительно быстрее (не за 31–56 месяцев, а за 14–16), при этом он страдает от различных болезней и паразитов, поэтому ему постоянно добавляют в корм пестициды, антибиотики, полихлорированные дифенилы и другие опасные химические добавки³. Представляется, что такое изменение нормальных биологических циклов и связанные с этим болезни могут причинять определенные страдания.

¹ См.: Карцхия А.А., Макаренко Г.И., Сергин М.Ю. Правовые аспекты и безопасность геномных технологий на примере правоприменительной практики в России, Европе и США // *Право. by.* – 2019. – № 4(60) – С. 111–116.

² См.: Распотник А., Роттем С.В., Остхаген А. Голубая экономика Северного Ледовитого океана: управление аквакультурой на Аляске и в Северной Норвегии // *Арктика и Север.* – 2021. – № 42. – С. 132. – DOI: 10.37482/issn2221-2698.2021.42.122.

³ См.: Васильев А.М., Александрова М.А. Проблемы и перспективы развития марикультуры атлантического лосося в российской Арктике // *Арктика и Север.* – 2021. – № 43. – С. 5–18. – DOI: 10.37482/issn2221-2698.2021.43.5.

Но наиболее известным и даже скандальным стал случай с патентом на технологию генетической модификации лабораторных животных для повышения их восприимчивости к раку. Целью этой разработки было создать больше больных раком лабораторных животных, чтобы, изучая их, найти лекарства от этой болезни. Патент был получен в Евросоюзе, и по обращению гражданских активистов он был аннулирован Апелляционным советом Европейского патентного ведомства, который сформулировал жесткий «балансировочный тест», основанный на ст. 53 Европейской патентной конвенции¹ и ст. 28 Имплементационных правил к Европейской патентной конвенции², который требует тщательного взвешивания страданий животных и возможных рисков для окружающей среды, с одной стороны, и полезности изобретения для человечества, с другой стороны.

Это решение Апелляционного совета Европейского патентного ведомства поднимает три вопроса. Во-первых, могут ли быть запатентованы технологии генетической модификации сельскохозяйственных животных, учитывая, что она явно не предназначена для получения медицинской пользы? Во-вторых, подлежит ли этот тест применению в отношении иных организмов (моллюсков, водорослей, растений и т.д.), если их модификация потенциально может нанести вред окружающей среде?

Наконец, третий вопрос, пожалуй самый существенный, связан с тем, что патентование, само по себе, имеет целью установление законной монополии правообладателя на определенный срок. Соответственно, отсутствие патентной защиты означает, что любой желающий сможет использовать соответствующую технологию на законных основаниях. Таким образом, отказ в выдаче патента (либо его аннулирование) не означает, что технология перестала существовать, но, напротив, может привести к ее широкому использованию. Фактически это означает, что этические цели

¹ Европейские патенты не выдаются на изобретения, коммерческое использование которых противоречило бы общественному порядку или морали.

² Процессы изменения генетической идентичности животных, которые могут причинить им страдания без какой-либо существенной медицинской пользы – с точки зрения исследований профилактики, диагностики или терапии для человека или животного, а также животные, полученные в результате таких процессов, не являются патентоспособными.

гражданских активистов не только не будут достигнуты, но, напротив, гораздо большее количество животных может быть подвергнуто бесчеловечным испытаниям.

Представляется, что ответ на этот главный вопрос лежит в сфере законодательства об обращении с животными либо об охране окружающей среды, а также административного и уголовного законодательства, которое должно устанавливать жесткие запреты и ответственность за использование технологий генетической модификации живых организмов, способных привести к их страданиям либо причинить вред окружающей среде.

АЛЕШКОВА И.А.¹ ПРИНЦИП ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ В ПРОИЗВОДСТВЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИИ ГЕНЕТИЧЕСКИ МОДИФИЦИРОВАННЫХ ОРГАНИЗМОВ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И СТРАТЕГИРОВАНИЕ В РОССИИ. (Статья).

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы правового регулирования в сфере производства и оборота ГМО в России, анализируются нормативно-правовые и нормативно-технические акты, а также документы государственного стратегического планирования, позволяющие утверждать, что в Российской Федерации принцип предосторожности является определяющим в развитии правового регулирования ГМО.

Ключевые слова: принцип предосторожности; генетически модифицированные организмы; стратегирование; здоровье человека; безопасность пищевой продукции.

ALESHKOVA I.A. The precautionary principle in the production and use of genetically modified organisms: legal regulation and strategizing in Russia. (Article).

Abstract. The article examines the issues of legal regulation and strategy in the field of production and circulation of GMOs. Based on the results of the analysis of the regulatory legal and regulatory technical acts, as well as state strategic planning documents, it is substantiated that in the Russian Federation the precautionary principle is currently decisive in the development of legal regulation in the field of production and circulation of GMOs.

¹ *Алешкова Ирина Александровна*, старший научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

Keywords: precautionary principle, genetically modified organisms; strategizing; human health; food safety.

Для цитирования: Алешкова И.А. Принцип предосторожности в производстве и использовании генетически модифицированных организмов: правовое регулирование и стратегирование в России. (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2022. – № 4. – С. 59–70.
DOI: 10.31249/rgpravo/2022.04.05

Непредсказуемость генетически модифицированных организмов (ГМО) для здоровья человека и непрекращающиеся споры о степени их «полезности» и «вредности»¹ обуславливают потребность в правовом регулировании оборота продукции, содержащей ГМО, на основе принципа предосторожности.

В настоящее время сформировалась достаточно качественная и эффективная система правовых и технических актов, регулирующих порядок ввоза на территорию РФ, а также внутреннего производства и оборота ГМО. Основными направлениями их правового регулирования являются обеспечение национальной и экономической безопасности, биологической безопасности, продовольственной и экологической безопасности, безопасности пищевой продукции.

Следует отметить, что понятие ГМО дано в Федеральном законе от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ (ред. от 2 июля 2021 г.) «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности», и продублировано в постановлении Главного санитарного врача РФ от 14 ноября 2001 г. № 36 «О введении в действие Санитарных правил (вместе с «СанПиН 2.3.2.1078–01. 2.3.2. Продовольственное сырье и пищевые продукты. Гигиенические требования безопасности и пищевой ценности пищевых продуктов. Санитарно-эпидемиологические правила и нормативы» и Решении Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 г. № 880 «О принятии технического регламента Таможенного союза «О безопасности пищевой продукции» (вместе с «ТР ТС 021/2011. Технический

¹ См.: Новикова Р.Г. Правовое регулирование в области оборота генно-модифицированных организмов (ГМО) в России и зарубежных государствах // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Сер. Юрид. науки. – 2021. – Т. 25, № 1. – С. 32–66.

регламент Таможенного союза. О безопасности пищевой продукции»).

ГМО как объект правового регулирования представляет сложный комплекс элементов, затрагиваемых в различных отраслях российского права, включая гражданское, экологическое, патентное, медицинское, аграрное, и его регулирование имеет технико-методологическую специфику. Соответственно сформировалось два блока регуляторов – *нормативно-правовые и нормативно-технические акты*, закрепляющие взаимосвязанные правовые требования для оценки соответствия продукции и контроля использования ГМО. Из них условно можно выделить акты, устанавливающие требования, относящиеся к *стандартизации, сертификации и декларированию* соответствия продукции в области генно-инженерной деятельности; требования, касающиеся необходимости *раскрытия информации о биоинженерных продуктах*, и правовые установки, определяющие направление *стратегирования безопасности* использования ГМО.

Стандартизация, сертификация и декларирование являются базовыми элементами. В частности, правила их осуществления закреплены в вышеупомянутом Федеральном законе. № 86-ФЗ, а также в Федеральном законе от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ (ред. от 2 июля 2021 г.) «О техническом регулировании» и технических регламентах. В них устанавливаются виды (формы) оценки соответствия продукции и определяются органы государственного контроля (надзора). Законодательством предусмотрена как добровольная сертификация, так и обязательная, которая осуществляется лишь в случаях, предусмотренных законодательством РФ. Федеральный закон от 26 июня 2008 г. № 102-ФЗ (ред. от 11 июня 2021 г.) «Об обеспечении единства измерений» и иные нормативные правовые акты в области обеспечения единства средств измерения регулируют вопросы сертификации пищевой продукции. Установленный в Федеральном законе от 2 января 2000 г. № 29-ФЗ (ред. от 13 июля 2020 г.) «О качестве и безопасности пищевых продуктов» порядок формирования и ведения единого перечня продукции, подлежащей обязательной сертификации, а также общие и специальные принципы регулирования в области безопасности пищевых продуктов направлены на обеспечение качества

пищевых продуктов и их безопасности для здоровья человека и будущих поколений.

В постановлении Правительства РФ от 23 сентября 2013 г. № 839 (ред. от 15 февраля 2022 г.) «О государственной регистрации генно-инженерно-модифицированных организмов, предназначенных для выпуска в окружающую среду, а также продукции, полученной с применением таких организмов или содержащей такие организмы, включая указанную продукцию, ввозимую на территорию Российской Федерации» устанавливаются правила государственной регистрации генно-инженерно-модифицированных организмов, предназначенных для выпуска в окружающую среду, а также продукции, полученной с применением таких организмов или содержащей такие организмы, включая указанную продукцию, ввозимую на территорию РФ, и устанавливаются федеральные органы исполнительной власти, осуществляющие такого рода государственную регистрацию.

Важно подчеркнуть, что большое значение для правового регулирования производства и оборота продукции с ГМО имеют санитарно-эпидемиологические требования к пищевым продуктам, пищевым добавкам, продовольственному сырью, а также к контактирующим с ними материалам и изделиям и технологиям их производства, что, соответственно, отражается на особенностях технического регулирования и стандартизации улучшенной сельскохозяйственной продукции, продовольствия.

Поскольку реализация принципа предосторожности при осуществлении правового регулирования генно-инженерной деятельности направлена на обеспечение безопасности граждан (физических лиц) и окружающей среды, постольку общедоступность сведений о безопасности генно-инженерной деятельности имеет важное значение.

На соблюдение нормативных требований по информированию клиентов (раскрытию информации) о параметрах продуктов и сертификации продукции и продовольствия с улучшенными характеристиками направлены *национальные стандарты*.

Так, например, ГОСТ Р 51074–2003 «Национальный стандарт Российской Федерации. Продукты пищевые. Информация для потребителя. Общие требования» (утвержден постановлением Госстандарта России от 29 декабря 2003 г. № 401-ст (ред. от 29 но-

ября 2012 г.)) предусматривает обязательное раскрытие информации о биоинженерных продуктах питания. ГОСТ Р 58661–2019 «Национальный стандарт Российской Федерации. Продукция и продовольствие с улучшенными характеристиками. Оценка соответствия» (утвержден и введен в действие приказом Росстандарта от 29 ноября 2019 г. № 1324-ст) определяет цели правового регулирования отношений в области производства продукции и продовольствия с улучшенными характеристиками являются: сокращение негативного влияния производства и потребления на окружающую среду, здоровье человека, климат и природные ресурсы; содействие устойчивому развитию сельского хозяйства; повышение качества пищевой продукции в Российской Федерации; развитие внутреннего рынка продукции и продовольствия; повышение конкурентоспособности произведенных на территории РФ продукции и продовольствия на зарубежных рынках.

Кроме того, приказом Росстандарта от 4 августа 2017 г. № 805-ст утвержден ГОСТ 34150–2017 «Межгосударственный стандарт. Биологическая безопасность. Сырье и продукты пищевые. Метод идентификации генно-модифицированных организмов (ГМО) растительного происхождения с применением биологического микрочипа», определяющий метод идентификации ГМО растительного происхождения с применением биологического микрочипа, который распространяется на продукты растительного происхождения, готовые пищевые продукты с содержанием растительных компонентов (колбасы, пельмени, молочные продукты и др.), пищевое сырье, посевной и посадочный материал, цветы и устанавливает метод идентификации генно-модифицированных организмов ГМО и генно-модифицированных источников (ГМИ) растительного происхождения с применением биологического микрочипа.

Таким образом, как можно заметить, в национальных стандартах принцип предосторожности сочетается с принципом должной осмотрительности. Следовательно, правовое регулирование в России исходит из концепции: использовать или не использовать ГМО является выбором каждого потребителя, но последний должен быть полностью осведомлен о товарах, непосредственно содержащих ГМО.

СанПиН 2.3.2.1078–01 «Гигиенические требования безопасности и пищевой ценности пищевых продуктов» ввел в оборот маркировку «Не содержит ГМО». Кроме того, ст. 14.8 КоАП РФ предусматривает штраф за непредставление достоверной и необходимой информации о товаре потребителю. Требования в маркировке сведений о наличии в пищевой продукции компонентов, полученных с применением генно-модифицированных организмов, являются обязательными.

Такой подход является общим в рамках Евразийского экономического союза (ЕЭК), одним из участников которого является Россия. В частности, в решениях Совета Евразийской экономической комиссии, исходя из обязательности маркировки продукции, содержащей ГМО, конкретизируются некоторые положения, затрагивающие маркировку пищевой продукции.

Так, например, в Решении Совета ЕЭК от 20 декабря 2017 г. № 90 «О внесении изменений в технический регламент Таможенного союза “Пищевая продукция в части ее маркировки”» указано, что «для пищевой продукции, полученной с применением ГМО, в том числе не содержащей дезоксирибонуклеиновую кислоту (ДНК) и белок, должна быть приведена информация: «генетически модифицированная продукция», или «продукция, полученная из генно-модифицированных организмов», или «продукция содержит компоненты генно-модифицированных организмов». Организация и проведение работ по обязательной сертификации возлагаются на специально уполномоченный федеральный орган исполнительной власти в области сертификации.

Т.О. Шилюк, раскрывая принципы государственного регулирования в области генной инженерии, выделяет в их числе принцип гласности, который предполагает общедоступность сведений о безопасности генно-инженерной деятельности и отмечает его взаимосвязь с принципом соблюдения прав человека и гражданина в области генной инженерии и обеспечения государственных гарантий¹.

¹ См.: Шилюк Т.О. Принципы государственного регулирования в области генной инженерии // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 7. – С. 30–38.

Обязательна информация о генетически модифицированных пищевых продуктах, пищевых продуктах, полученных из генетически модифицированных источников, или пищевых продуктах, содержащих компоненты из генно-инженерно-модифицированных организмов¹.

Требования к маркировке и требования к сертификации направлены не только на обеспечение пищевой безопасности, но и на предупреждение о возможном биологическом риске. В Федеральном законе от 30 декабря 2020 г. № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации» установлено понятие «*допустимый уровень биологического риска*», при котором обеспечиваются условия для защиты населения и охраны окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов. Соответственно, задача не только государства, но и каждого человека обеспечить состояние защищенности населения и окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов, при котором обеспечивается допустимый уровень биологического риска. Выполнение этой задачи возможно при условии информированности о возможных рисках и права добровольного выбора. Создаваемые стандарты качества продукции и использование экомаркировки направлены на обеспечение осведомленности потребителя о содержании продукта и стимулируют потребителей к покупке экологически чистых продуктов, которые, как известно, благоприятно влияют на здоровье. Учитывая, что в мире возрастает интерес к потреблению органической продукции, вполне обоснованным является снижение спроса на выращивание генно-инженерно-модифицированной продукции.

Соответственно, руководствуясь принципом предосторожности органы исполнительной власти усиливают контроль за ввозимыми на территорию РФ семенами.

Особое внимание в современный период в России уделяется *стратегированию* в области производства и оборота ГМО. По мнению В.Б. Агафонова и Н.Г. Жаворонковой, «ГМО как предмет и проблема стратегирования и государственной политики условно

¹ ГОСТ Р 51074–2003. Национальный стандарт Российской Федерации. Продукты пищевые. Информация для потребителя. Общие требования (утв. постановлением Госстандарта России от 29.12.2003 г. № 401-ст).

делится на внутреннюю (создание своей индустрии генной инженерии, включая научные исследования, «изготовление» образцов, их сертификацию, внедрение и др.) и внешнюю (импорт технологий, семян, продуктов, распространение генетически модифицированной продукции)»¹.

Правовая политика России в области пищевой продукции формируется также на основе принципа предосторожности. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400, ставятся задачи снижения зависимости от импорта в ключевых отраслях экономики, повышения уровня продовольственной и энергетической безопасности. Главная задача – повышение физической и экономической доступности безопасной и качественной пищевой продукции в целях сбережения народа России и развитие человеческого потенциала.

Государственная политика Российской Федерации в сфере оборота ГМО в основном сосредоточена на сельскохозяйственной продукции, поэтому основным документом стратегического планирования в области производства продуктов питания является Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 21 января 2020 г. № 208, в которой указываются не только риски (угрозы) обеспечения продовольственной безопасности и устанавливаются определенные запреты, но и раскрываются организационные основы обеспечения продовольственной безопасности России. В подп. «з» п. 6 этой Доктрины обращено внимание на необходимость «недопущения ввоза на территорию РФ генно-инженерно-модифицированных организмов с целью их посева, выращивания и разведения, а также их оборота, запрещения выращивания и разведения животных, генетическая программа которых изменена методами генной инженерии или которые содержат генетический материал искусственного происхождения, а также контроля за ввозом и оборотом продовольственной продукции, полученной с использованием генно-инженерно-модифицированных организмов (за исклю-

¹ Агафонов В.Б., Жаворонкова Н.Г. Эколого-правовое регулирование генно-инженерной деятельности в РФ: современные проблемы и перспективы развития // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16. – № 6. – С. 149–157.

чением ввоза и посева генно-инженерно-модифицированных организмов, выращивания растений и разведения животных при проведении экспертиз и научно-исследовательских работ)».

Кроме того, в Основах государственной политики Российской Федерации в области здорового питания населения на период до 2020 г., утвержденной распоряжением Правительства РФ от 25 октября 2010 г. № 1873-р, предусмотрено, что приоритетами государственной политики в области здорового питания являются расширение отечественного производства основных видов продовольственного сырья, отвечающего современным требованиям качества и безопасности; развитие производства пищевых продуктов, обогащенных незаменимыми компонентами, специализированных пищевых продуктов и биологически активных добавок к пище; разработка и внедрение в сельское хозяйство и пищевую промышленность инновационных технологий, включая био- и нанотехнологии.

Предосторожность в данном случае выражается в том, что приоритет отдается расширению отечественного производства, а не ввозимым из-за рубежа ГМО.

Таким образом, *стратегирование* можно определить как направление государственного стратегического планирования развития отдельных отраслей экономики, в том числе и сельского хозяйства.

Особое внимание законодательство уделяет мониторингу качества и безопасности пищевых продуктов, здоровья населения. Так, постановлением Правительства РФ от 13 марта 2017 г. № 281 «О порядке осуществления Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека мониторинга воздействия на человека и окружающую среду генно-инженерно-модифицированных организмов и продукции, полученной с применением таких организмов или содержащей такие организмы, и контроля за выпуском таких организмов в окружающую среду» контроль за выпуском генно-инженерно-модифицированных организмов в окружающую среду возложен на Федеральную службу по надзору в сфере защиты прав потребителей (Роспотребнадзор).

Контроль за выпуском генетически модифицированных организмов в окружающую среду направлен на выявление и пресе-

чение нарушений при действии или бездействии, в результате которых произошло внесение генетически модифицированных организмов в окружающую среду, а также на устранение последствий выявленных нарушений и проводится в рамках осуществления федерального государственного санитарно-эпидемиологического надзора и федерального государственного надзора в области защиты прав потребителей.

Значимыми для правового регулирования являются Правила осуществления Роспотребнадзором мониторинга воздействия на человека и окружающую среду генно-инженерно-модифицированных организмов и продукции, полученной с применением таких организмов или содержащей такие организмы и контроля за выпуском таких организмов в окружающую среду, утвержденные постановлением Правительства РФ от 8 декабря 2017 г. № 1491. Эти Правила предусматривают среди многочисленных полномочий Роспотребнадзора обязанность осуществления мониторинга генно-модифицированных организмов и генетически модифицированной продукции, который включает в себя следующие мероприятия: а) сбор информации о воздействии генно-модифицированных организмов и (или) генетически модифицированной продукции на здоровье человека и состояние окружающей среды; б) обработка и анализ информации о воздействии генно-модифицированных организмов и (или) генетически модифицированной продукции на здоровье человека и состояние окружающей среды; в) доведение до всеобщего сведения информации о воздействии генно-модифицированных организмов и (или) генетически модифицированной продукции на здоровье человека и окружающую среду.

Существенное значение для реализации принципа предосторожности имеют действующие технические регламенты и стандарты, способствующие открытости информации о продукции. Они содержат правила и методы исследований (испытаний) и измерений ГМО, в том числе правила отбора образцов, необходимых для применения и исполнения принятого технического регламента и осуществления оценки соответствия.

Информационное взаимодействие между органами, осуществляющими ведение мониторинга, является одним из приоритет-

ных направлений в области правового регулирования, мониторинга и контроля ГМО.

Согласно ст. 44 Федерального закона «О техническом регулировании» в Российской Федерации создается и функционирует единая информационная система, предназначенная для обеспечения заинтересованных лиц информацией о документах, входящих в состав Федерального информационного фонда технических регламентов и стандартов. Заинтересованным лицам обеспечивается свободный доступ к создаваемым информационным ресурсам, за исключением случаев, если в интересах сохранения государственной, служебной или коммерческой тайны такой доступ должен быть ограничен.

Несмотря на то что в сфере правового регулирования ГМО много сделано, его нельзя охарактеризовать как совершенное¹. Анализируя современное состояние законодательства РФ в области обращения с ГМО и основные направления его совершенствования, следует отметить, что на формирование законодательства в области ГМО в Российской Федерации очень сильно влияет принцип предосторожности. Вместе с тем концепция правового регулирования развивается на основе его взаимосвязи с принципами должной осмотрительности и умеренной сдержанности.

В мировой практике принцип должной осмотрительности не является новым концептом. В основном он используется применительно к сфере экономических отношений. В Руководящих принципах ООН по предпринимательской деятельности в аспекте прав человека 2011 г., данный принцип имеет формальное выражение. Концепция должной осмотрительности играет важную роль в международном праве прав человека и определяется как универсальное позитивное обязательство государств.

В научной литературе в качестве ключевых характеристик принципа должной осмотрительности называется его взаимосвязь с принципом уважения прав и свобод человека². Кроме того, к со-

¹ См.: Макаренко Т.И., Прохоров К.В. Правовое регулирование генетически модифицированных организмов // Вестник науки и образования. – 2020. – № 3(81), ч. 1. – С. 32–35.

² См.: Ruggie J.G.; Sherman J.F. The concept of ‘Due Diligence’ in the UN guiding principles on business and human rights: A reply to Jonathan Bonnitche and Robert McCorquodale // European journal of international law. – 2017. – Vol. 28(3). –

держательным элементам принципа должной осмотрительности относятся: забота о ближнем, осознание необходимости предотвратить и устранить неблагоприятные воздействия на права человека; разумность как обычное поведение. По сути, это объективный стандарт, который всегда позволяет оценить не только поведение (решения) человека, но и действия (бездействия), а также решения, принимаемые органами, осуществляющими публичную власть, и как следствие – взаимосвязь принципа правомерного ожидания с принципом должной осмотрительности.

В целом данная совокупность принципов должной осмотрительности, предельной сдержанности и умеренной осторожности включает в свое содержание этические, психологические и юридические элементы, что создает стабильность правового регулирования ГМО.

Представляется, что, исходя из указанных принципов, в России выбрана в области ГМО концепция умеренного консерватизма, которая, с одной стороны, обеспечивает различные виды безопасности, с другой стороны, дает импульс для развития экономики и сельского хозяйства.

P. 921–928; Bonnitcha J.; McCorquodale R. The concept of ‘Due Diligence’ in the UN guiding principles on business and human rights: A Rejoinder to John Gerard Reggie and John F. Sherman // *European journal of international law*. – 2017. – Vol. 28(3). – P. 929–933.

**ЛУЖИНА А.Н.¹ ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ПРИ
ОБОРОТЕ ГЕННО-МОДИФИЦИРОВАННЫХ ОРГАНИЗ-
МОВ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ, РОССИЙСКИЙ И ФРАНЦУЗ-
СКИЙ ОПЫТ. (Статья).**

Аннотация. Рассматриваются основные законодательные акты России и Франции в сфере регулирования оборота генно-модифицированных организмов, в том числе основные положения по защите прав потребителей. Раскрываются основные принципы законодательного регулирования ГМО и тенденции его дальнейшего развития в России и Франции.

Ключевые слова: российское право; право Франции; международное право; право Европейского союза; генетически модифицированные организмы; биобезопасность; защита прав потребителей.

LUZHINA A.N. Consumer protection in the turnover of genetically modified organisms: international, russian and french experience. (Article).

Abstract. The main legislative acts of Russia and France in the field of regulation of the turnover of genetically modified organisms, including the main provisions on consumer protection, are considered. The basic principles of the legislative regulation of GMOs and the trends of its further development in Russia and France are revealed.

Keywords: Russian law; French law; international law; European Union law; genetically modified organisms; biosafety; consumer protection.

¹ Лужина Александра Николаевна, доцент кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия, старший научный сотрудник отдела правопедия ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

Для цитирования: Лужина А.Н. Защита прав потребителей при обороте генно-модифицированных организмов: международный, российский и французский опыт. (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2022. – № 4. – С. 71–82. DOI: 10.31249/rgpravo/2022.04.06

Изменение климата, рост населения, политические и экономические кризисы, – все эти глобальные явления отражаются на развитии сельского хозяйства как основной отрасли экономической деятельности, обеспечивающей население необходимыми продуктами питания. Кроме того, в экономике и социальной сфере происходят серьезные изменения, обусловленные процессами смены одного технологического уклада на другой под влиянием достижений научно-технического прогресса, в том числе генно-модифицированных технологий. При этом, с одной стороны, посредством генной инженерии разрушаются природные системы видовой защиты сортов растений и пород животных и создаются ГМ-продукты, зачастую объединяющие элементы не только растительных, но и животных клеток, образующих в итоге неклеточные, одноклеточные или многоклеточные образования, которые способны к воспроизводству или передаче искусственного наследственного генетического материала. Безопасность использования таких ГМО для настоящего и будущих поколений подтверждается лишь немногими учеными¹.

С другой стороны, международные акты предусматривают сферы деятельности, в которых использование ГМО является одним из необходимых инструментов решения глобальных проблем человечества. Например, согласно Декларации тысячелетия ООН (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 55/2 от 8 сентября 2000 г.), одна из целей XXI века – искоренение голода. 25 сентября 2015 г. Генеральной Ассамблеей принята Резолюция, которая поставила цель до 2030 г. покончить с нищетой и голодом во всем мире².

¹ См.: Синельникова В.Н. Генно-модифицированные организмы и биомедицинские клеточные продукты как объекты интеллектуальной собственности // Судья. – 2016. – № 2. – С. 20.

² Цит. по: Воронина Н.П. Правовое регулирование использования биотехнологий в сельском хозяйстве России и зарубежных странах // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 7(187). – С. 17.

Новые технологии (биологические, генетические, информационные и др.) открывают большие возможности для экономики, общества, граждан, но они же способны повлечь за собой серьезные риски для личности, общества, государства, биосферы¹. Может быть, именно угроза рисков и привела к тому, что в настоящее время достаточно динамично развивается законодательство, закрепляющее правила производства и продажи пищевых продуктов без применения ГМО. Вводятся соответствующие обозначения на продуктах питания: «натуральные», «био», «зеленые» и т.п. Такая тенденция, считают ученые, вызвана потребностью в экологически чистых продуктах питания².

Следует отметить, что вопросы оборота генно-модифицированных организмов впервые возникли еще в 80-х годах прошлого века.

Так, например, на территории Европейского союза первые посевы ГМО были сделаны в 1986 г. И уже в 1990 г. Европейским советом была принята Директива 90/219/ЕЭС об ограниченном использовании генетически измененных микроорганизмов (Council Directive 90/219/EEC of 23 April 1990 on the contained use of genetically modified micro-organisms). При этом коммерческая продажа продуктов с ГМО стартовала только в 1994 г., т.е. меры регулирования были разработаны быстрее, чем новый продукт вышел на рынок³.

Парламентская ассамблея Совета Европы в своей резолюции № 1795 (2011) «Генетически модифицированные организмы: решение для будущего?» отметила неоднозначность применения ГМО. Объясняется это тем, что:

1) внедрение ГМО может нарушать способности видов к адаптации и разрушать отношения между ними, изменяя естественный баланс экосистем;

¹ См.: Мохов А.А. Роль биоправа и биоэтики в биополитике // Юрист. – 2022. – № 1. – С. 16.

² См.: Андреева Л.В. Государственные закупки экологически чистой продукции: стимулы vs конкуренция // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2022. – № 2. – С. 50–55.

³ См.: Etienne verges scientific and technological evolution through the legal prism : visions of a multi-faceted relationship through the lens of French and EU Law // Law, innovation and technology. – 2014. – Vol. 6, N 1. – P. 81–82.

2) ГМО могут также нести с собой риски в медицинском, экологическом и экономическом плане. Следовательно, важно тщательно изучить последствия сосуществования различных форм выращивания культур (ГМО, традиционное и органическое сельское хозяйство);

3) создание ГМО и генетически модифицированных растений, как замечают некоторые эксперты, может способствовать развитию конкурентоспособного, инновационного и устойчивого сельского хозяйства и защите окружающей среды. Они также считают, что ГМО могут в определенной степени содействовать стремительному росту «зеленой экономики»¹.

В обороте американской и европейской сельскохозяйственной продукции достаточно ярко проявляются обе позиции. США являются мировыми лидерами по производству продуктов, содержащих ГМО. На них приходится 70% производимой в США агропродовольственной продукции. Свыше 90% кукурузы, соевых культур, хлопка. Однако импортируемые в Европу продукты, содержащие ГМО, могут реализовываться исключительно после прохождения разрешительных процедур и получения одобрения Европейским агентством по безопасности продуктов питания (EFSA)². То есть Европейский союз придерживается принципа «предосторожности», тогда как политика США основывается на концепции «существенной эквивалентности»³.

Следует подчеркнуть, что есть и такие государства, которые законодательно запрещают полностью оборот ГМО либо вводят мораторий на него. В частности, ГМО полностью под запретом в Алжире, Саудовской Аравии, Перу, Эквадоре, Венесуэле, некоторых округах США.

¹ Генетически модифицированные организмы: решение для будущего? : Резолюция ПАСЕ 1795 (2011) // Документы, принятые Ассамблеей : предварительное издание. – Strasbourg, 2011. – P. 21. – URL: <https://rm.coe.int/1680630c4b> (дата обращения: 12.06.2022).

² US wants «science» to settle GMO debate in trade deal with EU [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.euractiv.com/section/science-policy/news/us-wants-science-to-settle-gmo-debate-in-trade-deal-with-eu>(дата обращения: 12.06.2022).

³ Текст, принятый Постоянной комиссией, действующей от имени ПАСЕ, 11 марта 2011 г. (см. док. 12531...). Op. cit. – URL: <https://rm.coe.int/1680630c4b> (дата обращения: 12.06.2022).

К странам, в которых действовал временный мораторий на ГМО (с февраля 2014 до июля 2017 г.), относилась Россия. Мораторий действовал на промышленную генную инженерию и ввоз ГМО, однако наказания за нарушение предусмотрено не было. Действие этого моратория закончилось, и начиная с 2019 г. был принят ряд нормативных правовых актов, способствующих развитию биотехнологий и достижениям в сфере ГМО.

В Федеральной научно-технической программе развития генетических технологий на 2019–2027 гг., утвержденной постановлением Правительства РФ от 22 апреля 2019 г. № 479, отмечается, что в России сформированы заделы по большинству генетических технологий, в том числе в области генетического редактирования. В ряде университетов и научно-исследовательских организациях ведутся соответствующие работы, имеются биоресурсные коллекции, российские компании развивают собственные научно-исследовательские и опытно-конструкторские программы. По экспертным оценкам, в 2018 г. генетические исследования проводили коллективы 80 научных и 40 образовательных организаций высшего образования Российской Федерации. Основными целями этой Программы являются комплексное решение задач ускоренного развития генетических технологий, в том числе технологий генетического редактирования, и создание научно-технологических заделов для медицины, сельского хозяйства и промышленности, а также совершенствование мер предупреждения чрезвычайных ситуаций биологического характера и контроля в этой области.

Исходя из задач, предусмотренных Стратегией научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 1 декабря 2016 г. (ред. от 15 марта 2021 г.), в Программе определены следующие направления развития генетических технологий: биобезопасность и обеспечение технологической независимости; генетические технологии для развития сельского хозяйства; генетические технологии для медицины; генетические технологии для промышленной микробиологии.

Постановлением Правительства РФ от 16 апреля 2020 г. № 520 «О продукции и генно-инженерно-модифицированных организмах, не подлежащих государственной регистрации в соответствии с правилами государственной регистрации генно-инженерно-модифицированных организмов, предназначенных для выпуска

в окружающую среду, а также продукции, полученной с применением таких организмов или содержащей такие организмы, включая указанную продукцию, ввозимую на территорию Российской Федерации, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 23 сентября 2013 г. № 839» временно упрощен ввод в оборот ГМО-сои для животных. Генно-модифицированная кормовая соя и шрот из нее не подлежат государственной регистрации ГМО, предназначенных для выпуска в окружающую среду. Установлено, что по 1 января 2021 г. достаточно подтверждения безопасности в рамках регистрации кормов из ГМО.

Следует заметить, что в Российской Федерации законодательное регулирование ГМО имеет достаточно долгую историю. Можно назвать несколько основных направлений законодательного регулирования ГМО: это – процесс создания и учета результатов генной инженерии, государственная поддержка и развитие данного научно-экономического направления, и наконец, обеспечение безопасности населения и его прав при обороте продукции, содержащей ГМО. Именно последнее направление в настоящее время имеет наименьшую системность и отвечает признаку фрагментарности.

Федеральный закон от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ (в ред. от 2 июля 2021 г.) «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» закрепил общие принципы и дал определения основных понятий, связанных с оборотом ГМО в России. До этого времени, пользуясь соответствующим пробелом в законодательстве, селекционеры регистрировали новые сорта растений и породы животных, не раскрывая факт их создания с помощью ГМО. Аналогичная ситуация складывалась и в тех областях изобретательства, где использовались живые клетки¹. В соответствии с указанным Федеральным законом *генно-инженерно-модифицированный организм* – организм или несколько организмов, любое неклеточное, одноклеточное или многоклеточное образование, способные к воспроизводству или передаче наследст-

¹ Синельникова В.Н. Генно-модифицированные организмы и биомедицинские клеточные продукты как объекты интеллектуальной собственности // Судья. – 2016. – № 2. – С. 19.

венного генетического материала, отличные от природных организмов, полученные с применением методов генной инженерии и содержащие генно-инженерный материал, в том числе гены, их фрагменты или комбинации генов. Аналогичное определение содержится и в решении Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 г. № 880 «О принятии технического регламента Таможенного союза “О безопасности пищевой продукции” (вместе с “ТР ТС 021/2011. Технический регламент Таможенного союза. О безопасности пищевой продукции”)». Исходя из данного определения, можно сделать вывод, что ГМО нельзя выделить в качестве самостоятельного объекта гражданских прав, поскольку генетически модифицированные организмы имеют лишь определенные особенные или специальные характеристики уже существующих объектов, например, сельскохозяйственной продукции.

1 января 2020 г. вступил в действие Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 280-ФЗ «Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», регулирующий вопросы производства, хранения, транспортировки, маркировки и реализации органической (экологически чистой) продукции.

В ч. 1 ст. 4, ст. 5 и 7 указанного Закона предусмотрены требования, которые должны соблюдаться при производстве органической продукции:

1) обособление производства органической продукции от производства продукции, не относящейся к органической продукции;

2) запрет на применение агрохимикатов, пестицидов, антибиотиков, стимуляторов роста и откорма животных, гормональных препаратов, за исключением тех, которые разрешены к применению действующими в Российской Федерации национальными, межгосударственными и международными стандартами в сфере производства органической продукции;

3) запрет на применение трансплантации эмбрионов, клонирования и методов генной инженерии, генно-инженерно-модифицированных и трансгенных организмов, а также продукции, изготовленной с использованием генно-инженерно-модифицированных и трансгенных организмов;

4) запрет на использование гидропонного метода выращивания растений;

5) запрет на применение ионизирующего излучения;

6) применение для борьбы с вредителями, болезнями растений и животных средств биологического происхождения, а также осуществление мер по предупреждению потерь, наносимых вредными организмами растениям или продукции растительного происхождения, которые основаны на защите энтомофагов (естественных врагов вредителей растений), на выборе видов и сортов растений, на подборе севооборота, оптимальных методов возделывания растений и методов термической обработки органической продукции;

7) подбор пород или видов сельскохозяйственных животных с учетом их адаптивных способностей и устойчивости к болезням, создание условий, способствующих сохранению их здоровья, ветеринарному благополучию, естественному воспроизводству, и обеспечение оптимальных санитарно-гигиенических показателей их содержания;

8) использование пищевых добавок, технологических вспомогательных средств, ароматизаторов, усилителей вкуса, ферментных препаратов, микроэлементов, витаминов, аминокислот, предусмотренных действующими в Российской Федерации национальными, межгосударственными и международными стандартами в сфере производства органической продукции;

9) применение биологических, в том числе пробиотических, микроорганизмов, традиционно используемых при переработке пищевых продуктов, использование мер защиты продукции животного происхождения от микробиологической порчи, основанных на взаимодействии микроорганизмов в естественной природной среде;

10) запрет на смешивание органической продукции с продукцией, не относящейся к органической, при хранении и транспортировке органической продукции;

11) запрет на использование упаковки, потребительской и транспортной тары, которые могут привести к загрязнению органической продукции и окружающей среды, в том числе на использование поливинилхлорида для упаковки, потребительской и транспортной тары;

12) наличие добровольной сертификации в соответствии с требованиями законодательства РФ о техническом регулировании

в целях установления соответствия производства органической продукции действующим в Российской Федерации национальным, межгосударственным и международным стандартам в сфере производства органической продукции;

13) наличие на упаковке отличительных признаков органической продукции, а именно маркировки в виде комбинации надписей и графического изображения (знака) органической продукции единого образца на упаковке, потребительской и (или) транспортной таре органической продукции или на прикрепленных к ней либо помещенных в нее иных носителях информации.

Данные требования в первую очередь направлены на обеспечение права выбора потребителей соответствующей продукции путем предоставления необходимой информации, позволяющей определить товар, содержащий ГМО, или свободный от соответствующих организмов.

11 июня 2021 г. принят Федеральный закон № 159-ФЗ «О сельскохозяйственной продукции, сырье и продовольствии с улучшенными характеристиками», в котором продовольствие с улучшенными характеристиками рассматривается как продовольствие, производство, хранение, транспортировка и реализация которого соответствуют требованиям данного Закона. Среди установленных к сельскохозяйственной продукции, продовольствию требований применение в том числе технологий, которые соответствуют экологическим, санитарно-эпидемиологическим, ветеринарным и иным требованиям, оказывают минимальное негативное воздействие на окружающую среду, запрет на применение генно-инженерно-модифицированных и трансгенных организмов, использование повторно перерабатываемых и/или биоразлагаемых упаковки и упаковочных материалов и др.¹

Названный Федеральный закон продолжает законодательное регулирование обособления продуктов, содержащих ГМО (с улучшенными характеристиками), от продуктов, которые относятся к органической продукции. Требования, предусмотренные вышеуказанными законодательными актами, направлены на обеспе-

¹ См.: Андреева Л.В. Государственные закупки экологически чистой продукции: стимулы vs конкуренция // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2022. – № 2. – С. 50–55.

чение свободы выбора потребителя в выборе потребляемой продукции путем обременения производителей в первую очередь сельскохозяйственной продукции дополнительными обязанностями по внесению необходимых сведений в общедоступные реестры о качественных характеристиках, выращиваемой продукции, порядке и условиях ее заготовки.

Если говорить о Франции, то в этой стране выстроена многофункциональная система нормативного регулирования биобезопасности¹. Французское законодательство в рамках регулирования именно вопросов защиты прав потребителя ГМО-продукции, учитывает основной общеевропейский принцип «предосторожности». Основные положения, касающиеся особенностей выращивания и оборота сельскохозяйственной продукции, содержащей элементы ГМО, содержатся в Экологическом и Сельскохозяйственном кодексах Франции². Французский Code de l'environnement (Экологический кодекс) в ст. 531-1 определяет *генетически модифицированный организм* как «организм, генетический материал которого был модифицирован способом, отличным от естественного воспроизводства или рекомбинации», т.е. генетическая модификация с использованием методов умножения или естественной рекомбинации. Это определение по существу идентично определению, данному в Директиве 2001/18/ЕС Европейского парламента и Совета от 12 марта 2001 г. о намеренном выпуске генетически модифицированных организмов в окружающую среду и об отмене Директивы Совета ЕС 90/220/ЕЕС.

Следует отметить, что порядок оборота продукции, содержащей ГМО, в Евросоюзе и, соответственно, во Франции, регулируется Регламентом (ЕС) 1829/2003 Европейского парламента³, в том числе и в отношении продуктов питания для потребления че-

¹ См.: Захарова М.В. Lex genetica – многослойный пирог на современной юридической карте мира // Вестник ун-та им. О.Е. Кутафина, – 2021. – № 7. – С. 20.

² См.: Bishop M. genetically modified organisms restrictions in 23 countries and the European UNION / Staff of the Global Legal Research Center. – New York, 2016. – P. 53.

³ Regulation (EC) 1829/2003 of the European Parliament and of the Council, 2003 O.J. (L 268). – URL: <http://eurlex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2003:268:0001:0023:EN:PDF> (дата обращения: 12.07.2022).

ловеком или животными. И здесь также применяются специальные способы идентификации соответствующих товаров, путем специального маркирования, предусмотренного Регламентом (ЕС) 1830/2003¹ Европейского парламента по отслеживанию и маркировке генетически модифицированных организмов и продуктов питания и кормов, произведенных из генетически модифицированных организмов.

Помимо этих правил, предусмотренных ЕС, некоторые ограничения существуют и на национальном уровне. В частности, продукты, содержащие 0,9% ГМО на человека, должны быть помечены как содержащие ГМО. Пищевые продукты, содержащие менее 0,9% ГМО на человека, освобождаются от маркировки только в том случае, если присутствие ГМО является случайным или технически неизбежным².

Согласно европейским стандартам, французский Декрет № 2012-128 от 30 января 2012 г. о маркировке продуктов питания, производимых на предприятиях, квалифицированных как «без генетически модифицированных организмов», предусматривает наличие специальной факультативной этикетки для продуктов, не содержащих ГМО³.

Таким образом, можно отметить определенные общие тенденции в законодательном регулировании вопросов защиты прав потребителей в сфере оборота ГМО. Во-первых, это создание системы надлежащего информирования о наличии модифицированных элементов в соответствующих товарах (специальная маркировка, наличие реестров производителей ГМО-продукции, добровольная сертификация), т.е. потребителям предоставляется возможность самостоятельного выбора приобретать или нет дан-

¹ Regulation (EC) 1830/2003 of the European Parliament and of the Council, 2003 O.J. (L 269). – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:02003R1830-20190726&from=EN> (дата обращения: 12.07.2022).

² Grossman, *supra* note 48, at 129; Regulation (EC) 1829/2003, *supra* note 62, arts. 12–13.

³ Décret n° 2012–128 du 30 janvier 2012 relatif à l'étiquetage des denrées alimentaires issues de filières qualifiées «sans organismes génétiquement modifiés» [Decree N 2012–128 of January 30, 2012, Regarding the Labeling of Food Products Emanating from Channels Deemed «Without Genetically Modified Organisms»]. – 2012. – 31 Jan. – P. 1770.

ную продукцию. Во-вторых, обеспечение государственного контроля в рассматриваемой сфере. Речь идет о формировании системы взаимосвязанных органов государственной власти, которые контролируют производство, ввоз-вывоз и реализацию ГМО-продукции.

Например, во Франции создан Высший совет по биотехнологии (Haut Conseil des biotechnologies) при правительстве страны, уполномоченный давать разъяснения и экспертные заключения по вопросам производства и реализации той или иной ГМО-продукции.

Можно сделать вывод, что в законодательном регулировании оборота ГМО-продукции и России, и Франции, и других стран принимаются во внимание экономическая целесообразность данной отрасли и научная перспективность геномных исследований. Государства придерживаются принципа «предосторожности» и осмотрительности, которые позволяют удержать баланс между интенсивным развитием наукоемких отраслей общественной жизни и сохранить традиционные сферы производства, например сельское хозяйство, в их естественном состоянии; предоставить определенные приоритеты производителям улучшенной продукции и оказывать поддержку натуральному хозяйству; и все это в целом должно стабилизировать продовольственный рынок, сохранив его многообразие, позволяющее эффективно использовать свое право выбора потребителям.

КРАВЧУК Н.В.¹ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГЕНЕТИЧЕСКИ МОДИФИЦИРОВАННЫХ ОРГАНИЗМОВ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ: НЕОБХОДИМОСТЬ КОРРЕКТИРОВКИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДНА. (Обзор).

Аннотация. Обзор посвящен проблемам в области законодательного регулирования оборота генетически модифицированных организмов (ГМО) в Европейском союзе. Законодательство ЕС в этой области, как отмечается, строже законодательства других стран. Оно основано на разнице между естественным происхождением организма и его созданием с помощью генной инженерии. Основой законодательства о ГМО является принцип предосторожности, призванный обеспечить безопасность ГМО для окружающей среды и здоровья человека. Этот принцип не соотносится с принципом предполагаемой безопасности, на основе которого формируется законодательство многих стран - торговых партнеров ЕС. Асимметрия в регулировании приводит к сложностям в торговле и несоблюдению законодательства ЕС. Отслеживание в импортируемых кормах и пищевой продукции не авторизованных для употребления на территории Евросоюза ГМО производится с помощью инспекций, осуществляемых на уровне государств-членов. Принимаемые меры, однако, не могут обеспечить право потребителя на свободу выбора. Все эти проблемы в области регулирования оборота ГМО диктуют необходимость корректировки законодательства.

Ключевые слова: генетически модифицированные организмы; Европейский союз; законодательство о генетически модифи-

¹Кравчук Наталья Вячеславовна, ведущий научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

цированных организмах; авторизация; оценка риска; принцип предосторожности; инспекции.

KRAVCHUK N.V. Regulation of genetically modified organisms in European Union: the necessity to update the legislation is obvious. (Review).

Abstract. The review is devoted to the problems of legislative regulation of genetically modified organisms in European Union. EU legislation in this field is more strict than that in the other countries. It is based on the difference between natural organisms and those created artificially through genetic engineering. The core of the GMO legislation is the precautionary principle which aims at protecting environment and human health. This principle is not compatible with the principle of presumed safety of the product which underpins legislation of many countries-EU trade partners. Asymmetry in regulation leads to complications in trade and to noncompliance with EU legislation. A control of GMO non-authorized for use on the territory of EU in imported food and feed is realized through inspections, conducted on the level of EU states. Undertaken measures, however, can not guarantee consumer's freedom of choice. All the mentioned problems in the field of GMO regulation dictate the necessity to update the relevant legislation.

Keywords: genetically modified organisms; European Union; GMO regulation; authorization; risk assessment; precautionary principle; inspections.

Для цитирования: Кравчук Н.В. Регулирование генетически модифицированных организмов в Европейском союзе: необходимость корректировки законодательства очевидна. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2022. – № 4. – С. 83–95.
DOI: 10.31249/rgpravo/2022.04.07

Растущее население земного шара сталкивается с многочисленными проблемами, такими как изменение климата, утрата биологического разнообразия и нехватка воды и продовольствия. ГМО, являющиеся результатом применения генных технологий в сельском хозяйстве, представляют собой прекрасный пример попытки решить эти проблемы с помощью технических инноваций.

Согласно Директиве 2001/18/ЕС Европейского парламента и Совета от 12 марта 2001 г. о намеренном выпуске генетически модифицированных организмов в окружающую среду и об отмене Директивы Совета 90/220/ЕЕС (Directive 2001/18/EC of the European Parliament and of the Council of 12 March 2001 on the deliberate release into the environment of genetically modified organisms and repealing Council Directive 90/220/EEC [2001]), под «генетически модифицированным организмом (ГМО)» понимается организм, за исключением человека, генетический материал которого подвергся изменению способом, не встречающимся в естественных условиях при спаривании и (или) естественной рекомбинации. Таким образом, речь идет о различии между «естественными» (natural) и не естественными, т.е. искусственно-созданными организмами. Именно на этом различии основано регулирование ГМО. Оно же, являясь чисто правовой конструкцией¹, как показывает практика, может стать причиной споров в случаях минимального воздействия на организм [3, p. 10]. Торговля ГМО представляет собой определенные экономические возможности как для развитых, так и для развивающихся стран. Вместе с тем использование ГМО рассматривается как риск для окружающей среды и человека [2, p. 2].

Аурелия Махалатчимы из Университета Экс-Марсель (Франция), Пин Лин Лау из Лондонского университета Брунеля, а также Фиби Ли, Университет Сассекса и Марк Л. Флеа, Университет Квинс в Белфасте (Великобритания), отмечают, что научные дискуссии в рассматриваемой области сфокусированы на национальном уровне регулирования. Анализ управления процессами, связанными с ГМО, в Евросоюзе (ЕС) академическим сообществом едва затронут. Между тем учреждения ЕС отнюдь не бездействуют. Европейское агентство лекарственных средств и Европейская комиссия в сотрудничестве с Европейской группой по этике в науке и технологиях организовывали различные мероприятия, Европейский парламент выпустил заявление, а Совет ЕС инициировал исследование относительно редактирования генома примени-

¹ Необходимо отметить, что естественность организма может обеспечиваться его долговременным употреблением и доказанной безопасностью, которые снижают важность техник и методов, использованных для его появления при определении того, относится ли данный продукт к ГМО с правовой точки зрения [3, p. 11].

тельно к растениям. Европейская комиссия в сотрудничестве с Европейской группой по этике в науке и технологиях выпустила в 2016 г. давно ожидаемое заявление по этому вопросу, в котором заявила о необходимости всеобъемлющих обсуждений, основанных на этических принципах, таких как уважение к достоинству человека, правосудие, равенство, пропорциональность и автономия. В нем подчеркивается, что этические соображения должны быть ключевыми во всех сферах применения технологий редактирования генома, в том числе тех, что не касаются человека [3, р. 3].

В настоящий момент регулирование Евросоюзом сферы, связанной с ГМО, нацелено:

- на защиту здоровья человека и животных, а также окружающей среды, путем внедрения оценки безопасности исходя из самых высоких стандартов ЕС до размещения ГМО на рынке;

- внедрение гармонизированных процедур оценки риска и авторизации ГМО;

- обеспечение понятной маркировки и отслеживания ГМО, размещаемых на рынке [2, р. 11].

Для обеспечения поставленных целей ЕС принял три директивы и два регламента, а также ряд других правил и рекомендаций по более узким вопросам. Речь идет об упомянутой выше Директиве 2001/18/ЕС, Директиве 2015/412 Европейского парламента и Совета от 11 марта 2015 г. о внесении поправок в Директиву 2001/18/ЕС относительно возможности государствам-участникам ограничивать или запрещать культивирование генетически модифицированных организмов (ГМО) на их территории, Директиве 2009/41/ЕС Европейского парламента и Совета от 6 мая 2009 г. о закрытом использовании генетически модифицированных микроорганизмов, Регламенте (ЕС) N 1829/2003 Европейского парламента и Совета от 22 сентября 2003 г. по генетически модифицированным пищевым продуктам и кормам и Регламенте (ЕС) N 1830/2003 Европейского парламента и Совета от 22 сентября 2003 г. относительно отслеживаемости и маркировки генетически модифицированных организмов и отслеживаемости пищевых и кормовых продуктов, произведенных из генетически модифицированных организмов и об изменении Директивы 2001/18/ЕС.

Одним из ключевых компонентов политики ЕС в области регулирования оборота ГМО как внутри ЕС, так и между ЕС и

другими странами, является принцип предосторожности (precautionary principle), активно применяемый различными органами в целях защиты окружающей среды и здоровья людей. Согласно ст. 191(2) Договора о функционировании Европейского союза, данный принцип является одним из принципов, лежащих в основе политики Союза в сфере окружающей среды, которая стремится к достижению высокого уровня ее охраны с учетом разнообразия ситуаций в различных регионах Союза. Коммуникация Европейской комиссии относительно принципа предосторожности (Communication from the Commission on the precautionary principle, СОММ (2000), 2 February 2000) закрепляет данный принцип в качестве основного в сфере регулирования здоровья человека и окружающей среды. Отсылки к нему есть и в директивах, и предписаниях ЕС, касающихся непосредственно ГМО. Так, ст. 1 Директивы 2001/18/ЕС предусматривает, что ее цель заключается в согласовании законов, регламентов и административных положений государств-членов и в защите здоровья человека и окружающей среды в соответствии с принципом предосторожности, а п. 2 Преамбулы Директивы 2015/412 добавляет, что принцип предосторожности всегда должен учитываться при имплементации Директивы 2001/18/ЕС.

Понимание содержания принципа предосторожности развивается во многом через практику Суда правосудия ЕС (Суд). Анализ этой практики показывает, по мнению Алессандры Гуйда, научного сотрудника Университета Маккуои, Австралия, что начиная с 1983 г. в Суд поступало значительное количество запросов относительно реализации принципа предосторожности государствами в различных контекстах. Применительно к ГМО подход Суда основан на необходимости «новых» научных доказательств как предварительного условия принятия государствами мер предосторожности и запрета определенного вида ГМО на своей территории. Это было со всей очевидностью установлено в деле *Monsanto Agricoltura Italia SpA and Others vs Presidenza del Consiglio dei Ministri and Others (Monsanto Italy)*, где Суд пришел к выводу о том, что Италия не обеспечила никаких новых доказательств в поддержку своей позиции о необходимости запрета. Это требование в дальнейшем было усилено в деле *Land Oberösterreich and Republic of Austria vs Commission of the European Communities*

(*Austrian case*), где было установлено, не только что законность национальной меры тесно связана с представленными научными доказательствами, но и что это должны быть именно «новые» доказательства, т.е. те, что опираются на недавние научные исследования. Эта позиция Суда повторилась и в последующих делах [2, р. 39].

В каждом из разрешенных дел исход спора зависел от вопросов, подлежащих толкованию. Тот факт, что Суд должен заниматься толкованием сложных научных доказательств и может прийти к принципиально различающимся выводам на основе одних и тех же сведений, вызывает, как отмечает А. Гуйда, неудовлетворение. Логичен вывод о необходимости усовершенствования законодательства, регулирующего вопросы, связанные с оборотом ГМО в Европе [2, р. 40].

Корректировка законодательства тем более необходима, поскольку практика Суда правосудия ЕС показала, что он не готов поддержать государства в их попытках применить принцип предосторожности – во всех проанализированных автором дела попытки государств запретить ГМО были признаны необоснованными. Суд со всей очевидностью отдает приоритет международной торговле, а не политике ЕС. При этом он полагается в первую очередь на некие научные знания, и это при том, что эта область знаний полна неопределенности. Между тем недавняя глобальная пандемия показала, как важно принятие мер предосторожности в ситуации научной неопределенности. Этот урок должен учесть законодатель при разработке мер защиты человека и окружающей среды в контексте биотехнологий [2, р. 40].

Польские ученые Томаш Зимни, Институт правовых исследований, и Славомир Сова, Институт растениеводства и акклиматизации, обращают внимание на проблему различного регулирования ГМО в Евросоюзе и странах, являющихся его ключевыми торговыми партнерами в этой области (Аргентина, Бразилия, Канада и США). Отсутствие гармонизации приводит, по их мнению, не только к сложностям в торговле, но и к несоблюдению законодательства ЕС [5, р. 1].

В апреле 2021 г. Европейская комиссия опубликовала исследование необходимости изменения законодательства по ГМО, проведенное по запросу Европейского Совета. Причиной проведе-

ния исследования стало решение Суда правосудия ЕС по делу C-528/16 (*Confédération paysanne and Others vs Premier ministre and Ministre de l'agriculture*), в котором Суд постановил, что хотя продукты мутагенеза в целом не подпадают под законодательство ЕС о ГМО (несмотря на то что являются ГМО с юридической точки зрения), это исключение относится только к продуктам, полученным с применением методов, разработанных и на постоянной основе применяемых в период до принятия Директивы 2001/18/ЕС. В исследовании несколько групп новых технологий изменения генома растений были признаны подпадающими под регулирование законодательства о ГМО, т.е. в отношении этих продуктов должна быть произведена оценка риска и официальная авторизация. Было сделано заключение о том, что текущее законодательство ЕС не способно эффективно регулировать оборот этих групп продуктов и нуждается в усовершенствовании [5, p. 1].

Подход к регулированию продуктов, полученных с использованием новых генных технологий, в разных странах различается. Среди ключевых торговых партнеров есть страны, которые приняли решение либерализовать оборот такой продукции. Это приводит к так называемой асимметричной авторизации (*asymmetric authorization*), что не может не сказываться на международной торговле [5, p. 1].

Основа проблемы лежит в применении различных критериев для определения того, что такое ГМО. В ЕС этот термин применяется очень широко и захватывает продукты, которые не относятся к ГМО в других странах. Так, использования точковых мутаций (генная мутация, представляющая собой замену (в результате транзиции или трансверсии), вставку или потерю одного нуклеотида) может быть достаточно для того, чтобы получить желаемые характеристики растения. Такие изменения могут произойти и естественным путем, но поскольку в основе политики регулирования ЕС лежит принцип предосторожности, все продукты ГМО должны пройти оценку безопасности (риска), результаты которой впоследствии оцениваются Европейским ведомством по безопасности пищевых продуктов. Маркетинг продукта является предметом решения ЕС или, в некоторых случаях, компетентного органа государства – члена ЕС. Такой подход применяется ко всем новым продуктам ГМО вне зависимости от того, были ли они импортиро-

ваны или произведены в пределах ЕС. После того как продукт допущен на рынок, он должен быть соответствующим образом маркирован (ст. 12 и 24 Регламента (ЕС) N 1829/2003) и подлежит надзору и мониторингу (ст. 9 и 21 Регламента (ЕС) N 1829/2003) [5, p. 3].

Широкое толкование ГМО в ЕС подразумевает, что вне зависимости от того, какое именно изменение было внесено в геном, должны требовать авторизации. Подход к таким же продуктам в других странах отличается в корне. В Аргентине и Бразилии авторизация не требуется, если продукт получил положительную оценку определенной экспертной группы. В Канаде большее внимание уделяется не природе изменения генома, а новизне внесенных изменений. Все новые изменения требуют авторизации до выпуска в окружающую среду. В США в 2018 г Департамент сельского хозяйства выпустил заявление, согласно которому некоторые виды ГМО не будут отныне подпадать под регулирование биотехнологического законодательства. В соответствии с новым подходом более 90% генетически модифицированных растений не будут предметом предмаркетинговых тестов и оценки риска. В целом анализ регулирования ГМО в этих странах показывает, что вне зависимости от критериев, политика в отношении ГМО в этих странах гораздо более либеральная [5, p. 5].

Отсутствие гармонизации в классификации ГМО повышает риск импорта-экспорта продуктов, чей статус в ЕС и других странах различается. Стоимость контроля еды и кормов в ЕС возрастет, как и риск неопределения продуктов, содержащих ГМО. Эта вероятность тем выше, чем большее количество продуктов относят к ГМО соответствующие органы ЕС. Принцип предосторожности, по-видимому, не может быть примирен с принципом предполагаемой безопасности, применяемым к некоторым продуктам в странах – торговых партнерах ЕС. В этой ситуации многое будет зависеть от политических властей ЕС. Политики других стран являются в большой степени согласованными, что говорит о том, что они вряд ли будут изменены в ближайшее время. Европейской комиссией, как видно из упомянутого выше исследования, существующая проблема признается, как признается и необходимость изменения действующего законодательства [5, p. 7].

Необходимость изменения законодательства с тем, чтобы оно могло эффективно регулировать продукты, созданные с помощью новых генных технологий, отмечается и сотрудниками Программы исследований продовольственной безопасности Вагенингенского университета (Нидерланды) Яном Петером ван дер Бергом, Лиан М.С. Боуман, Эви Батталья, и Гийсом А. Клетером. Они отмечают, что некоторые из этих технологий приносят в растение изменение, которое могло бы произойти и естественным путем, но при этом значительно сокращают время и усилия, необходимые для достижения желаемых изменений [4, р. 3, 4]. Действующее законодательство, исходной точкой которого является разделение на естественное и искусственное происхождение продукта, призвано обеспечить свободу выбора потребителя и отражает мнение общественности о ГМО. (Это мнение, подчеркивают авторы, не только различается в разных странах ЕС, но и может со временем меняться). При этом оно требует толкования и вызывает проблемы в имплементации. Общественные дискуссии показывают, что регулирование не только должно быть изменено, но изменено с учетом дальнейшего развития технологий, т.е. должно соответствовать требованиям не только сегодняшнего, но и завтрашнего дня.

В соответствии с практикой регулирования ГМО в разных странах возможны различные сценарии реформирования законодательства.

1. Остается в силе действующее законодательство, но определенные виды корректировки генома изымаются из сферы его применения.

2. Применяется подход, ориентированный на продукт (a product-based approach). В таком случае для допуска на рынок будет иметь значение новизна достигнутых изменений генома и связанные с ней характеристики безопасности. Все продукты, не имеющие истории безопасного использования или несущие потенциальные риски здоровью или окружающей среде, должны будут пройти соответствующую оценку.

3. Правовое определение ГМО, содержащееся в Директиве 2001/18/ЕС, изменяется с тем, чтобы из него были исключены организмы, полученные без использования чужеродной ДНК (foreign DNA).

4. В силу высокой точности технологий изменения генома изменяется подход к оценке риска, но не действующее законодательство. Требования к доказыванию отсутствия риска снижаются применительно к организмам, полученным с помощью высокоточных технологий [4, р. 4].

Авторы склоняются к тому, что наилучшим сценарием было бы изменение законодательства с тем, чтобы предусмотреть изъятие определенных видов корректировки генома из сферы применения законодательства о ГМО. Этот подход соответствует подходам других стран и, соответственно, позволит снизить различия в регулировании ГМО в ЕС и странах - торговых партнерах ЕС, что положительно скажется на международной торговле. Это, однако, мера кратковременного характера, между тем, чтобы обеспечить долгосрочную эффективность законодательства, необходимы более серьезные изменения, и они должны не только быть ориентированы на новые технологии, но и учитывать законодательства других стран [4, р. 9].

Франциско Дж. Ареал, Университет Ньюкасла, Великобритания, и Лаура Риезго, Университет имени Пабло де Олавиде, Испания, обращают внимание на эффективность инспекционного режима контроля продуктов, содержащих ГМО. Как отмечают авторы, основным интересом потребителей в этой сфере является свобода выбора продуктов питания. Это, по сути, означает, что они должны быть обеспечены информацией, обычно посредством маркировки, о том, содержатся ли в продукте вещества, полученные с помощью генной инженерии. В целях реализации этого права была учреждена всеевропейская сеть контроля кормовых и пищевых продуктов. Регламент (ЕС) N 882/2004 Европейского парламента и Совета от 29 апреля 2004 г. об официальном контроле, осуществляемом с целью обеспечения проверки соблюдения пищевого и кормового законодательства, правил, касающихся здоровья животных и условий содержания животных, закрепляет, что для организации контроля кормов и пищевых продуктов из третьих стран и для облегчения коммерческих потоков может быть необходимо предусмотреть специальные точки ввоза этой продукции в ЕС (ст. 30). Государства – члены ЕС должны представлять Европейской комиссии ежегодный отчет о выполнении планов контроля. В нем, помимо прочего, приводится информация о типах и ко-

личестве случаев установленного несоответствия продукции законодательству ЕС, а также меры, предпринимаемые для осуществления национальных планов контроля. Таким образом, на государства ложатся обязанности по осуществлению инспекций и других контрольных мер, включая проверку и тестирование образцов. В случае определения в продукции авторизованных на территории Евросоюза ГМО производится отзыв товара и, возможно, изменение маркировки, а если найдены неавторизованные на территории ЕС ГМО, товар возвращается в страну происхождения или уничтожается [1, p. 2].

Проанализировав информацию из 17 стран – членов ЕС за период 2000–2014 гг., авторы убедились в том, что законодательство ЕС в этой области нарушается достаточно часто. При этом вероятность определения продукции, нарушающей законодательство, варьируется в зависимости от страны ввоза и года ввоза. Иными словами, определение в продукции ГМО зависит от страны. Это утверждение справедливо как для пищевых, так и для кормовых продуктов. В целом применительно к кормовым продуктам нарушения обнаруживаются чаще [1, p. 5]. Эти умозаключения авторов, основанные на статистических данных, представленные ими в таблицах, позволяют прийти к выводу о том, что рост количества инспекций и иных мер проверок приведет к увеличению случаев обнаружения несоответствия ввозимых товаров законодательству ЕС. Маржинальная выгода при этом будет снижаться по мере увеличения количества инспекций, поскольку они увеличивают маржинальные издержки. Соответственно, оптимальный уровень инспекций – это уровень, на котором маржинальная стоимость дополнительных инспекций равняется маржинальной выгоде, ассоциированной с этими инспекциями. К сожалению, действующее законодательство о контроле, а также отслеживании и маркировке не говорит об оптимальном экономическом уровне инспекций. Вместо этого Регламент (ЕС) N 882/2004 предусматривает, что государствами, посредством общего налогообложения, сборов и пошлин, должен быть обеспечен адекватный уровень финансовых ресурсов (что такое «адекватный» не поясняется). Уровень контроля, а также элементы, которые необходимы для того, чтобы он был эффективным, не прописываются [1, p. 14].

Цель – гарантировать положение, в котором 100% ввозимых товаров не имеют в своем составе неавторизованных на территории ЕС ГМО и правильно маркированы, можно признать объективно неосуществимой. И тем не менее изучение текущей ситуации порождает два вопроса: обеспечивается ли право выбора пищевых продуктов в ЕС и правильно ли тратятся деньги, выделенные на контроль ГМО? Что касается первого вопроса, то следует признать рассматриваемое право необеспеченным. Вероятность того, что потребитель получает неправильную информацию о содержании ГМО в товаре, значительна. Что касается второго, то оптимальный уровень проверок не соблюдается. Регламент (ЕС) N 2017/625 Европейского парламента и Совета от 15 марта 2017 г. об официальном контроле и других видах официальной деятельности, выполняемых с целью обеспечения применения пищевого и кормового законодательства, правил, касающихся здоровья и благополучия животных, здоровья растений, средств защиты растений, вносящий изменения в ряд ранее принятых регламентов и директив, предусматривает, что ЕС должен обеспечить минимальный уровень контроля, в то время как проведенное исследование показывает, что этого явно не достаточно для обеспечения прав потребителя. Эффективная имплементация законодательства ЕС о ГМО должна быть ориентирована не на минимальный, а на оптимальный уровень контроля [1, р. 16]. Это требует соответствующей корректировки законодательства.

Список литературы

1. Areal F.J., Riesgo L. EU inspections of GM content in food and feed: Are they effective? // *Agriculture*. – 2021. – Vol. 11, N 9. – P. 1–18. – URL: <https://www.mdpi.com/2077-0472/11/9/842/htm> (дата обращения: 07.06.2022).
2. Guida A. The precautionary principle and genetically modified organisms: A bone of contention between European institutions and member states // *Journal of law and the biosciences*. – Oxford, 2021. – Vol. 8, N 1. – URL: <https://doi.org/10.1093/jlb/ljab012> (дата обращения: 07.06.2022).
3. Framing and legitimating EU legal regulation of human gene-editing technologies: Key facets and functions of an imaginary / A. Mahalatchimy, P.L. Lau, Ph. Li, M.L. Flear // *Journal of law and the biosciences*. – Oxford, 2021. – Vol. 8, N 2. – URL: <https://doi.org/10.1093/jlb/ljaa080> (дата обращения: 07.06.2022).
4. Future-proofing EU legislation for genome-edited plants: Dutch stakeholders' views on possible ways forward / J.P. Van der Berg, L.M.S. Bouwman,

- E. Battaglia, G.A. Kleter //Agronomy. – 2021. – N 11, Article 1331. – URL: <https://doi.org/10.3390/agronomy11071331> (дата обращения: 07.06.2022).
5. Zimny T., Sowa S. Potential effects of asymmetric legal classification of gene edited plant products in international trade, from the perspective of the EU // EFB Bioeconomy journal. – 2021. – N 1, Article 100016. – URL: <https://www.sciencedirect.com/journal/efb-bioeconomy-journal/vol/1/suppl/C> (дата обращения: 07.06.2022).

ИВАНОВА А.П.¹ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГЕНЕТИЧЕСКИ МОДИФИЦИРОВАННЫХ КУЛЬТУР В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ И ДРУГИХ ГОСУДАРСТВАХ (США, КАНАДА, ЯПОНИЯ, КНР): ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ И ПРАВИЛА. (Обзор).

Аннотация. В обзоре рассматриваются подходы в правовом регулировании ГМО в различных государствах. Особое внимание уделяется законодательству и судебной практике Европейского союза, США, Канады, Японии и Китая, анализируются проблемы, связанные с появлением новых методов селекции, таких как редактирование генома.

Ключевые слова: генетически модифицированные организмы; новые методы селекции; право ЕС; право США, право Канады, право Японии; право КНР; биотехнологии.

IVANOVA A.P. Legal regulation of genetically modified crops in the European Union and other states (USA, Canada, Japan, China): basic approaches and rules. (Review).

Abstract. The review examines approaches to the legal regulation of GMOs in various states. Particular attention is paid to the legislation and judicial practice of the European Union, USA, Canada, Japan, China the problems associated with the emergence of new breeding methods, such as genome editing, are analyzed.

Keywords: genetically modified organisms; new breeding techniques; EU law; US law, Canadian law, Japanese law; law of the People's Republic of China; biotechnologies.

¹ *Иванова Ангелина Петровна*, младший научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН.

Для цитирования: Иванова А.П. Правовое регулирование генетически модифицированных культур в Европейском союзе и других государствах (США, Канада, Япония, КНР): основные принципы и положения. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2022. – № 4. – С. 96–108. DOI: 10.31249/rgpravo/2022.04.08

Сельское хозяйство в XXI в. кормит, одевает и снабжает топливом миллиарды людей при меньшем количестве фермеров, ограниченной доступности земли и дополнительных современных проблемах. Тем не менее люди всегда находили способ использовать накопленные знания для улучшения технологий сельскохозяйственного производства, и именно эти улучшения привели к увеличению производства и доступности продуктов питания, кормов, одежды и т.д. Использование биотехнологий – это лишь одна часть инноваций, которая способствует успеху современного сельского хозяйства. Как и в случае с любой новой технологией, риски, связанные с ней, должны оцениваться и управляться, и эта задача за последние 30–40 лет выпала на долю законодателей. Безопасность продуктов питания, кормов для животных и защита окружающей среды остаются центральными критериями оценки рисков при использовании сельскохозяйственных технологий. Эти критерии применяются ко всем сельскохозяйственным продуктам, предназначенным для потребления и иного использования, включая сорта, выведенные при помощи традиционных методов селекции растений.

За последние десятилетия производство ГМ-культур увеличилось более чем в 100 раз. В современных реалиях фермеры выращивают около 190 млн гектаров биотехнологических культур, что примерно эквивалентно всей площади Мексики. Соя (~50%), кукуруза (~30%), хлопок (~13%) и рапс (~5%) составляют четыре основные культивируемые культуры. Большинство продуктов четырех основных культур традиционно не предназначены для потребления человеком. Посевы сои дают соевое масло, которое является универсальным компонентом продуктов из растительных масел, а также промышленных клеев, растворителей и смазочных материалов, в то время как бобовая мука является высокобелковым компонентом кормов для животных. ГМ-хлопок составляет

79% от общего объема выращивания хлопка и остается важным природным источником волокна [4, р. 2].

Определение ГМО или ГМ-культуры содержится в Картахенском протоколе Организации Объединенных Наций (ООН) по биобезопасности. Растение считается генетически модифицированным, если оно отвечает двум требованиям: (1) растение содержит новую комбинацию генетического материала, (2) которая была введена с использованием современных биотехнологий. «Современная биотехнология» юридически определяется как применение либо методов получения нуклеиновых кислот *in vitro*, либо слияние клеток за пределами таксономического семейства.

Во время разработки проекта Картахенского протокола в начале 2000-х годов юридическое определение современной биотехнологии было средством четкого отделения определенных биотехнологических методов от тех, которые считаются более традиционными, а именно селекции растений и классических методов мутагенеза. Создание новых фенотипов путем «обычной» мутационной селекции с использованием мутагенных химических веществ или радиации привело к появлению более 3300 зарегистрированных сортов более чем 240 видов растений. Хотя растения, выведенные с использованием мутационной селекции, отвечают первому требованию определения ГМО (они содержат новую комбинацию генетического материала), они не квалифицируются в качестве ГМО, поскольку этот метод регулярно использовался до внедрения методов рекомбинантной ДНК.

Определение ГМО, содержащееся в Картахенском протоколе, является международным руководящим определением, которое отдельные государства и их правительства должны использовать в своем законодательстве по биобезопасности. Большинство стран отражают вышеупомянутое определение или его близкую вариацию в своем законодательстве, регулирующем ГМ-культуры.

В последнее десятилетие появилось множество методов, которые получили общее название редактирования генома (или генов), поскольку они используются для внесения мутаций в определенные целевые гены в геноме растения. В этих технологиях используются специально разработанные олигонуклеотиды или целевые нуклеазы, такие как нуклеазы с цинковыми пальцами, ме-

гануклеазы, эффекторные нуклеазы, подобные активаторам транскрипции, и др.

Ученые утверждают, что редактирование генов не является «генетической модификацией», поскольку метод внесения изменений в ДНК ничем не отличается от изменений, которые могут произойти во время обычного разведения или в природе. К. Тёрнбулл, М. Лиллемо, Т. Хволеф-Эйде отмечают, что, принимая во внимание потенциал разработчиков в использовании новых технологий селекции для создания улучшенных культур, которые позволяют избежать обременительных нормативных оценок, связанных с коммерциализацией ГМ-культур, переход к технологиям редактирования генов является заманчивым [4, р. 3].

В целом при регулировании биотехнологических культур существует различие между разрешениями на выращивание ГМ-культур, на импорт и экспорт, а также на потребление ГМ-продуктов питания и кормов. Различие существует из-за вариативности рисков, связанных с выращиванием, торговлей и потреблением, что требует нескольких подходов к регулированию.

Повсеместно законодатели стремятся принять нормативные правовые акты, защищающие своих граждан, общество и окружающую среду. Аналогичным образом, правила, применимые к растениям и культурам, предназначенным для производства продуктов питания, кормов и промышленности, сосредоточены вокруг этих целей. То, как это достигается, зависит от страны или региона. Обычно правила, регулирующие ГМО, классифицируются как ориентированные либо на процесс, либо на продукт.

Правила, ориентированные на процесс, рассматривают ГМ-технологии как новый метод по сравнению с традиционными методами, что приводит к применению специального законодательства. Акцент делается на процессе, используемом для производства нового продукта. В то же время *правила, ориентированные на продукт*, подчеркивают новые характеристики продукта по сравнению с теми, которые получены при обычном разведении. До сих пор Канада остается единственной страной, которая основала все свое законодательство о ГМО на продукте, а не на процессе.

Среди ученых не существует единого мнения в отношении того, какая система лучше всего подходит для регулирования продуктов, разработанных с использованием методов редактирования

генов. Обе системы обладают своими собственными преимуществами и недостатками, при этом одна система не превосходит другую. Однако биотехнологи во всем мире, как правило, поддерживают процесс анализа на основе продукта как более научный подход [4, р. 3].

В Европейском союзе Директива 2001/18/ЕС Европейского парламента и Совета о преднамеренном выбросе в окружающую среду ГМО (далее – Директива о культивировании) вместе с Регламентом ЕС N 1829/2003 по ГМ-пищевым продуктам и кормам, который был принят в 2004 г., ввели регулирование использования генетически модифицированных (ГМ) культур и выпуск под контролем Европейской комиссии. В соответствии с указанным регулированием выращивание ГМ-культур и растений возможно только после тщательной оценки потенциального неблагоприятного воздействия на здоровье человека и окружающую среду.

Определение «генетически модифицированный организм», которого придерживается ЕС, часто приводится в качестве примера схемы регулирования, сконцентрированной на процессе. Статья 2(2) Директивы о культивировании квалифицирует «организм» как генетически модифицированный, если метод изменения генетического материала осуществляется способом, который не является естественным скрещиванием и/или рекомбинацией.

В 2016 г. правительство Франции обратилось в Суд ЕС с просьбой интерпретировать положения Директивы ЕС 2001 г. и решить, регулирует ли она новую технологию редактирования генов, такую как CRISPR-Case9, или нет. 25 июля 2018 г. Суд по делу № С-528/16 постановил, что организмы, включая технологию редактирования генов, полученные путем мутагенеза, являются ГМО и в принципе подпадают под обязательства, установленные Директивой о культивировании [3, р. 353]. Суть решения заключается в том, что размер или тип изменений в генетическом материале не имеет значения – если имеет место мутагенез, случайный или направленный, большой или маленький, организм юридически считается ГМО [4, р. 5]. Суд ЕС подчеркнул, что только методы мутагенеза, которые традиционно использовались и имеют длительный опыт безопасности, освобождаются от обязательств по Директиве ЕС 2001 г. Ввиду этого организмы, созданные с использованием методов мутагенеза, разработанных после 2001 г., вклю-

чая редактирование генов, не освобождаются от действия Директивы.

Как указывает М. Васмер, решение Суда ЕС поставило в тупик ученых, селекционеров, а также должностных лиц регулирующих органов (компетентные органы нескольких стран, в том числе Швеции и Германии, предполагали дифференцированный подход к генетически отредактированным организмам до решения суда) [5, р. 3]. Постановление в конечном счете отражает фундаментальную проблему европейского законодательства о ГМО: задолго до того, как запрос о предварительном решении был направлен в Суд ЕС, законодатель не смог признать и учесть десятилетия технологического развития, особенно способность новых методов изменять генетический материал организмов до результата, неотличимого от обычного размножения или естественной изменчивости.

Н. Халфорд отмечает, что Европейская комиссия отложила принятие решения о регулировании растений с отредактированным геномом на неопределенный срок в будущем. Это влечет за собой отрицательные последствия, поскольку европейские селекционеры растений не будут инвестировать в технологию без ясности в отношении нормативной ситуации [1, р. 10].

В соответствии с Директивой о культивировании государства-члены могут выбрать «временное ограничение или запрет использования и/или продажи ГМО в качестве продукта или в продукте на своей территории» [4, р. 4]. Следовательно, если орган ЕС одобряет определенную ГМ-культуру для выращивания, ст. 23 Директивы позволяет государствам-членам ограничивать или запрещать выращивание этой ГМ-культуры на всей или части их территории. С момента введения указанной оговорки в 2015 г. несколько стран или регионов ЕС запретили выращивание ГМ-культур, создав фактический запрет на культивирование.

Р. Карки и М. Перри указывают, что Евросоюз всегда придерживался политики гармонизации своих законов и политики в других областях, в то время как в отношении ГМО он проводил политику дисгармонизации. Евросоюз уполномочил свои государства-члены формулировать собственные меры правового регулирования в соответствии с их потребностями и ситуациями. В результате государства – члены ЕС имеют различные подходы к

ГМО. ГМ-культуры или растения практически запрещены во многих регионах ЕС [3, р. 375].

Общее количество уведомлений о проведении ограниченных полевых испытаний с использованием ГМ-растений с 1991 по 2018 г. в ЕС составляет 2555. При этом за последние несколько лет наблюдается значительное снижение количества уведомлений [2, р. 21]. М. Ичим подчеркивает, что количество ГМ-культур, стран-производителей и их общая посевная площадь продолжают неуклонно увеличиваться на глобальном уровне, однако во всей Европе осталось только несколько стран, в которых коммерческие ГМ-культуры выращиваются на небольшом количестве гектаров. В прямой связи со скромными посевными площадями в Евросоюзе в последние годы официально зарегистрировано незначительное количество уведомлений о ГМ-культурах в соответствии с Директивой о культивировании. Однако вопреки общему мнению о том, что европейцы выступают против ГМО, опасения, выражаемые гражданами ЕС по поводу использования ГМО в сельском хозяйстве и продуктах питания, значительно уменьшились за последние 20 лет, что зафиксировано официальными опросами Eurobarometer, проведенными по заказу Европейской комиссии. Более благоприятное отношение граждан ЕС к ГМО, отмечает он, должно облегчить путь и способствовать позитивному изменению правовой базы, которая регулирует тестирование и коммерческое выращивание ГМ-культур в Европе [2, р. 22].

Правовой режим и практика Евросоюза в отношении ГМ-растений и продуктов не лишены недостатков. Так, критики заявили, что Союз неправомерно защищает свой рынок (сельскохозяйственную продукцию) от иностранных ГМ-культур. Этот вопрос был поднят перед Органом по разрешению споров Всемирной торговой организации (ВТО) в деле *Approval and Marketing of Biotech Products ('EC-Biotech')*. В июне 1999 г. ЕС ввел мораторий на одобрение дополнительных трансгенных культур в Европе. В августе 2003 г. Соединенные Штаты, Канада и Аргентина подали иск против ЕС в Орган ВТО по урегулированию споров, утверждая, что Союз не дал окончательного разрешения на продажу ряда ГМ-культур. Также утверждалось, что введение национальных запретов на импорт и сбыт ГМ-культур отдельными государствами – членами ЕС не соответствует положениям соглашения ВТО.

В сентябре 2006 г. Комиссия ВТО установила, что европейские государства применяли общий фактический мораторий на одобрение биотехнологических продуктов в период с июня 1999 г. по август 2003 г. Евросоюз действовал в соответствии со своими обязательствами, однако в нарушение Приложения С (1)(а) и ст. 8 Соглашения по применению санитарных и фитосанитарных мер в процедурах утверждения (The WTO Agreement on the Application of Sanitary and Phytosanitary Measures, 1994) имели место неоправданные задержки [3, р. 353].

В настоящее время любые иностранные ГМ-растения или продукты, предназначенные для продажи или выращивания на рынке ЕС, должны соответствовать всем связанным с ГМО требованиям, предписанным правилами и директивами ЕС. Существует предположение, что правовая основа для национального запрета на культивирование приведет к новому торговому спору в Органе по урегулированию споров ВТО. Более того, М. Васмер отмечает, что разбирательство в ВТО может вызывать также и регулирование ЕС в отношении генетически отредактированных организмов. Так, после вынесения Судом ЕС решения по делу по делу № С-528/16 в 2018 г. несколько стран выразили несогласие с правовой позицией суда и потребовали избегать в правовом регулировании «произвольных и неоправданных различий между конечными продуктами, полученными с помощью точной биотехнологии, и аналогичными конечными продуктами, полученными с помощью других методов производства» [5, р. 5].

Соединенные Штаты Америки считаются мировым лидером в разработке и коммерциализации ГМ-культур, занимая около 30% мировой доли рынка сельскохозяйственной биотехнологии. В отличие от большинства стран, в Соединенных Штатах нет специального всеобъемлющего федерального закона, направленного на регулирование генетически модифицированных организмов. Вместо этого вновь разработанные ГМ-продукты направляются в специализированные государственные органы в рамках скоординированной системы регулирования биотехнологий. Это означает, что ГМ-продукты оцениваются в соответствии с законами о здоровье, безопасности и охране окружающей среды, которые также применяются к обычным продуктам.

Оценка новых продуктов ГМ-культур может проводиться с применением различных законодательных актов и различными органами.

Например, Служба инспекции здоровья животных и растений Министерства сельского хозяйства США (APHIS) уполномочена следить за тем, чтобы внедрение ГМ-растений не представляло опасности для других культур. Растительный продукт получает либо регулируемый, либо нерегулируемый статус, причем последний статус позволяет выращивать, импортировать и транспортировать культуру без регулирующего надзора со стороны APHIS. Важно отметить, что нерегулируемый статус APHIS распространяется только на внедрение ГМ-растения для выращивания и транспортировки. Если ГМ-растение предназначено для употребления в пищу, оценку безопасности ГМ-пищевых продуктов проводит Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов (FDA).

Позиция Соединенных Штатов относительно генетически отредактированных организмов отличается от позиции Европейского союза. Так, Министерство сельского хозяйства США (USDA) заявило, что оно не будет регулировать особым образом новый вид гриба, который был отредактирован с помощью CRISPR-Cas9. Министерство сельского хозяйства США также опубликовало пресс-релиз от 28 марта 2018 г., в котором указало, что у него нет никаких планов по отдельному регулированию растений, полученных путем редактирования генома, которые неотличимы от растений, выведенных с помощью традиционных методов селекции, при условии, что они не являются вредителями растений или выведены с использованием вредителей растений [1, р. 10].

Канада также входит в пятерку крупнейших производителей биотехнологических культур, на долю которых в 2018 г. пришлось примерно 6,6% от общей площади мировых биотехнологических посевов. Примечательно, что Канада придерживается продукто-ориентированного подхода в своем законодательстве, который, как утверждают некоторые, способствует инновациям в сельскохозяйственных биотехнологиях [4, р. 6]. Что отличает канадское законодательство от других схем регулирования, основанных на продуктах, так это простое наличие новой черты в продукте, а не то, как она была введена. Независимо от того, был ли новый признак

выведен традиционными методами селекции, традиционным мутагенезом или целенаправленным мутагенезом, новый растительный продукт подпадает под действие одних и тех же правил оценки риска.

С. Смит утверждает, что Канада, в частности, придерживается строго научно обоснованной оценки рисков, когда речь идет о новых растениях, уделяя особое внимание аллергенности, токсичности и нецелевому воздействию продукта [4, р. 6]. Правила вступают в силу, когда определенный признак у растения выражен по крайней мере на 20–30% ниже или выше, чем у обычных сортов. Затем растение классифицируется как растение с новыми признаками, а не как ГМО. Все заявки на коммерциализацию должны быть поданы в Канадское Агентство по инспекции пищевых продуктов (CFIA). Растительные продукты, предназначенные для употребления в пищу, должны дополнительно пройти оценку Министерством здравоохранения Канады или Отделом кормов для животных (CFIA).

Уникальный подход Канады лучше всего описать на примере. Культура Falco™ Canola (Cibus Canola Event 5715), произведенная компанией Cibus Canada Inc., которая представляет собой устойчивый к гербицидам рапс, была создана с использованием олигонуклеотид-направленного мутагенеза (ODM), вызывающего однонуклеотидную мутацию в двух генах. Метод ODM считается методом редактирования генов, аналогичным CRISPR/Cas9. В 2013 г. уполномоченный орган Канады определил, что новый сорт растения ничем не отличается от немодифицированных (обычных) сортов, определив его как не ГМО [4, р. 6].

Коммерческое выращивание ГМ-культур в Азиатско-Тихоокеанском регионе разрешено в нескольких странах, включая Индию, Китай, Пакистан, Австралию, Филиппины, Мьянму, Вьетнам, Бангладеш, Японию и Индонезию.

Япония применяет необычный подход к регулированию ГМ-культур. В 2018 г. она заняла второе место после Соединенных Штатов по количеству одобренных ГМО для производства продуктов питания, кормов и выращивания, и, несмотря на то что к 2020 г. был одобрен 141 ГМ-объект для выращивания, посадка таких культур фактически не производится (за исключением декоративного цветка голубой розы) [4, р. 13].

Законодательство Японии требует получения разрешения на выращивание только для импортируемых продуктов, предназначенных для пищевых, кормовых или перерабатывающих целей. Как и Европа, Япония является одним из крупнейших в мире импортеров ГМ-культур, импортируя почти 100% своей кукурузы и 94% сои [4, p. 13].

Правительство Японии за последние несколько лет предприняло шаги по уточнению режимов регулирования в отношении генетически отредактированных культур. Согласно толкованию Министерства окружающей среды Японии, продукты, которые не содержат вставленной ДНК или РНК, не считаются «живым модифицированным организмом» по смыслу Картахенского протокола по биобезопасности к Конвенции по биологическому разнообразию.

Китай является вторым по величине производителем хлопка в мире. С самого начала ГМ-культур Китайская Народная Республика продвигала биотехнологические исследования, вкладывая значительные средства в обеспечение продовольственной безопасности и сельскохозяйственные биотехнологии.

В настоящее время из всех культур, разрешенных к выращиванию, в Китае в больших масштабах выращиваются только В-хлопок и устойчивая к вирусам папайя. Чтобы начать выращивать новые ГМ-культуры, заявитель должен пройти трехэтапный процесс испытаний, включающий полевые испытания, выбросы в окружающую среду и испытания перед производством. После этого заявитель может получить Сертификат безопасности сельскохозяйственных ГМО, выданный Министерством сельского хозяйства и сельских дел. Тем не менее даже при наличии сертификата биобезопасности культивирование может быть заблокировано, как в случае с двумя местными сортами риса. Хотя оба сорта получили краткосрочные сертификаты биобезопасности в 2009 г., которые были продлены один раз до истечения срока действия в 2019 г., рис никогда официально не выращивался [4, p. 11].

Отражая развитие, произошедшее с трансгенными культурами, Китай выделил огромные средства на исследования и разработки в области технологии CRISPR/Cas, включая использование других белков Cas. Несмотря на это, в Китае пока нет нормативно-правовой базы для оценки генетически отредактированных куль-

тур для коммерческого выпуска, и некоторые предполагают, что Китай может последовать американской модели оценки [4, р. 11].

За предыдущие два десятилетия отчеты о посевных площадях биотехнологических культур показали ошеломляющее внедрение ГМ-культур в самых разных формах. В дополнение к культурам, представленным на рынке, использование точных новых технологий разведения для селекции с целью получения желаемых признаков урожая дает возможность для дальнейших индивидуальных решений, отвечающих требованиям фермеров и которые могут быть разработаны за более короткое время. Правила, поддерживающие поступление генетически модифицированных культур на рынок, могут еще больше сократить время, которое проходит между лабораторией и фермером.

Существует широкий спектр законодательных и нормативных актов о том, как наилучшим образом регулировать выращивание ГМ-культур. Даже в пределах континентов или более крупных географических регионов местные подходы могут сильно различаться.

Поскольку технологии быстро развиваются во всех секторах, включая науку, закон и его толкование должны отражать ценности, нравы развивающегося общественного сектора. Как объясняет Й. Дрор, закон по своей сути является выражением ценностей общества. Закон требует повиновения общества, отражая и выражая общепринятые социальные ценности [4, р. 14]. Примером этого являются развивающееся законодательство об изменении климата, которое отражает озабоченность общества воздействием человека на мир природы. В современном обществе научная экспертиза и анализ играют большую роль, чем когда-либо прежде, информируя об общественных ценностях и, таким образом, вызывая изменения в законодательстве. Конечно, было бы чрезмерным упрощением утверждать, что только научные эксперты влияют на формирование закона о научных технологиях, таких как ГМ-культуры – существуют различные конкурирующие интересы, в том числе бюрократические, политические и общественные. Многолетний научный и нормативный опыт использования ГМ-технологий и культивирования дает обществу доказательства, на основе которых могут развиваться их ценности. Это богатство фактических данных и практики используется для обоснования разработки

законов о новых культурах. Путем анализа различных аспектов, опыта и технических знаний может быть достигнута гармонизация нормативных актов, регулирующих ГМО.

Список литературы

1. Halford N.G. Legislation governing genetically modified and genome-edited crops in Europe: the need for change // *Journal of the science of food and agriculture*. – Hoboken, 2019. – Vol. 99, N 1. – P. 8–12.
2. Ichim M.C. The more favorable attitude of the citizens toward GMOs supports a new regulatory framework in the European Union // *GM crops & food: biotechnology in agriculture and the food chain*. – Milton Park, 2020. – Vol. 12, N 1. – P. 18–24.
3. Karky R. Disharmonization in the regulation of transgenic plants in Europe // *Biotechnology law report*. – New Rochelle, 2019. – Vol. 38, N 6. – P. 350–375.
4. Turnbull C., Lillemo M., Hvoslef-Eide T. Global regulation of genetically modified crops amid the gene edited crop boom // *Frontiers in plant science*. – Lausanne, 2021. – Vol. 12 – P. 1–19.
5. Wasmer M. Roads forward for European GMO policy – uncertainties in wake of ECJ judgment have to be mitigated by regulatory reform // *Frontiers in plant science*. – Lausanne, 2021. – Vol. 7. – P. 1–12.

ЗАХАРОВ Т.В.¹ ОСНОВЫ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ США В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОДУКТОВ СОВРЕМЕННЫХ БИОТЕХНОЛОГИЙ. (Обзор).

Аннотация. В обзоре представлен проведенный зарубежными учеными анализ состояния правовой политики и правового регулирования в США отношений, связанных с современными биотехнологиями и реализацией их продуктов. Рассмотрены правовые основы допуска генетически модифицированного продукта к реализации потребителю, влияние патентных отношений на построение системы сельскохозяйственного производства. Представлены правовые основы реализации политики США в области экспорта продуктов современных биотехнологий.

Ключевые слова: право США; сельскохозяйственное право; патентное право; антимонопольное право; право международных договоров; генетически модифицированный организм (ГМО); современные биотехнологии.

ZAKHAROV T.V. Fundamentals of the US legal policy on trade in products of modern biotechnology. (Review).

Abstract. The review presents an analysis of legal policy and legal regulation in the United States related to modern biotechnologies and the trade in their products, carried out by foreign scientists. The legal basis for the admission of a genetically modified product to the sale to the consumer, the impact of patent relations on the construction of an agricultural production system are considered. The legal

¹ Захаров Тимофей Владимирович, научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН.

framework for the implementation of the US policy in the field of export of products of modern biotechnology is presented.

Keywords: US law; agricultural law; patent law; antimonopoly law; law of international treaties; genetically modified organism (GMO); modern biotechnologies.

Для цитирования: Захаров Т.В. Основы правовой политики США в сфере реализации продуктов современных биотехнологий. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4 : Государство и право. – 2022. – № 4. – С. 109–118.
DOI: 10.31249/rgpravo/2022.04.09

Несмотря на то что прошло уже более двадцати лет с начала широкой розничной продажи продуктов питания, полученных из генетически модифицированных организмов (ГМО), во все большем количестве исследований утверждается, что ГМО безопасны для людей, животных и окружающей среды, дискуссия о допустимости ГМО продолжается. Однако долгосрочные последствия влияния технологий биоинженерии на человека и окружающую природную среду до конца не известны. Также высказываются опасения, что технологии генетической модификации культур пищевых продуктов способствуют чрезмерному увеличению власти агропромышленных корпораций путем патентования пищевой цепочки.

Генетически модифицированные организмы – наиболее заметный продукт геномной инженерии, раскрывающий спорность отношений между наукой, обществом и государством, утверждает профессор Департамента политических наук Уэслианского университета Небраски (США) К. Клэнси, выступающая за политику осторожного сокращения вмешательства государства в оборот технологий ГМО в пищевом производстве, с сохранением строгих требований к маркировке продуктов, полученных из ГМО. Угроза демографического взрыва и изменения климата требуют технологического вмешательства. К. Клэнси считает, что технологии генетической модификации могут решить проблемы продовольственной безопасности, здравоохранения, благотворно повлиять на экологию окружающей среды [1, р. 3–5].

В США слабо развито правовое регулирование отношений, связанных с технологиями генетической модификации и реализа-

цией ее продуктов. Многочисленные генетически модифицированные культуры создавались, выращивались и продавались без особых политических и общественных проблем [1, p. 8].

В 1985 г. администрация Президента Р. Рейгана одобрила государственное регулирование производства генетически модифицированных продуктов наравне с обычными продуктами сельскохозяйственного производства, на основе уже существующих правовых актов, существующим бюрократическим аппаратом. Управление по контролю качества пищевых продуктов и лекарственных средств (FDA) определяет, насколько безопасны новые пищевые продукты. Министерство сельского хозяйства (USDA) контролирует распространение растений, способных увеличить количество сорняков и уязвимость к патогенам. Агентство по охране окружающей среды (EPA) играет важную роль в одобрении культур, производящих свои собственные пестициды [1, p. 8].

Препятствие в принятии специализированного регулирования на федеральном уровне, по мнению К. Клэнси, создают организационно-правовые особенности законотворческих процедур Конгресса США. Сенаторы от штатов, в которых преобладает агропромышленное производство, непропорционально наделены полномочиями блокировать любые предлагаемые нормы. Состояние отсутствия запретов и ограничений выгодно производителям пищевых продуктов [1, p. 8].

Когда в начале 1980-х годов Конгресс США приступил к правовому регулированию отношений, связанных с биотехнологиями, генная инженерия понималась как научный, а не сельскохозяйственный процесс. Такой подход предопределил сформировавшийся механизм регулирования – была кодифицирована система оценки рисков на основе веры в «чистую науку», как во внешнего нейтрального арбитра в общественной и политической дискуссии. И судебная, и исполнительная власть США приняли подход, согласно которому для запрета генетически модифицированного продукта необходимо научное обоснование его опасности [1, p. 7, 9].

Большое влияние на формирование норм в рассматриваемой сфере оказывает лоббирование интересов агропромышленных и биотехнологических компаний. Одной из самых противоречивых законодательных инициатив стал проект положения о поддержке

фермеров, более известного как «закон о защите корпорации Monsanto» 2013 г. Проект предлагал ограничить полномочия федеральных судов устанавливать запрет на выращивание или продажу сельскохозяйственных культур, которые были признаны опасными [1, р. 8–9].

В 2013 г. Верховный суд США вынес решение, запрещающее выращивать культуру корпорации Monsanto, если она приобретена не у нее. В решении, однако, было подчеркнуто, что оно не распространяется на другие вопросы генной инженерии [1, р. 9].

Из-за невозможности повлиять на законотворческий процесс противники генной модификации в пищевом производстве, ее текущего состояния, обращаются в суд для обжалования наиболее острых проблем. Однако успех в данном направлении также оказался незначительным, как отмечает К. Кленси [1, р. 9].

Наиболее показательным является спор о радиоактивно облученной люцерне, выращивание которой было одобрено Министерством сельского хозяйства в 2005 г. Изначально окружной суд постановил, что Министерство сельского хозяйства не оценило воздействие на окружающую среду, и издал постоянный судебный запрет на выращивание радиоактивно облученной люцерны. Решение было оставлено в силе Девятым окружным апелляционным судом, однако в итоге отменено Верховным судом США [1, р. 9].

США активно пытаются распространить собственный подход на международном уровне, чтобы открыть иностранные рынки для американских генетически модифицированных культур. Несмотря на то что тон внешней политики США меняется, суть остается прежней, полагает К. Кленси [1, р. 9].

Докторант Школы права Техасского университета A&M (США) Б. Самптер в своей статье обращается к проблеме монополистического поведения частных компаний в сельском хозяйстве США на примере индустрии производства семян кукурузы. Четыре крупнейшие компании (Bayer, DowDuPont, ChemChina и BASF) уже в 2015 г. контролировали более 85% данного рынка. Консолидация монопольной власти крупных компаний, вероятно, будет увеличиваться благодаря многочисленным слияниям и поглощениям производительных сил, а также патентным отношениям, обуславливающим в данной индустрии и производство, и торговлю [3, р. 633–634, 658].

Более 93% фермеров США считают, что недавняя сделка слияния крупнейших агропромышленных компаний Bayer и Monsanto негативно скажется на независимых фермерах. Обсуждается, что объединенная корпорация будет контролировать учетные данные индустрии, вытеснять иных производителей семян, вынудит фермеров менять технологию производства (расширится применение химических продуктов). Укрупнение производственных мощностей облегчает возможности скрывать технологические процессы и их данные, снижать качество и количество сортов семян, таких, к примеру, как семена, адаптивные к климату [3, р. 635].

Одним из преимуществ укрупнения субъекта экономического оборота, по мнению Б. Самптера, является экономия за счет масштабов его финансово-хозяйственной деятельности. Это наглядно видно на примере крайне высокого размера затрат на формирование конкурентных технологических мощностей для разработки генетически модифицированных сельскохозяйственных культур. Такие выгоды выращивания последних, как устойчивость к неблагоприятным условиям, снижение производственных затрат и увеличение урожая, способны изменить систему производственных процессов в сельском хозяйстве [3, р. 635].

Большое влияние на укрепление монопольной власти в сельскохозяйственном производстве оказывает распространение патентных отношений на технологии генетически модифицированных культур, на любой новый генетически модифицированный организм, «генетический код которого был изменен в лабораторных условиях с использованием геной инженерии или трансгенной технологии». Рост исследований в области биотехнологий в 1980-х годах связывается с решением Верховного суда США, установившим, что генетически модифицированное семя может получить защиту интеллектуального права [3, р. 638, 649–650].

Патентные отношения в силу собственной природы ведут к монополизации производственных отношений, консолидации производственных сил. Патентные права дают исключительное право на изобретение, в связи с чем патентообладатель получает единоличный контроль над результатами своей работы. В этом и заключается сама суть монополии – быть единственным поставщиком продукта. Так, экономический рост компании Bayer связывается с

приобретением ею наиболее важных патентов индустрии, патентов на продукты, приобретающие все больший спрос [3, р. 643, 648].

В стремлении приобрести право эксклюзивного использования генетически модифицированной культуры, компании увеличивают затраты на получение наиболее эффективных качеств культуры, препятствуют альтернативным исследованиям, нарушают обмен семенами между селекционерами и производителями. Потенциально недобросовестная, антиконкурентная практика крупных агропромышленных компаний уже включает соглашения об эксклюзивных поставках, навязывание сопутствующих продуктов, произвольный отказ в проведении анализа сделки. Хотя доктрина отказа от сделок только лишь развивается, крупные агропромышленные компании, способствующие ее развитию, применяют потенциально эксплуататорские методы взаимодействия с контрагентами, используя патентные права на сою, хлопок и трансгенную кукурузу. Б. Самптер говорит об управлении индустрией посредством патентов [3, р. 649–650, 651–652].

Темпы патентования семян, растений и применимых технологий, консолидации патентов крупными компаниями, в том числе путем слияний и поглощения производственных сил, только возрастают, отмечает Б. Самптер [3, р. 650].

Старший лектор международного экономического права Школы права Эдинбургского университета (Великобритания) Ф. Фонтанелли анализирует правовые основы реализации экспортной политики США в международной торговле генетически модифицированными продуктами.

Нормы ВТО о торговле генетически модифицированными продуктами не претерпели значительных изменений со времени докладов о биотехнологиях 2006 г. В ВТО нет специального документа или правила о торговле ими. Члены ВТО ограничивают или запрещают оборот генетически модифицированных продуктов в соответствии с Соглашением по применению санитарных и фитосанитарных мер 1995 г. В соответствии с данным Соглашением, политика отказа от продукта, единственным обоснованием которой является обеспокоенность общественности, недопустима [2, р. 565–566].

По большому счету, полагает Ф. Фонтанелли, США могут принять существующее положение в международном регулирова-

нии оборота генетически модифицированных продуктов, это не навредит их текущему положению на рынке. Однако они определенно способны продвигать те правила Соглашения о применении санитарных и фитосанитарных мер, которые лишат контрагентов возможности для маневра на рынках импорта. Они также способны активно включиться в дискуссии по специальным вопросам генной инженерии, таким как «стандарты низкого уровня присутствия генной модификации» [2, р. 572].

США могут включать в заключаемые ими соглашения о свободной торговле конкретные обязательства по либерализации торговли продуктами генной инженерии или по более тщательной оценке обоснованности стандартов уровня присутствия генной модификации. Можно предположить, что США будут предпринимать активные действия, чтобы спровоцировать изменения в политике и правовом регулировании других государств. Соглашение о применении санитарных и фитосанитарных мер не ограничивается требованием обеспечить гармонизацию регулирования (ст. 3). Оно требует также и взаимного признания иностранных стандартов (ст. 4) для минимизации особенностей национального регулирования, способствуя экономической интеграции [2, р. 570].

США официально выразили свою обеспокоенность влиянием, которое Евросоюз или другие члены ВТО могут оказать на стандарт регулирования, закрепляя их собственное видение норм в заключаемых ими торговых соглашениях. В феврале 2019 г., при перечислении целей переговоров с Великобританией о заключении соглашения о свободной торговле, Торговое представительство США не только указало на скорейшее устранение необоснованных барьеров, блокирующих экспорт американских продуктов питания и сельскохозяйственной продукции, но также хотело получить заверения, что Великобритания не будет препятствовать экспорту США в другие страны, в том числе путем предъявления своим контрагентам требования соблюдать не удовлетворяющие США ненаучные ограничения. Торговое представительство США регулярно включает такое требование в соглашения, как например, в ходе недавних переговоров с Кенией или с Евросоюзом [2, р. 572].

Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение для Транстихоокеанского партнерства 2018 г. (СРТПР) практически повторяет текст и вдохновленного, и покинутого США Транстихоокеанского

партнерства (Trans-Pacific partnership agreement, *TPP*). Таким образом, оно является надежным представителем позиции США. Специфика терминологии данного соглашения и, в частности, терминологии, использованной в разд. 7 «Санитарные и фитосанитарные меры» этого Соглашения, дает возможность напрямую и с крайней предосторожностью отслеживать изменения в выгоде, полагает Ф. Фонтанелли [2, p. 572].

Меры, принимаемые в соответствии с разд. 7 Всеобъемлющего и прогрессивного соглашения о Транстихоокеанском партнерстве, отличающиеся от международных стандартов, требуют «документированных и объективных научных доказательств, рационально связанных с такими мерами». Сложный правовой механизм, закрепленный развернутыми положениями ст. 2.27 подраздела С «Сельское хозяйство» разд. 2 «Национальный режим и доступ товаров на рынки» включает: а) обязательства обеспечить прозрачность национальных процедур выдачи разрешений на «продукты современных биотехнологий» (*products of modern biotechnology*); сложную процедуру управления экспортом / импортом продуктов с низким уровнем присутствия изменений при помощи современных биотехнологий; в) институциональный механизм – рабочую группу по продуктам современных биотехнологий для консультаций и обмена информацией по торговле продуктами современных биотехнологий [2, p. 572–573].

Положения о продуктах с низким уровнем присутствия изменений при помощи современных биотехнологий учреждают процедуру протоколирования сотрудничества в данном направлении, возлагают обязательства по обеспечению прозрачности национального регулирования и международного сотрудничества, обязательства информировать о текущих импортерах, импортирующих и экспортирующих странах. Данные положения явно закрепляют механизм агрессивной экспансии, так как направлены на то, чтобы уменьшить вероятность сбоев в торговле из-за выявления продуктов с низким уровнем присутствия изменений. Сам факт включения в торговое соглашение правил управления экспортом / импортом продуктов, оспаривание качества которых имеет сложную процедуру, прямо отвечает интересам экспортеров [2, p. 573].

Меры, ограничивающие торговлю, принимаемые на национальном уровне, рассматриваются здесь уже не как санитарные или фитосанитарные меры, направленные на обеспечение здоровья, а более грубо – как препятствия для торговли. Нормы соглашения о торговле применяются независимо от мотивов национального правового регулирования биотехнологий [2, p. 573].

Требование обеспечить прозрачность и консультирование устраняет ненужные операционные трения, вызываемые фрагментацией регулирования. Понуждение государств-импортеров уведомлять о вводимых ограничительных мерах, раскрывать и разъяснять данные меры и общую ограничительную политику, повышает подотчетность, а, следовательно, ограничивает саму возможность и неоправданных задержек, и преднамеренного препятствования торговым операциям [2, p. 573].

США включили собственную повестку в отношении продуктов, полученных из ГМО, в первый пакет документов в рамках торгового соглашения с КНР 2020 г., причем в форме категорического условия. Торговля продуктами биотехнологий является предметом специального приложения. Китай обязался создать новую «упрощенную, предсказуемую, научно обоснованную и основанную на оценке рисков и эффективную» процедуру выдачи разрешений на импорт для сведения к минимуму сбоев в торговле, вызванных «непреднамеренными или технически неизбежными случаями выявления продуктов с низким уровнем присутствия изменений при помощи современных биотехнологий» [2, p. 573].

Исходя из заключенного между США и Канадой соглашения о свободной торговле, а также из согласованности их политики в отношении генетически модифицированных сельскохозяйственных культур на протяжении длительного периода, можно резюмировать, что позиция Канады согласуется с экспортными требованиями США [2, p. 577].

Соглашение между США, Мексикой и Канадой (USMCA) 2020 г., заменившее Соглашение о североамериканской зоне свободной торговли (NAFTA) 1994 г., показывает обновленную версию североамериканизма в торговле продуктами биотехнологий. В нем последовательно делается упор на «научно обоснованное управление рисками», отказываясь, таким образом, от важного в медицинской этике «принципа предосторожности» (*precautionary*

principle), все еще встроенного в право и торговую политику ЕС [2, p. 577].

Ф. Фонтанелли полагает, что американская модель имеет все необходимые атрибуты для того, чтобы превалировать в качестве «обобщенной модели» глобальных торговых режимов. Режим ВТО является основой для реализации экспортной политики США в торговле продуктами биотехнологий и дает им преимущество перед недружественными торговыми партнерами. Он предлагает лишь два негативных варианта: а) появление научных данных об опасности генетически модифицированных продуктов для жизни и здоровья человека; б) отказ государства от использования генной инженерии в сельском хозяйстве и пищевом производстве [2, p. 579, 582–583].

Список литературы

1. Clancy K. The politics of genetically modified organisms in the United States and Europe. – New York, 2017. – 173 p.
2. Fontanelli F. Unspoken SPS-plus and SPS-minus aspirations: biotechnologies in EU and US trade agreements // European journal of risk regulation. – Cambridge, 2021. – Vol. 12, N 3. – P. 564–583.
3. Sumpter B. The Growing monopoly in the corn seed industry: is it time for the government to interfere? // Texas A&M Law Review. – Fort Worth, 2021. – Vol. 8, N 3. – P. 633–650.

СКУРКО Е.В.¹ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ МОДИФИКАЦИИ ОРГАНИЗМОВ В ГЕРМАНИИ. (Обзор).

Аннотация. В обзоре анализируются основные подходы к правовому регулированию технологий генетической модификации организмов в ФРГ. Рассматриваются вопросы правового регулирования использования технологий генно-инженерной модификации в сельскохозяйственном производстве на федеральном уровне и уровне земель Германии, а также особенности и ограничения применения генно-инженерных технологий в отношении организма человека. Освещены новейшие правовые, сравнительно-правовые и междисциплинарные исследования по обозначенному кругу вопросов правового развития.

Ключевые слова: ФРГ; Европейский союз; правовое регулирование; генетически модифицированные организмы; генная инженерия; геном человека.

Skurko E. V. Legal regulation of technologies of genetic modification of organisms in Germany. (Review).

Abstract. The review analyzes the main approaches to the legal regulation of technologies of genetic modification of organisms in Germany. The issues of legal regulation of the use of genetic engineering modification technologies in agricultural production at the federal level and at the level of German lands, as well as the features and limitations of the use of genetic engineering technologies in relation to the human body are considered. The latest legal, comparative legal and

¹ Скурко Елена Вячеславовна, старший научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

interdisciplinary studies on the designated range of issues of legal development are highlighted.

Keywords: Germany; European Union; legal regulation; genetically modified organisms; genetic engineering; human genome.

Для цитирования: Скурко Е.В. Правовое регулирование технологий генетической модификации организмов в Германии // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2022. – № 4. – С. 119–129.
DOI: 10.31249/tgpravo/2022.04.10

«Трансгенные технологии», или технологии генно-инженерной модификации (далее – ГМ-технологии) – новая разновидность биотехнологии, которая сегодня стремительно развивается. В рамках методов этих технологий существует возможность вводить гены-мишени в клетки или ткани растений и животных и успешно экспрессировать гены для получения у них новых признаков. Так, ГМ-технологии преодолевают, в числе других, ограничения половой гибридизации, значительно расширяя возможности обмена генами и значительно сокращая период размножения. Применение ГМ-технологий позволяет создавать сорта сельскохозяйственных культур с устойчивостью к насекомым, болезням, гербицидам либо с иного рода полезными качествами, причем в кратчайшие сроки, в сравнении с традиционной селекцией. Считается, что трансгенная технология позволяет выращивать высокоурожайные, высококачественные, мультиустойчивые к неблагоприятным факторам воздействия окружающей среды сорта сельскохозяйственных культур, которые могут сократить инвестиции в пестициды и удобрения либо выполнять более амбициозные задачи, как-то: ресурсосбережение, защита экологии, улучшение качества продукции и проч. [3, р. 518].

Однако с применением ГМ-технологий сопряжены и негативные стороны, отрицательные последствия. Это – например, риск разрушения природной среды и гомеостаза исходных биологических популяций вследствие «параллельного переноса» генов: потенциальный вред параллельного переноса генов от ГМ-культур для дикой природы, экосистем и биологических популяций находится в центре внимания специалистов, обсуждающих экологическую безопасность ГМО. В то же время внимание общественности

привлекают риски в вопросах безопасности пищевых продуктов, связанных с ГМО. В общественном мнении по-прежнему преобладают взгляды, согласно которым продукты из генетически модифицированных организмов (ГМО) могут вызывать токсикологические эффекты, аллергические реакции в организме человека, а также провоцировать долгосрочные негативные последствия для здоровья человека [3, p. 519].

Следует подчеркнуть, что до сих пор остается неясным, наносят ли ГМ-культуры вред здоровью человека или окружающей среде. Дебаты о безопасности ГМ-культур, возможности применения ГМ-культур, реализации ГМ-политики и этики ГМ-технологий не теряют интенсивности во всем мире. Большинство стран, однако, к настоящему времени в целом определилось в своей политике правового регулирования вопросов применения ГМ-технологий, производства и оборота ГМО.

В данном обзоре представлены подходы к правовому регулированию технологий генетической модификации организмов в Германии.

Начнем с того, что в Германии, как и для большинства государств мира, действуют принципы и нормы международного права, которые в настоящее время содержат ряд положений в отношении международно-правового регулирования в сфере ГМ-технологий и ГМО. На международном уровне это: Конвенция о биологическом разнообразии и Картахенский протокол по биобезопасности, которые в особенной части содержат положения, касающиеся ГМО. Кроме того, в рамках ВТО вопросы ГМ-технологий и ГМО затрагиваются в Генеральном соглашении по тарифам и торговле (ГАТТ) и Соглашении о санитарных и фитосанитарных мерах.

Правовые рамки для Германии в отношении ГМО устанавливаются также на уровне Европейского союза (ЕС). В ЕС, однако, ситуация с использованием ГМО различна. В то время как в Германии, Австрии и Франции потребители в основном выступают против этой биотехнологии, и ГМО в этих странах не культивируются, другие государства – члены ЕС (в основном Испания, но также Португалия, Чехия, Румыния и Словакия) продвигают ГМО, выращивая, например, ГМО-кукурузу типа MON810 и др. Германия не выращивает ГМО с 2012 г. – хотя в предшествующий пери-

од некоторое время ГМО культивировались в целях научных исследований. Не последнюю роль в таком положении дел, как полагают специалисты, сыграло крайне скептическое отношение потребителей к ГМО в Германии [3, р. 523].

На федеральном уровне в законодательстве ФРГ внимание к правовому регулированию ГМО начинает проявляться уже в 80-е годы XX в., первоначально получая отражение в руководящих принципах, издаваемых министерствами и ведомствами, которые были обязательны только в отношении научно-исследовательской деятельности, субсидируемой государством. В 1989 г. Административный суд Гессена постановил, что о законности использования ГМО можно будет утверждать лишь после появления соответствующего официального парламентского акта, т.е. соответствующего федерального закона. Это решение, хотя и было воспринято весьма противоречиво, существенно ускорило разработку и принятие Закона ФРГ о генной технологии, который вступил в силу в 1990 г. [3, р. 523].

На европейском уровне вступили в силу Директива 90/219/ЕЭС от 23 апреля 1990 г. об ограниченном использовании генетически измененных микроорганизмов и Директива 2001/18/ЕС Европейского парламента и Совета от 12 марта 2001 г. о намеренном выпуске генетически модифицированных организмов в окружающую среду и об отмене Директивы Совета ЕС 90/220/ЕЕС. Однако в 2003 г. в эти директивы были внесены изменения в связи с введением в действие Регламента о генетически модифицированных продуктах питания и кормах и Регламента, касающегося отслеживания и маркировки генетически модифицированных организмов и отслеживания пищевых продуктов и кормов, произведенных из генетически модифицированных организмов (Регламент о маркировке).

На сегодняшний день как европейское, так и немецкое законодательство о ГМО основано на принципах предосторожности и сосуществования (*the principles of precaution and coexistence*). Закон о генной технологии в ФРГ в параграфе 1 прямо ссылается на эти принципы. В праве ЕС *принцип предосторожности* предусмотрен в ст. 191 (2) Договора о функционировании Европейского союза, а также выражен в ст. 8 вышеупомянутой Директивы 2001/18/ЕС о

намеренном выпуске генетически модифицированных организмов в окружающую среду.

О принципе сосуществования, в свою очередь, например, речь идет в ст. 26а вышеназванной Директивы и п. 28 Регламента о генетически модифицированных продуктах питания и кормах [3, р. 525].

Принцип предосторожности позволяет органам власти принимать соответствующие меры в ситуациях риска, т.е., когда имеются признаки рисков для окружающей среды или здоровья, но из-за недостаточности научных данных эти риски не могут быть доказаны. Инструментами для реализации принципа предосторожности являются оценка рисков и управление рисками. Главным образом, поэтапная схема выдачи разрешений на ГМО реализует этот принцип на практике: поскольку в европейском и немецком законодательстве новые ГМО считаются потенциально опасными для здоровья или окружающей среды, их безопасность должна быть оценена сначала в закрытых системах, затем в полевых испытаниях и, наконец, при использовании в продуктах питания и кормах.

Концепция сосуществования означает, что органическое и традиционное земледелие, а также выращивание ГМО должны сосуществовать в европейском сельском хозяйстве. Эта концепция включает в себя базовое решение разрешить производство и использование ГМО в Европейском союзе до тех пор, пока выращивание ГМО не оказывает негативного влияния на органическое или традиционное сельское хозяйство [3, р. 525].

В правовом регулировании технологий генетической модификации организмов в Германии, как и в ЕС, одним из центральных звеньев является маркировка соответствующей продукции. Так, Регламент о генетически модифицированных продуктах питания и кормах, а также Регламент о маркировке в ЕС, а в Германии – пар. 17b Закона о геномной технологии – содержат положения о маркировке ГМ-продукции и ее производных. Целью маркировки является информирование потребителей, предоставление им свободы выбора и создание «системы безопасности», основанной на отслеживании ГМО на всех этапах производства и сбыта. Эта «система безопасности» призвана способствовать мониторингу маркировки, а также наблюдению за потенциальным воздействием на здоровье человека или окружающую среду и изъятию ГМ-про-

дуктов в случаях риска для здоровья человека или окружающей среды [3, p. 529].

По общему правилу, – как в ЕС, так и в Германии, – для всех пищевых продуктов и кормов, в состав которых входит ГМО, на этикетке должны быть четко видны слова «генетически модифицированный» («genetically modified») или «произведено из генетически модифицированного (название организма)» («produced from genetically modified (name of the organism)»).

Таким образом, требования к маркировке ГМО относятся не только к способу производства, но и к результату: если можно доказать наличие ГМО в продукте или в одном из его ингредиентов, продукт должен быть маркирован. Соответственно, традиционные и органические культуры также должны быть маркированы, если они были загрязнены ГМО, например, в результате опыления ГМО-культур. Только пищевые и кормовые продукты, в которых доля ГМО составляет менее 0,9% от каждого ингредиента, не маркируются как содержащие ГМО при условии, что присутствие генетически модифицированного организма является случайным или технически неизбежным. Однако это пороговое значение не применяется к семенам: органические семена, загрязненные ГМО, должны иметь маркировку «содержит ГМО», как только есть доказательства содержания ГМО на пределе технических возможностей анализа, т.е. при доле ГМО примерно 0,1%. Вместе с тем для продуктов животного происхождения, таких как мясо, молоко или яйца, вопрос о маркировке, если в процессе производства использовались ГМО, особенно если животное кормили ГМ-кормом, сохраняет неопределенность. Тогда как, например, в отношении меда, содержащего пыльцу ГМ-растений, Суд ЕС (ЕСJ) постановил, что мед должен иметь маркировку «содержит ГМО», если пыльца содержит более 0,9% ГМО. Однако впоследствии Европейской комиссией в Директиве о меде (Council Directive 2001/110/EC of 20 December 2001 relating to honey [2010] OJ L 10/47. (Honey Directive)) было уточнено, что мед следует маркировать как содержащий ГМО только в том случае, если доля ГМ-пыльцы в конечном продукте превышает 0,9%; на практике это почти не встречается [3, p. 530].

Система отслеживания ГМ-продукции как на уровне ЕС, так и в Германии, призвана гарантировать, что ГМО и продукты из

них отслеживаются по всей производственной цепочке. Эта система основана на передаче и хранении информации каждым оператором, который должен передать следующую информацию в письменной форме: 1) указать на то, что продукты состоят из ГМО или содержат ГМО; 2) перечислить уникальные идентификаторы, присвоенные ГМО. Эта информация должна храниться в течение пяти лет [3, p. 530].

Федеративное устройство Германии позволяет землям в составе ФРГ самостоятельно развивать некоторые направления законодательства, в том числе связанные с ГМО. Так, федеральные земли Германии могут применять более строгие правила в отношении генетически модифицированных организмов, чем это делает национальное правительство [2, p. 380].

Анализ правовой политики партий ФРГ в отношении ГМО демонстрирует наличие двух ее типов: во-первых, борьба за присоединение к течению «Без ГМО» (the GMO-free network), что является весьма заметным актом, сигнализирующим о существенно негативной позиции властей в целом в отношении ГМО; во-вторых, принятие нормативных и политических мер, которые были отражены в сводном регуляторном акте [2, p. 394].

Исследования показывают, что министры, представляющие партию зеленых, составляют главную движущую силу в стране, выступающую за присоединение к движению «Без ГМО». Возможно, как полагают У. Хартунг и Ф. Хёриш, «зеленые министры» заняли такую резко негативную позицию по отношению к ГМО из-за электората партии, который выступает категорически против ГМО по соображениям защиты природы и прав потребителей. Более того, нельзя исключать, что позиция «зеленых министров» в борьбе против ГМО используется для привлечения избирателей за пределами своего электората. Однако, как замечают авторы, фактор «зеленых» и их министров в политико-правовой системе ФРГ в целом недостаточно существенный, чтобы стать определяющим для государственной политики ФРГ в области ГМО [2, p. 394].

Вместе с тем существенное значение имеет то, что, как показывают исследования, имеются различия между западными и восточными землями Германии в отношении к проблеме ГМО. В частности, восточные земли более открыты для внедрения ГМ-технологий и оборота ГМО, тогда как в западных землях сложилось

достаточно жесткое и запретительное регулирование по данному кругу вопросов. Как полагают специалисты, это объясняется, в частности, тем, что христианские верования более актуальны в западных землях. Напротив, для восточных земель характерны более позитивный взгляд на эффективное сельское хозяйство, менее романтический взгляд на окружающую среду, а также менее скептически настроенные в отношении ГМО потребители. Еще одно объяснение лежит в том, что партии ХДС и ХСС являются ведущими партиями, представляющими интересы сельского хозяйства, поэтому они – в реализации правовой политики на уровне земель – воздержались от введения жесткого и запретительного регулирования ГМО в восточных землях, где так называемые «ГМ-фермеры» выигрывали от более высоких урожаев, в то время как в западных землях фермеры в основном отказались от любых форм ГМ сельского хозяйства. Иными словами, коль скоро сельскохозяйственные структуры двух частей (западной и восточной) Германии различаются, – есть отличия и в развитии правового регулирования на уровне (западных и восточных) земель в отношении ГМ сельского хозяйства [2, р. 394].

Исследователи считают, что СДПГ и ее министры не занимают активной позиции и не склонны инициировать принятие нормативных мер в отношении ГМО вследствие того, что партийная идеология и ее электорат не выражают заинтересованности в данной сфере вообще, а более заинтересованы в других областях политики. Поэтому, как показывает анализ, позиция СДПГ в отношении правового регулирования ГМО обусловлена тем, в какой коалиции она состоит – либо с партией зеленых, либо с ХДС [2, р. 395].

В целом правовая политика Германии в отношении ГМО, как полагают специалисты, формируется, в том числе, за счет позиций и структуры власти на уровне федеральных земель: немецкие земли могут играть важную роль в многоуровневом управлении в сфере ГМО и принимать на уровне земель более строгие правила, чем те, которые определены на национальном (федеральном) уровне. Однако, как показывает опыт реализации правовой политики в отношении ГМО на уровне земель, земли ФРГ, как правило, предпочитают символические действия, а не конкретное регулирование в пределах своей законодательной свободы. Отно-

нительно слабые результаты развития правового регулирования на уровне земель в отношении ГМО, по мнению авторов, могут быть обусловлены высокой сложностью проблемы ГМ-технологий и ГМО в целом, неопределенностью понятийного аппарата в данной сфере, а также этическими и культурными проблемами, а также возможными последствиями развития законодательного регулирования в сфере ГМО, которые могут варьироваться на региональном уровне [2, р. 396].

В спектре ГМ-технологий существует еще одна важнейшая сфера – технологии воздействия на геном человека.

В Федеративной Республике Германия преднамеренное изменение генома зародышевых клеток и эмбрионов не просто запрещено: это преступление. Запрет является результатом законодательства, которое было принято более 25 лет назад, и с тех пор оно не претерпело существенных изменений. Однако быстрое появление методов манипулирования геномом в сочетании с недавними технологическими разработками все чаще свидетельствует о старении нормативно-правовой базы [1, р. 241].

С появлением редактирования генома произошел существенный сдвиг в национальных дебатах в Германии об использовании геномной инженерии. До недавнего времени дискуссия была больше о применении геномной инженерии к культурным растениям и сельскохозяйственным животным (так называемая зеленая геномная инженерия), чем к людям (так называемая красная геномная инженерия), причем применение терапии зародышевой линии к людям, вероятно, было наименее обсуждаемым аспектом.

В конце концов, зеленая геномная инженерия присутствует в полевых условиях в течение многих лет, а иногда даже «на тарелке», в то время как большинство усилий красной геномной инженерии были невзрачными фундаментальными исследованиями в области клеточной биологии, замедленными как техническими, так и юридическими препятствиями. Однако появление более точных, безопасных и предсказуемых методов редактирования генома в настоящее время приводит к тому, что этот вопрос стал выноситься в сферу общественного обсуждения – как в Германии, так и, все более, в мире в целом [1, р. 241].

Как показывают исследования, несмотря на свой возраст, действующая в ФРГ нормативно-правовая база, запрещающая

вмешательство в геном человека, не содержит каких-либо существенных лазеек, через которые могли бы «проскользнуть» современные методы лечения репродуктивной медицины и генной терапии, имеющиеся сегодня. Немецкое общество, как представляется, на сегодняшний день, в целом удовлетворено существующими правовыми запретами и связанными с ними наказаниями. До сих пор можно отметить лишь крайне незначительное число судебных преследований за нарушения законодательных запретов в сфере вмешательства в геном человека, – вероятно, потому, что нынешняя нормативная база, которая опирается на уголовное право, сдерживает любые такого рода попытки. До сих пор наблюдалась лишь незначительная лоббистская активность или другие согласованные политические действия, в основном со стороны ученых и врачей, требующих либерализации или, по крайней мере, модернизации существующей нормативно-правовой базы Германии. Напротив, целый ряд общественных организаций и церковные общества выступают за сохранение действующего регулирования или даже за его дальнейшее ужесточение [1, р. 264].

Однако, как полагает Т. Фалтус, быстро меняющийся «биотехнологический ландшафт» ставит вопрос о том, не пора ли пересмотреть запрет на модификацию генома зародышевых клеток и эмбрионов, в частности, учитывая возможность искусственного создания зародышевых клеток и изменения их генома. Неудивительно, что ввиду развивающихся технических возможностей ученые, изучающие научные, правовые, социальные и этические последствия биотехнологических разработок, похоже, чувствуют необходимость переоценки существующей нормативно-правовой базы. Технический прогресс, правовые и этические взгляды меняются. Новые знания в области биологии, медицины и технической безопасности требуют новых оценок их преимуществ и опасностей. Настаивать на неосязаемости сегодняшних моральных стандартов и связанного с ними законодательства без дальнейшего обсуждения – это, по мнению исследователей, неоправданный «моральный империализм», который заведомо отрицает потенциальные технические улучшения жизни из-за устаревших технологических и социальных оценок. Конечно, после соответствующей переоценки можно было бы прийти к выводу, что действующие правила, возможно, не нуждаются в изменении, но «аргумент скользкого пу-

ти», согласно которому первый шаг неизбежно ведет к дальнейшим шагам и, в конечном итоге, к краху и который слишком часто заглушает дебаты, априори предполагает, что общество и социальный дискурс не имеют способности отличать правильное от неправильного [1, p. 265].

Федеральное министерство образования и научных исследований Германии (BMBWF) финансирует несколько междисциплинарных исследовательских проектов по редактированию генома с этическими, юридическими и социальными последствиями (ELSI). Некоторые из них касаются геномной терапии. Результаты этих исследовательских проектов послужат стимулом и аргументами для дискуссии о пересмотре правовых рамок модификации генома зародышевых клеток человека [1, p. 265].

Список литературы

1. Faltus T. The regulation of human germline genome modification in Germany // Human germline genome modification and the right to science: a comparative study of national laws and policies / ed. A. Boggio, C.P.R. Romano, J. Almqvist. – Cambridge ; New York, 2020. – P. 241–265.
2. Hartung U., Hörisch F. Regulation vs symbolic policy-making: genetically modified organisms in the German states // German Politics. – Milton Park, 2018. – Vol. 27. – P. 380–400.
3. Monien J., Cai Y. Genetically Modified Organisms Law // Handbook of agri-food law in China, Germany, European Union: food security, food safety, sustainable use of resources in agriculture / ed. I. Haertel. – Cham, 2018. – P. 516–549.

КОДАНЕВА С.И.¹ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГЕНЕТИЧЕСКИ МОДИФИЦИРОВАННЫХ ОРГАНИЗМОВ В СОЕДИНЕННОМ КОРОЛЕВСТВЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ. (Статья).

Аннотация. В статье представлены основные положения нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы обращения с ГМО в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии. Показано, что это регулирование основано на принципе предосторожности и имеет определенную специфику в зависимости от способа использования ГМО, а также учитывая последствия для правовой системы Великобритании ее выхода из ЕС.

Ключевые слова: генетически модифицированные организмы; право; Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии; ЕС.

KODANEVA S.I. Legal regulation of genetically modified organisms in the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland. (Article).

Abstract. This article presents the main provisions of regulatory legal acts regulating the handling of GMOs in the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland. It is shown that this regulation has certain specifics depending on the method of using GMOs, as well as taking into account the consequences for the legal system of the UK of its withdrawal from the EU.

Keywords: genetically modified organisms; law; United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland; EU.

¹ *Коданева Светлана Игоревна*, ведущий научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

Для цитирования: Коданева С.И. Правовое регулирование генетически модифицированных организмов в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии. (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2022. – № 4. – С. 130–140.
DOI: 10.31249/rgpravo/2022.04.11

В Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии (далее – Великобритания) под *генетически модифицированными организмами* (далее – ГМО) понимаются растения и животные (бесклеточное, одноклеточное или многоклеточное существо), генетический состав которых был изменен с использованием методов биотехнологии для получения растений, животных и микроорганизмов с определенными качествами. При этом не имеет значения, был ли изменен генетический материал самого существа или оно унаследовало модифицированные гены¹. Генетически модифицированными в Великобритании признаются как отдельные клетки и ткани, так и живой организм целиком, а также продукты, предлагаемые к продаже. Под генетически модифицированными продуктами понимаются продукты, которые содержат ГМО, состоят или произведены из ГМО². Это могут быть продукты питания, корма для животных, вакцины, семенной или лесопосадочный материал и т.д.

Само по себе использование и продажа ГМО и произведенных из них продуктов в Великобритании не запрещено. Однако правовое регулирование этой страны исходит из признания необходимости устранения любых рисков причинения использованием ГМО, особенно сопровождающимся выпуском модифицированных организмов в окружающую среду³, вреда здоровью человека и окружающей среде. Кроме того, учитывается, что живые модифи-

¹ См.: Environmental Protection Act 1990 // Официальный портал законодательства Великобритании. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1990/43/contents> (дата обращения: 04.07.2022).

² См.: Genetically modified organisms authorisation guidance // Food Standard Agency. – URL: <https://www.food.gov.uk/business-guidance/genetically-modified-organisms-authorisation-guidance> (дата обращения: 04.07.2022).

³ Живой организм считается выпущенным в окружающую среду и в том случае, если он находится на или в человеке или животном (например, привитый генетически-модифицированный вирус).

цированные организмы, независимо от того, выпущены ли они в окружающую среду в больших или малых количествах для экспериментальных целей или в качестве коммерческих продуктов, могут размножаться в окружающей среде, последствия чего для окружающей среды могут быть необратимыми.

Это означает, что при обращении с ГМО необходимо соблюдать определенную осторожность. Поэтому законодательство Великобритании содержит превентивные меры, направленные на предотвращение рисков для окружающей среды и человека. При этом существуют особенности правового регулирования, обусловленные способом использования ГМО и распределением соответствующих полномочий между уровнями власти.

Так, существует три способа использования ГМО:

1) использование в закрытых помещениях – в лабораториях при создании ГМО и проведении научных исследований;

2) пробный выпуск ГМО – ограниченное распространение ГМО, в основном, в исследовательских целях (например, высаживание генно-модифицированных семян на специальных экспериментальных полях или тестирование вакцины, созданной с использованием генно-модифицированных вирусов, на добровольцах);

3) массовое распространение ГМО – продажа генетически модифицированных продуктов потребителям.

В отношении каждого из указанных способов использования ГМО существует отдельное законодательство. При этом еще одной особенностью является то, что, с одной стороны, вопросы, связанные с использованием и распространением ГМО, регулируются на уровне Евросоюза (членом которого Великобритания была до 1 февраля 2020 г.). При этом в соответствии с правом ЕС, решения о допуске на рынок продуктов, содержащих ГМО, принимались на уровне Союза и являлись обязательными для всех государств-членов. Что касается вопросов производства ГМО, в том числе выращивания модифицированных растений и животных, а также научных исследований в данной сфере, включая пробные выпуски ограниченного объема ГМО в окружающую среду в научных целях, то за членами ЕС сохранялось право самостоятельно решать, разрешать ли подобную деятельность на своей территории.

В самой Великобритании данная сфера частично считается «переданной компетенцией», т.е. подлежащей регулированию на

уровне регионов – Англии, Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии. Это касается правил содержания ГМО в закрытых помещениях и продажи генетически модифицированных продуктов, за исключением продуктов питания и кормов для животных.

После выхода из состава Евросоюза Великобритания столкнулась с крайне сложной проблемой – необходимостью оперативно сформировать собственное правовое регулирование по тем вопросам, которые до этого регулировались на уровне ЕС. Поскольку сделать это в сжатые сроки (пока длилась процедура выхода) было невозможно, правительство страны приняло решение признать соответствующие акты ЕС источниками национального права, внося в них необходимые технические правки.

В результате в стране сложилась ситуация, при которой все ранее выданные в Евросоюзе разрешения на импорт и продажу продуктов с ГМО продолжают действовать на территории всей Великобритании до истечения срока разрешения (такие разрешения выдаются в ЕС на 10 лет). Новые разрешения на выведение на рынок продуктов с ГМО, а также переоформление тех, у которых истек срок действия, нужно получать в уполномоченных органах. В отношении продуктов питания и кормов для животных таким органом является Агентство по пищевым стандартам Великобритании. После специальной процедуры оценки, которая длится не менее года, Агентство выдает разрешение на продажу генетически-модифицированных продуктов и кормов на территории страны. В настоящее время в реестр Агентства включены 234 продукта¹.

В отношении всех остальных генно-модифицированных продуктов разрешения выдают органы власти каждого региона: Департамент окружающей среды, продовольствия и сельского хозяйства (в отношении Англии), Министерство сельского хозяйства, окружающей среды и сельских дел Северной Ирландии, Правительство Шотландии и Уэльса.

При этом юридический статус Северной Ирландии отличается от статуса других регионов, поскольку в соответствии с Про-

¹См.: GMO authorisations // Food Standards Agency. – URL: https://data.food.gov.uk/regulated-products/gmo_authorisations (дата обращения: 04.07.2022).

токолом по Северной Ирландии¹, подписанным в процессе выхода Великобритании из ЕС, Северная Ирландия осталась в единой таможенной зоне ЕС. С юридической точки зрения это означает, что, если Великобритания изменит процедуры выдачи разрешений на продажу или импорт ГМО, в Северной Ирландии право ЕС будет продолжать действовать в полном объеме.

Таким образом, в сфере ГМО правовую базу в Великобритании составляют международные конвенции (Конвенция о биологическом разнообразии вместе с Картахенским протоколом по биобезопасности), национальное законодательство (Акт об охране окружающей среды (Environmental Protection Act 1990)² и подзаконные акты), применимое право ЕС с изменениями, внесенными уполномоченными органами Великобритании в процессе брексита: Директива Европейского парламента и Совета 2001/18/ЕС о преднамеренном выпуске в окружающую среду генетически модифицированных организмов и отмене Директивы Совета 90/220/ЕЕС; Регламент Европейского парламента и Совета N 1946/2003 от 15 июля 2003 г. о трансграничном перемещении генетически модифицированных организмов; Регламент Европейского парламента и Совета N 1829/2003 от 22 сентября 2003 г. о генетически модифицированных продуктах питания и кормах; Регламент Европейского парламента и Совета N 1830/2003 от 22 сентября 2003 г., касающийся отслеживаемости и маркировки генетически модифицированных организмов и отслеживаемости пищевых продуктов и кормов, произведенных из генетически модифицированных организмов, и внесения изменений в Директиву 2001/18/ ЕС; Регламент Европейской комиссии N 65/2004 от 14 января 2004 г. о создании системы для разработки и присвоения уникальных идентификаторов генетически модифицированным организмам; Регламент Европейской комиссии N 641/2004 от 06.04.2004 г. о подробных правилах применения Регламента (ЕС) N 1829/2003 Европейского

¹ PROTOCOL ON IRELAND/NORTHERN IRELAND // сайт правительства Великобритании. – URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/840230/Revised_Protocol_to_the_Withdrawal_Agreement.pdf (дата обращения 04.07.2022).

² Environmental Protection Act 1990 // Официальный портал законодательства Великобритании. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1990/43/contents> (дата обращения 04.07.2022).

парламента и Совета в отношении заявки на получение разрешения на новые генетически модифицированные продукты питания и корма, уведомления о существующих продуктах и случайном или технически неизбежном присутствии генетически модифицированного материала, который выиграл от благоприятной оценки риска; Имплементационный регламент Европейской комиссии N 503/2013 от 3 апреля 2013 г. о заявках на получение разрешения на генетически модифицированные продукты питания и корма в соответствии с Регламентом (ЕС) N 1829/2003 Европейского парламента и Совета и о внесении изменений в Регламенты Комиссии (ЕС) N 641/2004 и (ЕС) N 1981/2006 и др.

Помимо этих актов, как было указано выше, каждый регион принимает собственные правовые акты по таким вопросам, как контроль за распространением. Например, Официальные правила контроля за здоровьем растений и генетически модифицированными организмами в Англии, утвержденные в 2019 г. Государственным секретарем по вопросам окружающей среды, продовольствия и сельского хозяйства¹; Правила использования генетически модифицированных организмов в закрытых помещениях, утвержденные в 2015 г. Департаментом предпринимательства, торговли и инвестиций Северной Ирландии²; Правила отслеживания и маркировки генетически модифицированных организмов, утвержденные в 2005 г. Национальной Ассамблеей Уэльса³, а также Правила трансграничного перемещения генетически модифицированных организмов, принятые в 2005 г. Правительством Шотландии⁴.

¹The Official Controls (Plant Health and Genetically Modified Organisms) (England) Regulations 2019 // Официальный портал законодательства Великобритании. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukxi/2019/1517> (дата обращения 04.07.2022).

²The Genetically Modified Organisms (Contained Use) Regulations (Northern Ireland) 2015 // Официальный портал законодательства Великобритании. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/nisr/2015/339> (дата обращения 04.07.2022).

³The Genetically Modified Organisms (Traceability and Labelling) (Wales) Regulations 2005 // Официальный портал законодательства Великобритании. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/wsi/2005/1914> (дата обращения 04.07.2022).

⁴The Genetically Modified Organisms (Transboundary Movements) (Scotland) Regulations 2005 // Официальный портал законодательства Великобритании. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ssi/2005/316> (дата обращения 04.07.2022).

В случае выведения генетически модифицированных продуктов на рынок, такие продукты должны иметь специальную маркировку, содержащую слова «Этот продукт содержит генетически модифицированные организмы». Кроме того, в стране создана система отслеживания производства и распространения этих продуктов с целью управления рисками в соответствии с принципом предосторожности. Это означает постоянный мониторинг перемещения генетически модифицированных продуктов и их воздействия на окружающую среду и здоровье человека, которое должно позволить оперативно обнаружить неблагоприятное воздействие, причиненное ГМО.

Лицо, получившее разрешение на продажу модифицированных продуктов, должно регулярно предоставлять в уполномоченный орган отчеты о воздействии этих продуктов на окружающую среду и здоровье человека. В случае если появится информация о рисках, связанных с ГМО, для здоровья человека или окружающей среды, заявитель должен немедленно уведомить об этом уполномоченный орган и принять все необходимые меры для защиты здоровья человека и окружающей среды. Кроме того, в этом случае проводится оценка выявленного риска, по результатам которой разрешение на торговлю соответствующим продуктом может быть аннулировано.

Правовое регулирование хранения ГМО в закрытых помещениях, принятое четырьмя регионами Великобритании, в целом совпадает, поскольку основано на общем подходе, согласно которому лицо, подающее заявление с просьбой выдать разрешение на хранение ГМО, должно предварительно убедиться в полной безопасности этого и обеспечить ее в дальнейшем. Для этого оно должно постоянно проводить мониторинг за рисками, связанными с ГМО, используя самые современные технологии. При обнаружении новых, ранее неизвестных рисков, такое лицо обязано немедленно предпринять все необходимые меры по их устранению, вплоть до утилизации ГМО, а также сообщить о них в уполномоченный орган¹.

¹ См.: The Genetically Modified Organisms (Contained Use) Regulations 2014 // Официальный портал законодательства Великобритании. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/uksi/2014/1663> (дата обращения: 17.07.2022).

Что касается пробного выпуска ГМО в окружающую среду в научных целях, то в соответствии с действующим в Великобритании законодательством признается необходимость его осуществления в процессе исследований. Более того, генетически модифицированные продукты не могут поступать в продажу без предварительного проведения полевых испытаний на стадии исследований и разработок в экосистемах, на которые может повлиять их использование. При этом пробные выпуски должны проводиться по принципу «шаг за шагом», т.е. масштабы распространения ГМО должны увеличиваться постепенно и только в том случае, если оценка предыдущих шагов с точки зрения защиты здоровья человека и окружающей среды указывает на то, что можно предпринять следующий шаг.

Заинтересованное научное учреждение должно обратиться с заявлением с просьбой выдать разрешение на пробный выпуск ГМО в окружающую среду в исследовательских целях. При этом законодательство страны содержит требование о предварительной оценке всех возможных рисков, связанных с выпуском ГМО в окружающую среду. Соответственно, заявление должно содержать всю имеющуюся информацию о модифицированных организмах (включая использованные методы модификации, характеристики использованных для модификации организмов и полученных генов, способы, особенности и сроки их воспроизводства, потенциальные масштабы распространения, например расстояние, на которое могут распространиться пыльца или семена растения естественным путем); место (адрес) и масштаб выпуска ГМО в окружающую среду (например, информацию о близости места распространения ГМО к официально признанным биотопам или охраняемым территориям, о местном климате, экосистеме, включая флору и фауну, потенциальном воздействии ГМО на них, о площади поля, которое предполагается засеять, и т.д.)¹.

В заявлении также должны быть указаны сроки и цели выпуска ГМО в окружающую среду; то, каким образом в будущем планируется использовать ГМО (например, если это тестирование

¹ См.: Environmental Protection Act 1990 Op. cit.; Genetically Modified Organisms (Deliberate Release) Regulations 2002 // Официальный портал законодательства Великобритании. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukxi/2002/2443/contents/made> (дата обращения: 17.07.2022).

новой вакцины на добровольцах, то должно быть указано, что ГМО тестируется для последующего использования в составе вакцины).

Наконец, заявление обязательно должно содержать оценку экологического риска (включая риски от естественного скрещивания с другими ГМО, с иными организмами в экосистеме, где оно обычно выращивается, включая информацию о токсическом воздействии на людей, животных и другие организмы, а если организм изначально завезен из другого региона, то все его характеристики, включая информацию о естественных хищниках, паразитах, конкурентах и симбионтах), если модифицированным является растение, то информацию о потенциальном влиянии на традиционную сельскохозяйственную практику.

Заявитель должен описать методы исследования поведения ГМО в окружающей среде, мониторинга воздействия ГМО на окружающую среду, его прослеживаемости (обнаружения и идентификации ГМО), информацию о предпринимаемых мерах обеспечения безопасности исследований, а также о мерах реагирования на возможные чрезвычайные ситуации и об утилизации ГМО после окончания исследования¹.

Соответствующее решение принимает Государственный секретарь, в компетенцию которого входят вопросы охраны окружающей среды. Свои решения он принимает на основе заключений Консультативного комитета по выбросам в окружающую среду (Advisory Committee on Releases to the Environment) – специально созданного органа для экспертизы заявок на пробный выпуск ГМО в окружающую среду. Таким образом, все запросы от научных лабораторий на выдачу им разрешения на выпуск ГМО в окружающую среду, такие как испытания ГМ-культур или клинические испытания ГМ-вакцин, направляются Государственным секретарем в Консультативный комитет, который оценивает их на предмет возможных рисков для здоровья человека или окружающей среды. По результатам рассмотрения комитет публикует отчет, в котором излагаются выводы по заявке и рекомендации правительству

¹ См.: Environmental Protection Act 1990 Op. cit.; Genetically Modified Organisms (Deliberate Release) Regulations 2002 // Официальный портал законодательства Великобритании. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/uksi/2002/2443/contents/made> (дата обращения: 17.07.2022).

одобрить или отклонить запрос. В случае положительного заключения отчет также содержит рекомендации относительно условий выпуска ГМО в окружающую среду и мер мониторинга за последствиями такого выпуска. При этом законодательство содержит требование к заявителю не только постоянно проводить такой мониторинг, но также постоянно совершенствовать его методы с учетом появления новых технических возможностей и в случае появления ранее не обнаруженного риска для окружающей среды или здоровья человека незамедлительно информировать об этом уполномоченные органы.

По окончании исследования (или этапа исследования) заявитель должен предоставить отчет государственному секретарю с информацией о выявленном воздействии ГМО на окружающую среду и/или здоровье человека¹.

Согласно официальному сайту правительства Великобритании, за 2019–2022 гг. Консультативный комитет опубликовал 12 отчетов², а Государственный секретарь за этот же период выдал 14 разрешений на ограниченный выпуск ГМО в окружающую среду в научных целях³.

До получения разрешения заявитель не вправе осуществлять выпуск ГМО в окружающую среду. За нарушение этого запрета, также как иных требований законодательства в отношении обеспечения безопасности хранения и распространения ГМО предусмотрена уголовная ответственность (до 20 тыс. фунтов стерлингов и до пяти лет лишения свободы).

В распоряжении Государственного секретаря находится штат инспекторов, которые могут заходить на территорию любой организации, если у них есть основания полагать, что там находят-

¹ См.: Environmental Protection Act 1990 Op. cit.; Genetically Modified Organisms (Deliberate Release) Regulations 2002 // Официальный портал законодательства Великобритании. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukxi/2002/2443/contents/made> (дата обращения: 17.07.2022).

² См.: ACRE: advisory reports on requests to release genetically modified organisms. – URL: <https://www.gov.uk/government/collections/advisory-reports> (дата обращения: 04.07.2022).

³ См.: Genetically modified organisms: applications, decisions and notifications. – URL: <https://www.gov.uk/government/collections/genetically-modified-organisms-applications-and-consents> (дата обращения: 04.07.2022).

ся ГМО и есть риск нанесения ущерба окружающей среде и/или здоровью человека, с целью проверки условий хранения или распространения модифицированных организмов. Инспекторы могут брать пробы, проводить все необходимые исследования на месте, либо изымать (и при необходимости обезвреживать) любые подозрительные вещества и организмы, а также изымать всю необходимую информацию с компьютеров организации¹.

Таким образом, в Великобритании реализуется подход к изучению ГМО и их использованию в научных и коммерческих целях, основанный на принципе предосторожности.

¹ См.: Environmental Protection Act 1990. Op. cit.

УЛЬЯНОВ А.В.¹ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГЕНЕТИЧЕСКИ МОДИФИЦИРОВАННЫХ ОРГАНИЗМОВ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ: НА ПРИМЕРЕ МЕКСИКИ. (Обзор).

Аннотация. В обзоре рассматриваются проблемы регулирования мексиканским правом вопросов использования генетически модифицированных организмов в сельском хозяйстве. Правовой режим регулирования этих отношений отличается нестабильностью и осложнен юридическими конфликтами. Наиболее отчетливо эти черты проявляются на примере генетически модифицированной кукурузы, в связи с чем обоснование для установления мер по ограничению ее выращивания предполагается найти в мексиканском конституционном праве.

Ключевые слова: генетически модифицированный организм; принцип предосторожности; право на благоприятную окружающую среду; биобезопасность.

ULYANOV A.V. Problems of legal regulation of the use of genetically modified organisms in agriculture: the case of Mexico. (Review).

Abstract. The review examines the problems of regulation by Mexican law of using genetically modified organisms in agricultural sector. The legal regime for regulating these relations is characterized as unstable and is complicated by legal conflicts. These features are most clearly manifested in the example of genetically modified corn, therefore the just cause for imposing measures to limit its cultivation is expected to be found in Mexican constitutional law.

¹ Ульянов Алексей Владимирович, научный сотрудник отдела правопедения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

Keywords: genetically modified organism; precautionary principle; right to a healthy environment; biosafety.

Для цитирования: Ульянов А.В. Проблемы правового регулирования использования генетически модифицированных организмов в сельском хозяйстве: на примере Мексики. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2022. – № 4. – С. 141–155.

DOI: 10.31249/tgpravo/2022.04.12

Мировой продовольственный кризис, усугубившийся в 2022 г., вынуждает применять средства повышения урожайности сельскохозяйственных культур. В современных условиях научно-технического прогресса одним из таких средств являются технологии применения генетически модифицированных организмов (далее – ГМО) в процессе сельскохозяйственного производства, в частности при культивировании генетически модифицированных (далее – ГМ-) растений. Речь идет об организмах, генетический материал которых был искусственно изменен при помощи методов генной инженерии, и эти изменения были бы невозможны в природе в результате размножения или естественной рекомбинации¹.

Радикальный и не полностью предсказуемый характер последствий генно-инженерных манипуляций, осуществляемых на фундаментальном уровне генома животных, растений и микроорганизмов, является поводом для многочисленных споров вокруг ГМО. Так, в сфере использования ГМО экономические интересы (доходность аграрного сектора) сталкиваются с интересами иного рода, которые заслуживают не меньшего внимания, а именно: экологическими (биологическое разнообразие, благоприятная окружающая среда и т.д.), жизненными (здоровье человека, животных и растений), нравственными (восприятие генной инженерии как недопустимого вмешательства человека в природу) и сугубо поли-

¹ При определении ГМО в данном обзоре за основу взяты материалы Всемирной организации здравоохранения (См.: Всемирная организация здравоохранения. Современная биотехнология производства продуктов питания, здоровье и развитие человека: исследование на основе фактов = Modern food biotechnology, human health and development: an evidence-based study / пер. с англ. Евгении Рябцевой. – URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/43195/9241593059_rus.pdf (дата обращения: 03.06.2022).

тическими (протекционизм в форме противодействия иностранным и транснациональным корпорациям, активно использующим ГМО, и продовольственная безопасность).

Приоритетные правовые возможности реализации интересов отражаются в принципах права, характеризующих подход субъекта правового регулирования к выбору законного интереса. В отношении применения ГМО правовые системы различных стран устанавливают *три базовых принципа права*:

– принцип существенной эквивалентности: ГМ-продукты являются такими же безопасными, как и обычные продукты питания, которые были выращены по традиционным технологиям, при условии, что по основным токсикологическим и питательным элементам они сравнимы с традиционными продуктами питания и что сама по себе генетическая модификация была безопасной. Следовательно, правовое регулирование отношений, связанных с ГМО, осуществляется исходя из научно подтвержденной информации о вредных последствиях от ГМО;

– принцип предосторожности, в силу которого научная неопределенность относительно вредных последствий от ГМО не может служить основанием того, чтобы меры предупреждения рисков были отложены. Согласно этому принципу введение ограничительных мер разрешается при наличии сомнений в отношении использования ГМО. По нормативному содержанию принцип предосторожности вступает в юридический конфликт с принципом существенной эквивалентности;

– принцип «трассируемости» (т.е. отслеживаемости) в сфере обращения с ГМО, требующий, чтобы была обеспечена возможность обнаружения ГМО и произведенных на их основе продуктов на всех стадиях реализации продукции на рынке, включая производство пищевой продукции и кормов [1, с. 22–23; 3, с. 161–163].

Указанные принципы права получают проявление и развитие в сочетаниях приемов регулирования, которые устанавливаются законодательством страны в отношении ГМО. Среди типичных приемов такого рода могут быть: а) публично-правовые, включая регистрацию ГМО и ГМ-продукции в специальных реестрах, маркировку и сертификацию ГМ-продукции, ограничение зон выращивания ГМ-культур, частичные запреты на применение ГМО, лицензирование деятельности с применением ГМО, процедуры

оценки безопасности ГМ-продукции; б) частноправовые, например, предоставление гражданско-правовой охраны результатам интеллектуальной деятельности в сфере генной инженерии, отношение ГМО или деятельности с ГМО к разряду источников повышенной опасности, страхование ответственности за причинение вреда от ГМО. Наряду с принципами права такие приемы входят в режим правового регулирования отношений, связанных с ГМО, складывающийся в каждой национальной правовой системе [1, с. 24–26; 2, с. 156–160].

Одной из стран, где формирование режима правового регулирования таких отношений порождает ряд проблем, является Мексика. Актуальные проблемы права, возникающие в Мексике в связи с использованием ГМО при выращивании сельскохозяйственных культур, изучаются учеными-юристами – профессором-исследователем Университета Анагуак (Мексика) Алисией Гутьеррес Гонсалес и Эрнесто Эрнандесом-Лопесом, профессором права Юридической школы Фаулера Университета Чепмена (США), – чьи статьи рассмотрены в данном обзоре. Как следует из их статей, установлению стабильного режима правового регулирования отношений, связанных с применением ГМО в сельском хозяйстве Мексики, мешают многолетние разногласия между защитниками экологических и экономических приоритетов, между ветвями государственной власти, а также между сторонниками идей государственного суверенитета и глобализации. ГМО являются камнем преткновения в этих спорах, последствия которых имеют свою специфику в условиях мексиканской правовой реальности.

Мексиканское право рассматривается юристами как правовая система, где преобладающая романская правовая традиция сочетается с заимствованиями из англо-американской юриспруденции (системы общего права), каковые видны на примере институтов конституционного права [7, р. 130–131]. Подобно всякому правопорядку из романской правовой семьи, мексиканское право выражается в нормативных правовых актах – его основных источниках, состав и содержание которых существенно изменились за последние десятилетия именно в части регламентации сельскохозяйственного применения ГМО. Например, в правовой литературе исследовано правовое регулирование по состоянию на

2005 г. [8, p. 125–155]. В статьях А. Гутьеррес Гонсалес [4] и Э. Эрнандеса-Лопеса [5; 6] анализируются современное состояние соответствующего мексиканского законодательства и практика его применения в области аграрных и экологических отношений.

Основы данных отношений регулируются Политической конституцией Мексиканских Соединенных Штатов¹ 1917 г. (далее – Конституция). А. Гутьеррес Гонсалес пишет, что с 1971 г. нормы об охране окружающей среды неоднократно вносились в Конституцию в форме поправок. В результате действующая редакция Конституции обеспечивает право на чистую и здоровую окружающую среду, понимаемое как право человека третьего поколения [4, p. 99]. Нормы ст. 4 Конституции провозглашают право каждого на охрану здоровья (абзац 3) и охраняют право каждого на окружающую среду, способствующую его развитию и благосостоянию (абзац 5). В то же время ст. 25 Конституции декларирует защиту и поддержку экономической деятельности частных лиц, с тем чтобы обеспечить национальное экономическое развитие (абзац 8). Эта поддержка предоставляется предприятиям, которые подчиняются требованиям, диктуемым общественными интересами для использования в целях общего блага производственных ресурсов при условии их сохранности и заботы об окружающей среде (абзац 6).

В развитие этих фундаментальных положений Конституция закрепляет условия их реализации. Так, абзац 1 п. 1 ст. 27 устанавливает, что государство имеет право в любое время наложить на частную собственность ограничения, обусловленные общественными интересами, а равно регулировать для достижения социальной выгоды использование природных ресурсов. На основании этой конституционной нормы власти Мексики обладают широкими полномочиями по регулированию деятельности, которая потенциально способна воздействовать на окружающую среду, с по-

¹Использование словосочетания «Политическая конституция» (Constitución Política) обусловлено особенностями испанского языка, в котором термин *constitución* может обозначать «устав», а также стремлением создателей включить в текст Конституции положения социально-политического характера (См.: Хабриева Т.Я. Мексика (Мексиканские Соединенные Штаты) : вводная статья // Конституции государств Америки : в 3 т. / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Т.Я. Хабриевой. – Москва, 2006. – Т. 1 : Северная и Центральная Америка. – С. 452).

мощью специальных федеральных законов, национальных стандартов или нормативных предписаний об использовании природных ресурсов [8, р. 126]. Кроме того, ст. 73 Конституции закрепляет компетенцию федеральных властей на указанное регулирование: Конгресс (законодательный орган) уполномочен принимать законы в области здравоохранения (абз. 1 п. 16), а также по вопросам взаимодействия органов власти в сфере сохранения и восстановления экологического баланса (п. 29-C и 29-G). Органы исполнительной власти имеют полномочия на введение санитарных мер и мер противоэпидемиологического характера (подпункты 2 и 3 п. 16).

С целью охраны экологических интересов Мексика на правах суверенного государства заключает международные договоры. Такого рода международным договором Мексики, касающимся ГМО, является Картахенский протокол по биобезопасности к Конвенции о биологическом разнообразии 2000 г. (далее – Картахенский протокол). С точки зрения Эрнесто Эрнандеса-Лопеса, Картахенский протокол представляет собой основной источник международных обязательств, затрагивающих ГМО (в частности, в нем прямо провозглашается принцип предосторожности) [6, р. 749]. Исполнению Мексикой ее обязательств по Картахенскому протоколу де-факто препятствуют международные экономические договоры, например, Соглашение трех стран – США, Мексики и Канады 2018 г.¹ (далее – Соглашение). Нормы Соглашения формально не запрещают Мексике применять ограничительные меры, которые вытекают из принципа предосторожности, в отношении ГМО. Взамен прямого запрета, правила, содержащиеся в гл. 3 Соглашения, посвященной вопросам сельского хозяйства, требуют, чтобы государство, применяющее ограничительные меры, опровергло аргументы хозяйствующего субъекта о безопасности ГМО. По существу, в угоду иностранным семеноводческим компаниям, использующим ГМО, эффективная реализация принципа предосторожности блокируется [6, р. 762–763].

¹ Tratado entre los Estados Unidos de América, los Estados Unidos Mexicanos y Canadá. – URL: <https://www.gob.mx/t-mec/acciones-y-programas/textos-finales-del-tratado-entre-mexico-estados-unidos-y-canada-t-mec-202730?state=published> (дата обращения: 25.06.2022).

Попытки властей Мексики установить разумный баланс международных обязательств по поводу ГМО проявляются во внутринациональных источниках права. Вместе с тем в мексиканском праве обнаруживается неурегулированность ряда существенных вопросов, связанных с применением мер предосторожности, из-за отсутствия необходимых норм в общих и специальных законах Мексики, что можно продемонстрировать на примере конкретных законодательных актов.

Так, Общий закон¹ об экологическом балансе и охране окружающей среды 1988 г.² (далее – Общий закон) устанавливает основы законодательного регулирования в области экологии. В отношении ГМО Общий закон определяет правовые условия разработки и реализации мер по сохранению биологического разнообразия и использованию «генетического материала» в Мексике. К данным правовым условиям относятся: требования к оценке воздействия на окружающую среду (далее – ОВОС) и оценке рисков; учреждение охраняемых территорий со специальными режимами управления, в том числе зон, свободных от использования ГМО, и механизмы принуждения. В ходе исследования ГМО процедуры ОВОС и оценки рисков проводятся совместно, так как хозяйственная деятельность, осуществляемая с использованием ГМО, потенциально влечет за собой нанесение вреда окружающей среде. Механизмы принуждения охватывают проведение административных проверок, применение административных санкций, осуществление консультаций с общественностью и подачу административных жалоб гражданами и коллективами. Однако в случаях использования ГМО возможность обращения частного лица с административной жалобой затрудняется из-за сложности предмета доказывания, предполагающей владение научными знаниями. Подобные проблемы с эффективностью применения характерны не только для Общего закона, но и для иных актов законодательства.

¹ Юридический термин «общий закон» в данном случае указывает на нормативный правовой акт, который в российской правовой традиции принято именовать «основами законодательства», т.е. на рамочный закон.

² Ley General de Equilibrio Ecológico y la Protección al Ambiente // Diario Oficial de la Federación. – 1988. – 28 de enero. – URL: <https://www.gob.mx/profepa/documentos/ley-general-del-equilibrio-ecologico-y-la-proteccion-al-ambiente-63043> (дата обращения: 27.06.2022).

Федеральный закон об охране здоровья растений 1994 г.¹ закрепляет общие фитосанитарные предписания и санкционирует национальные стандарты по охране растений в природе и в сельском хозяйстве, а также предусматривает требования в отношении импорта, мобилизации (транспортировки, переноса или перемещения из одного места в другое) и выпуска ГМ-растений в окружающую среду. Законодательные меры, вводимые указанным законом в отношении ГМО, включают создание Национального фитосанитарного консультативного совета (совещательного органа, наделенного правом давать экспертные разъяснения по вопросам охраны растений и вносить предложения касательно фитосанитарных правил и стандартов), фитосанитарное регулирование (фиксация нормативного основания для действия фитосанитарных правил и стандартов, фитосанитарная сертификация, проведение фитосанитарных кампаний, установление карантина) и установление мер принуждения, аналогичных тем, что применяются согласно Общему закону.

Федеральный закон о производстве, сертификации и коммерческом обороте семян 2007 г.² устанавливает обязательную сертификацию семян до их ввода в оборот, а также предусматривает обязательную маркировку семян. При этом в отношении ГМ-семян этот федеральный закон применяется субсидиарно – в дополнение к специальному закону, регулиющему вопросы обеспечения биобезопасности ГМО.

Функцию *lex specialis* в данной сфере выполняет *Закон о биобезопасности генетически модифицированных организмов 2005 г.*³ (далее – Закон о ГМО). В Законе о ГМО закрепляется правовой механизм обеспечения биобезопасности с целью исполне-

¹ Ley Federal de Sanidad Vegetal // Diario Oficial de la Federación. – 1994. – 5 de enero. – URL: <https://www.gob.mx/senasica/documentos/ley-federal-de-sanidad-vegetal-298752?state=published> (дата обращения: 28.06.2022).

² Ley Federal de Producción, Certificación y Comercio de Semillas // Diario Oficial de la Federación. – 2007. – 15 de junio. – URL: https://www.gob.mx/cms/uploads/attachment/file/551317/Ley_Semillas.pdf (дата обращения: 29.06.2022).

³ Ley de Bioseguridad de Organismos Genéticamente Modificados // Diario Oficial de la Federación. – 2005. – 18 de marzo. – URL: <https://www.gob.mx/profepa/documentos/ley-de-bioseguridad-de-organismos-geneticamente-modificados> (дата обращения: 30.06.2022).

ния обязательств Мексики по Картахенскому протоколу. Закон о ГМО направлен на унификацию положений о биобезопасности в упомянутых выше законодательных актах Мексики. Предметом регулирования Закона о ГМО являются отношения по производству, использованию и обороту ГМО.

На первый взгляд, Закон о ГМО основан на принципе предосторожности. Но в самом тексте закона указанный принцип провозглашен с оговорками о том, чтобы не нарушались международные (экономические) обязательства Мексики. Более того, по общему правилу, использование ГМО считается свободным, если иное не предусмотрено законом. В условиях действия многочисленных изъятий из принципа предосторожности, а также субсидиарного применения дозволений на использование ГМО возникает необходимость в государственном контроле биобезопасности и в предотвращении злоупотреблений.

Закон о ГМО называет органы государственной власти, ответственные за обеспечение биобезопасности ГМО – Министерство по вопросам окружающей среды и природных ресурсов (далее – Минприроды Мексики), Министерство по вопросам сельского хозяйства, животноводства, развития сельских районов, рыболовства и продовольствия (далее – Минсельхоз Мексики) и Министерство здравоохранения (далее – Минздрав Мексики), – разделяя компетенцию между ними. Минсельхоз и Минприроды Мексики имеют полномочия выдавать разрешения на выпуск ГМО в окружающую среду. Минздрав Мексики осуществляет регистрацию ГМО, необходимую для последующего использования ГМО и ГМ-продукции в специальных целях, связанных, в частности, с употреблением этих объектов людьми или животными. В том, что касается разграничения компетенции, устанавливается своеобразный механизм сдержек и противовесов. Так, Минсельхоз Мексики обладает полномочием дать разрешение на выпуск ГМО в окружающую среду после принятия во внимание резолюции, принятой Минприроды Мексики, о безопасности ГМО и об их потенциальном воздействии на биологическое разнообразие.

В соответствии с Законом о ГМО, на выпуск ГМО в окружающую среду выдаются *три вида разрешений* – экспериментальное, пилотное и коммерческое, административные процедуры выдачи каждого из которых отличаются. Однако во всех случаях

заявление о выдаче этого разрешения должно быть подкреплено исследованиями по ОВОС и оценке рисков. При принятии решения проверяется соблюдение *официальных мексиканских стандартов*¹ в сфере ГМО, к которым отсылает Закон о ГМО в части упоминания им руководящих принципов и правил оценки. Сам же Закон о ГМО не содержит предметных положений о критериях рисков от ГМО, в связи с чем он является, по сути, рамочным законом.

В соответствии с Законом о ГМО, подлежит ограничению использование ГМО в тех районах, где существуют виды организмов, неразрывно связанные с Мексикой («районах происхождения» – районах, в которых были одомашнены определенные виды организмов, и «районах генетического разнообразия», т.е. районах, где в диком виде обитают организмы, составляющие генофонд страны), а также на охраняемых природных территориях и в зонах производства органических продуктов. Так, зоны, где производятся органические продукты, объявляются зонами, свободными от ГМО, если в них не могут сосуществовать ГМО вместе с их аналогами естественного происхождения. Эти зоны создаются решением Минсельхоза Мексики, но административная процедура вынесения указанных решений является политизированной и сложной, так как включает в себя принятие единогласного решения властей штата и муниципальных властей относительно определения соответствующих зон. Что касается «районов происхождения», то трудность их учреждения заключается в отсутствии механизмов, побуждающих к поиску таких районов.

Законоположения о зонах, свободных от ГМО, как и концепция Закона о ГМО, отражают законный интерес в правовой охране натуральных, т.е. местных, сортов кукурузы. Как указывает

¹ Официальный мексиканский стандарт (Norma Oficial Mexicana) – технический регламент, действующий на территории Мексики. Этот нормативный документ имеет обязательную силу и устанавливает такие требования (правила, спецификации, атрибуты, руководящие принципы, характеристики или предписания), которые применяются к продукту, процессу, установке, системе, деятельности, услуге или способу производства или эксплуатации, а равно такие, которые касаются терминологии, символики, упаковки, маркировки или этикеток, и такие, которые относятся к соблюдению или применению упомянутых требований.

А. Гутьеррес Гонсалес, кукуруза является именно той культурой, ГМ-сорта которой не могут сосуществовать с ее сортами естественного происхождения на одной территории [4, р. 105]. В итоге активное выращивание ГМ-кукурузы порождает угрозу для биоразнообразия сортов этого злака (при том, что он имеет для мексиканцев значение национального достояния во всех аспектах – историческом, культурном, религиозном, экономическом и пр.). В связи с этим власти Мексики сделали в рамках механизма посредничества по биобезопасности (Biosafety Clearing-House) официальное заявление¹ о том, что ими принято решение ограничивать использование ГМ-кукурузы. Однако на практике законодательством Мексики не обеспечивается эффективная правовая охрана биобезопасности в отношении местной кукурузы [4, р. 107–110].

Столь же критически к мексиканскому законодательству о ГМО относится Э. Эрнандес-Лопес. По его мнению, Закон о ГМО отменил фактический мораторий на применение ГМО при выращивании кукурузы, ранее действовавший в Мексике, а также упростила процедуры, гарантирующие охрану окружающей среды и биоразнообразия. В частности, критерии для оценки риска от ГМО в данном законе четко не определены. Из принципа предосторожности имеется такое значительное количество исключений, что реализация указанного принципа, по существу, отнесена к усмотрению компетентных властей. В Законе о ГМО подразумевается необходимость минимизировать ситуации, требующие применения ограничительных мер во исполнение принципа предосторожности, и это наиболее отчетливо демонстрируется на примере выращивания кукурузы. Препятствия к введению ограничительных мер благоприятствуют иностранным компаниям, которые заинтересованы в том, чтобы культивировать ГМ-кукурузу [5, р. 101–103].

Из материалов Э. Эрнандеса-Лопеса следует, что государственная поддержка деятельности иностранных компаний, которые

¹ Statement by Mexico on transgenic maize with properties that limit its consumption as food. – 2005. – 5 June. – URL: <https://bch.cbd.int/api/v2013/documents/BCH-71491abc8c3d439d197389513f615a5b/attachments/202/STATEMENT%20BY%20MEXICO%20ON%20TRANSGENIC%20MAIZE%20WITH%20PROPERTIES%20THAT%20LIMIT%20ITS%20CONSUMPTION%20AS%20FOOD.pdf> (дата обращения: 05.07.2022).

импортируют и используют ГМО и культивируют ГМ-кукурузу, воспринимается как проявление колониальности (искусственно замаскированного колониализма) в ее новом формате – в виде экономического неолиберализма и глобализма. При данных обстоятельствах общественное движение против использования ГМО в сельском хозяйстве, в частности против выращивания ГМ-кукурузы, становится борьбой против колониализма и за государственный суверенитет Мексики. Это сопротивление уходит корнями в революционные процессы в Мексике, которые происходили в начале XX в., когда концепция политической самостоятельности Мексики была надежно сфокусирована на протекционизме в сельском хозяйстве. Вместе с тем сторонники ГМО используют существенные аргументы об угрозе голода и роста цен на продовольствие в случае широкого внедрения ограничений на ГМ-продукцию. С точки зрения автора, антиколониальная концепция, скорее, предполагает взвешенный подход и исключает радикальные решения как в плане дозирования, так и в плане запретов на использование ГМО в сельском хозяйстве. С 2018 г., после кадровых изменений в органах государственной власти Мексики имели место отдельные признаки осторожного изменения политического курса в сторону поддержки биоразнообразия и национальных сельскохозяйственных производителей. В частности, был принят *Федеральный закон о развитии и защите местной кукурузы 2020 г.*¹, определяющий организационные основы выработки государственной политики по вопросам сохранения сортов кукурузы, имеющих местное происхождение и не культивируемых при помощи ГМО. Но этот федеральный закон не вводит новые ограничительные меры и не ужесточает правовой режим использования ГМО в сельском хозяйстве [5, p. 99–101, 105–106].

В условиях отсутствия надлежащего административного контроля властей за использованием ГМО, выразившегося в выдаче разрешений на выпуск ГМО в окружающую среду без реальной предварительной оценки всех рисков от ГМО, заинтересованные лица были вынуждены прибегнуть к средству защиты, более ха-

¹ Ley Federal para el Fomento y Protección del Maíz Nativo // Diario Oficial de la Federación. – 2020. – 13 de abril. – URL: <https://www.gob.mx/senasica/documentos/ley-federal-para-el-fomento-y-proteccion-del-maiz-nativo-299053?state=published> (дата обращения: 08.07.2022).

рактерному для американского права, – коллективному гражданскому иску об охране окружающей среды. Группа из 53 истцов, которую Эрнесто Эрнандес-Лопес условно именуется «Кукурузным коллективом», обратилась в суд иском к Минсельхозу и Минприроды Мексики о приостановлении выдачи коммерческих разрешений на выпуск ГМО (ГМ-кукурузы) в окружающую среду. В обоснование требований истцы указывали на необходимость защиты биоразнообразия, находящегося под угрозой из-за широкомасштабного выпуска ГМ-кукурузы в окружающую среду. В процессе рассмотрения иска перед судом были поставлены вопросы о том, имело ли место незаконное культивирование ГМ-кукурузы в Мексике и будет ли разрешено ее коммерческое выращивание [6, р. 726–727, 755–758].

По поводу движения дела Э. Эрнандес-Лопес пишет, что в 2013 г. суд первой инстанции вынес решение, которое после пересмотра вышестоящими инстанциями в итоге осталось в силе. Этим судебным актом была установлена предварительная (обеспечительная) мера – запрет на выдачу разрешений на выпуск ГМ-кукурузы в окружающую среду. Суд мотивировал принятое решение тем, что: а) в Мексике имел место несанкционированный выпуск ГМ-кукурузы в окружающую среду в результате несанкционированных действий, происходивших в местах, где такой выпуск не был разрешен законом; б) этот выпуск ГМ-кукурузы в окружающую среду повлек за собой нарушение законных интересов, таких как права человека и интересы в сфере сохранения, устойчивого использования и биоразнообразия местной кукурузы; в) всякое коммерческое разрешение на ГМ-кукурузу выйдет за пределы ограничений, которые установлены в соответствии с Законом о ГМО, и нарушит указанные законные интересы. Окончательное решение по делу должен принять Верховный суд Мексики [6, р. 759–763].

По сути, гражданское дело о выращивании ГМ-кукурузы переросло в спор о разграничении компетенции между органами государственной власти Мексики. Меры против выпуска ГМ-кукурузы в окружающую среду могут иметь конституционно-правовое основание в виде правил об охране государственного суверенитета Мексики [6, р. 759, 761, 764]. Э. Эрнандес-Лопес указывает на основные вехи формирования концепций, оправдывающих суверен-

ные права мексиканских властей на защиту биоразнообразия и координирующих действие норм конституционного права Мексики и международного экологического права в указанной сфере [6, р. 764–772]. Так, государственный суверенитет становится возможным противовесом колониальности как влиянию иностранных держав на мексиканское общество, особенно в экономическом, политическом и духовно-нравственном аспектах. В том, что касается ограничений на использование ГМ-кукурузы, интересы, связанные с укреплением государственного суверенитета, совпадают с интересами экологическими. При этом возникает неопределенность в вопросе о пределах контроля органов судебной власти в сфере осуществления прерогатив законодательной и исполнительной власти [6, р. 778, 782].

Исходя из существующего положения дел и противоречивых аргументов, Э. Эрнандес-Лопес определяет сложившийся в Мексике правовой режим сельскохозяйственного использования ГМО следующим образом. Выращивание ГМ-кукурузы по мексиканскому праву является незаконным, однако выращивание прочих ГМ-культур, а также использование ГМ-продукции соответствуют закону. Такой временный правовой режим в будущем может быть изменен в сторону смягчения ограничений использования ГМО. Политическое решение о таком изменении должно быть суверенным выбором Мексики [6, р. 731, 781–783].

Итак, на сегодняшний момент мнения мексиканских правоведов сходятся в том, что неперенным условием введения свободного сельскохозяйственного использования ГМО на общих основаниях является отсутствие реальных рисков для окружающей среды и здоровья человека. При ином подходе власти Мексики жертвовали бы охраняемыми законом публичными интересами ради достижения сугубо утилитарных (экономических) целей. Выбор экономических интересов в качестве приоритета принципиально возможен в случае угрозы голода, влияние которой на перспективы использования ГМО в сельском хозяйстве должно быть предметом дальнейших правовых исследований.

Список литературы

1. Анисимов А.П., Попова О.В. Правовое регулирование использования ГМО в сельском хозяйстве: дискуссионные вопросы // Вестник Балтийского феде-

- рального ун-та им. И. Канта. Сер. Гуманитарные и общественные науки. – 2017. – № 3. – С. 21–29.
2. Бикбулатова Ю.С., Дупан А.С. Инструменты правового регулирования геномных исследований и стимулирования коммерциализации их результатов в законодательстве зарубежных стран // Закон и право. – 2020. – № 12. – С. 155–161.
 3. Чуйко Н.А. Основные подходы к регулированию генетически модифицированных организмов в международной практике // Сибирский юридический вестник. – 2011. – № 1. – С. 160–165.
 4. Gutiérrez González A. The right to a clean and healthy environment: GMOs in Mexico and the European Union // Mexican law review. – 2019. – Vol. 11, N 2. – P. 91–113.
 5. Hernández-López E. GMO Corn in México: Precaution as law's decolonial option // Law, Technology and Humans. – 2020. – Vol. 2, N 2. – P. 97–113.
 6. Hernández-López E. GMO Corn, México, and coloniality // Vanderbilt journal of entertainment & Technology law. – 2020. – Vol. 22, N 4. – P. 725–783.
 7. Human germline genome modification and the right to science: A comparative study of national laws and policies / ed. by A. Boggio, C.P.R. Romano and J. Almqvist. – Cambridge ; New York, 2020. – 636 p.
 8. Mexico's Environmental law in the GMO Era / Gloria Hagelsieb [et al.] // Mexican Law Review. – 2008. – Vol. 1, N. 1. – P. 121–156.

ОТРАСЛЕВЫЕ НАУЧНЫЕ ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ТЕОРИЯ ПРАВА

УДК 34.01; 340.5

DOI:10.31249/rgpravo/2022.04.13

ЧЕТВЕРНИНА Т.Я., ЧЕТВЕРНИНА А.В.¹ «ПРАВО В КНИГАХ»: НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ПРАВА. (Обзор).

Аннотация. В обзоре представлены работы российских и зарубежных ученых по теории и истории государства и права, опубликованные за последние три года. Теория права является первой специальной юридической дисциплиной для начинающего студента-юриста. С теории права начинается погружение в профессию будущего юриста, которая формирует его индивидуальный ценностный подход к праву. На догматических конструкциях, изучаемых теорией права, строится материал юридических дисциплин, выбор того или иного подхода к праву, предопределяющего специализацию юриста и его карьеру. В этом контексте интерес представляют коллективная монография «В поисках теории права», монография доктора Дж. Мусуракиса «Сравнительное правоведение и правовые традиции», а также монография Р.А. Ромашова «Политогенез: Храм – Полис – Государство – State».

Ключевые слова: теория права; правовые традиции; догматическая теория права; модернистские и постмодернистские теории прав; источники права; типологизация государства; правовой реализм; сравнительное правоведение.

¹ Четвернина Татьяна Яковлевна, доктор экономических наук; Четвернина Александра Владимировна, научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН.

CHETVERNINA T.Ya., CHETVERNINA A.V. «Law in books»: scientific approaches to modern theory of law. (Review).

Abstract. The review presents the works of Russian and foreign scholars on the law theory and law history published for the last three years. As far as the theory of law (Legal Law) is the first special discipline for the beginning students, with the theory of law begins the immersion into the profession of the future lawyer which forms his individual value approach to the law. On the dogmatic constructions studied by the theory of law, the material of legal disciplines is built, the choice of one or another approach to the law, predetermines the specialization of the lawyer and his career. In this context the special of interest are the collective monograph «In Search of the Theory of Law»; Dr. J. Mousourakis' monograph «Comparative Law and Legal Traditions» and R. Romashov's monograph «Politogenesis: Temple – Polis – “Gosudarstvo” – State».

Keywords: theory of law; legal traditions; dogmatic theory of law; modernist and postmodern theories of law; sources of law; typologization of the state; legal realism; comparative law.

Для цитирования: Четвернина А.В., Четвернина Т.Я. «Право в книгах»: научные подходы к современной теории права. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2022. – № 4. – С. 156–169. DOI: 10.31249/rgpravo/2022.04.13

В предисловии к монографии «В поисках теории права» [1] отмечается, что новые подходы и доктрины формируются под влиянием теоретических знаний, полученных из предыдущего опыта и практики, а также современного эмпирического знания, кажущегося неиссякаемым с развитием интернет-ресурсов. Однако при переходе от эмпирической информации к теоретическим обобщениям нередко возникает модель реальности, противоречащая человеческому опыту. В результате формализации знаний создается особый теоретический язык и новая теория, которая может иметь отношение не к реальности, а представлять собой сконструированную «авторскую модель реальности». Эту новую модель могут не воспринимать практики с позиции рационального применения в юриспруденции. В результате научные концепции, иногда даже тщательно проработанные, развиваются в узких кру-

гах, независимо от юридического опыта и юридической практики. Поэтому не удивительно, что у юристов-практиков, а особенно у студентов юридических факультетов, бытует мнение, что теория права не имеет отношения ни к изучению отраслевых юридических дисциплин, ни к их будущей профессиональной деятельности.

«Нет ничего практичнее хорошей теории», которая позволяет выявить скрытую сущность происходящих правовых явлений, утверждают ученые [1, с. 8]. Объяснения и предвидение являются едва ли не основными для постклассической правовой науки. С теории права начинается погружение в профессию юриста; на догматических конструкциях, изучаемых в теории права, строится материал всех юридических дисциплин; теория права закладывает ценностный доход к праву в будущей профессиональной деятельности [там же].

В статье доктора юридических наук Л.И. Глухаревой «Догматическая теория права: отживающее знание или неоскудевающий источник юридической практики» [1, с. 78–92] отмечается, что «на фоне классических, модернистских и постмодернистских теорий догматическое знание выглядит архаично». Но это вполне объяснимо, поскольку догматическое знание насчитывает почти тысячелетнюю историю развития и за этот многовековой период не могло не спровоцировать критику своих непримиримых научных оппонентов. Вместе с тем по «филигранности и отточенности собственных формул и схем, к которым так стремится научная мысль», догматика может конкурировать с современными научными конструкциями. Как знание и способ мышления, догматика справедливо характеризуется как практическое искусство [1, с. 78].

Юристы-ученые нередко отождествляют догматику и юридическое познание в целом, приводят признаки отсутствия у догматического мышления качеств «научности». Другие, напротив, полагают, что догматика выявляет логику позитивного права и на этой основе может создаваться модель государства и права как единая и непротиворечивая система. А это может совершить только научная мысль [1, с. 78–80].

Автор рассматривает догматическое знание как самостоятельное направление научной мысли. Создаваемые догмы используются законодателями для конструирования новых правовых

норм, а правоприменителями – для толкования действующих норм. Выявив логику позитивного права, догматика создает модель государства и права как единую и непротиворечивую нормативную систему. *А это может осуществить только научная мысль.* Дополнительными аргументами в пользу «научного статуса» догматики является наличие у нее собственных философских и методологических оснований: «догматика, прежде всего, является систематизирующей наукой, а догматическое знание обладает целым рядом устойчивых характеристик, являющихся следствием формальной логики, юридической логики. Это позволяет выявить и классифицировать признаки догматического мышления с разных сторон, включая специфические признаки, характерные только для догматической юриспруденции [1, с. 85]. По мнению ученых, догматическое знание является самостоятельными направлениями научной мысли. Л.И. Глухарева приводит дополнительные аргументы в подтверждение этой позиции. Во-первых, в процессе догматического поиска создается специфический интеллектуальный продукт – догма права, а итогом догматического мышления является нахождение рациональных оснований (моделей, правил) для системного построения позитивного права. Во-вторых, научный потенциал самой догмы состоит в том, что конструкции, определения и принципы создают алгоритмы, позволяющие в единой логике и четких границах сформировать систему позитивных норм. По мнению Л.И. Глухаревой, та часть догматического знания, которая формирует («творит») догму, вполне может считаться научной, а та часть, где на основе догмы вырабатываются позитивные нормы – инструментально-технологической [1, с. 81]. Также не следует забывать, что именно догматические подходы сформировали язык юристов, создали категориальный аппарат, алгоритмы аналитического мышления, разграничили отраслевые юридические науки. Поэтому *мыслить юридически – значит мыслить понятиями.*

Некоторые характеристики догматического знания являются основанием для критики. Например, мнение о том, что размещение правовой догмы в рамках юридического позитивизма ограничивает мыслительный кругозор юриста, не стимулирует его к критическому мышлению, превращает юристов в консерваторов. Есть и противоположная точка зрения, которая фиксирует такие пози-

тивные особенности догматического знания, как логическая завершенность, строгость понятийного аппарата, емкость суждений, не допускающие нескольких толкований, и др. «Язык правовой догмы демонстрирует ее филигранную тонкость в отражении юридического мира, порождает ощущение изящества и научной аристократичности». Поэтому юридическая догматика по-прежнему занимает достойное место в ряду современных теорий права [1, с. 92–93].

По мнению доктора юридических наук И.Л. Честнова, автора статьи «Теория права в эпоху пост-модерна» [1, с. 47–58], главная проблема современной теории права состоит в ее оторванности от практических нужд отраслевых и специальных юридических дисциплин и через них – от практики. От теории права по-прежнему продолжают ожидать «научно обоснованной догматики», общеюридического понятийного аппарата, обеспечивающего смысловое единство юриспруденции в эпоху плюрализма. Но такие ожидания завышены, создание универсальной, содержательно завершенной и непротиворечивой системы невозможно. Принципом построения современного мира и науки выступает неопределенность, а ограниченность или ограничения науки стали главным открытием постмодернистской эпистемологии. Все это, именуемое «ситуацией постмодерна», не может не влиять на состояние теории права. В начале нового столетия происходит разочарование в постмодернизме. С точки зрения И.Л. Честнова, проблема состоит не в том, что не существует никакого общепризнанного понимания постмодерна, а в том, что многие ученые отказались от данного термина и стало ясно, что постмодернизм находится в шатком положении, а сторонники постмодернизма, во многом справедливо критикуя эпоху модерна, не предлагают новые конструктивные теории с «позитивным» содержанием [1, с. 47–49].

Практический поворот применительно к теории права и ко всей юридической науке означает новое прочтение роли юридической практики и юридической техники как структуры юридически значимой деятельности. *Юридическая техника* – это грамматика юридической практики, а не инструмент, прилагаемый к деятельности правоприменителя. Это есть сама юридическая жизнедеятельность [1, с. 54, 55]. *Норма права* – это не просто формулировка статьи юридического текста или нормативного правового акта, а

формулировка, воспроизводимая социальным представлением и массовым действием (практиками) различных слоев населения. Система права с конструктивистской точки зрения – это деятельность человека (субъекта) как носителя правового статуса по созданию и воспроизводству правовых норм, правовых институтов. Центральным элементом системы права является не норма права, а человек, формирующий и воспроизводящий нормы права. Элементами системы права являются люди (субъекты права) и их представления о социально значимом поведении, а точнее – правовая культура, объективированная в нормы права и массовое поведение людей, которая воспроизводит (традиционно или инновационно) нормы права [1, с. 57]. Подводя итог, И.Л. Честнов отмечает необходимость использования «человеко-центристского» подхода к измерению права, который позволит приблизить современную юриспруденцию к практическим нуждам человека. Это расширит предметную область теории права, но также позволит преодолеть ее оторванность от практических нужд общества эпохи постмодерна [1, с. 58].

Е.Н. Тонков в статье «Актуализация концепции российского правового реализма» [1, с. 94–122] рассматривает российский правовой реализм и как направление в теории права, и как самостоятельный феномен, наряду с американским и скандинавским правовым реализмом. Американский правовой реализм отрицает значимость текста закона в пользу «закона в действии». Предполагалось, что законы существуют посредством их применения в обществе, а смысл закона определяется его фактическим применением. Из этого следовало, что судья обязан быть «политиком», так как, приводя закон в действие, он совершает нормотворчество.

Существующий в романо-германской правовой семье количественный перевес законов как источников права свидетельствует о доминирующей роли законодательного органа государства по отношению к населению. Англо-американская правовая история свидетельствует о преобладании судейского мнения: число судей в десятки раз превышает численность членов законодательного органа.

Автор отмечает, что термин «правовой реализм» возник в ходе научных дискуссий между К. Ллевеллином (K. Llewellyn) и Р. Паундом (R. Pound) в 30-е годы прошлого столетия; позднее к

ним присоединился Дж. Фрэнк (J. Frank). В процессе обсуждения были сформулированы основные идеи *американского правового реализма*. Несмотря на различия в подходах в видении концепции права, между ними есть и общие черты. Для Дж. Фрэнка «нормы, установленные судами, статутами, мнениями юристов в книгах являются не правом, а только источником права среди множества других источников. Право же состоит из решений, а не из норм. Когда судья разрешает дело, он творит право» [1, с. 102].

По мнению Е.Н. Тонкова, недостатком концепции американского правового реализма является зависимость решения правоприменителя от произвольного выбора их обоснований, субъективизм в выборе источников права и решающих аргументов [1, с. 103]. В концепции скандинавского правового реализма действующим правом является право, которое применяют судьи. Решения судей воспринимаются как устанавливающие не только вопросы факта, но и вопросы права и его конкретного применения. Скандинавская школа правового реализма рассматривает право таким, какое оно есть в правовой реальности. То есть право – это не совокупность правовых норм, закрепленных в нормативных правовых актах, а акты толкования, осуществленные правоприменителями. Право – это факт и окружающая нас юридическая реальность [1, с. 105]¹.

Д.Е. Тонков, анализирует классические направления правового реализма – *американский* и *скандинавский* [1, с. 151–159]. При всех внутренних и внешних различиях данных направлений, у них есть общее начало – глубокое пересекающееся взаимовлияние права и политики в широком смысле слова; оба направления имеют общее представление о соотношении права и политики. По мнению Д.Е. Тонкова, это направление является альтернативой взглядам правового позитивизма и естественного права, отстаи-

¹ Феномен *Russian Legal Realism* впервые был представлен на международной конференции в Хельсинки в октябре 2012 г. В следующем году (2013) вышла монография на русском языке «Толкование закона в Англии», содержащая компаративный анализ английской и российской доктрин толкования закона. Одна из статей монографии «Российский правовой реализм и его влияние на концепцию толкования» была написана российским ученым – Е.Н. Тонковым. Позднее была опубликована книга К. Hendley «Everyday Law in Russia» (New York : Cornell University Press, 2017).

вающим общую идею «устойчивости» (rigidity) права по отношению к политике [1, с. 152]. В отличие от позитивизма, правовые реалисты считали, что устойчивая природа права существует только частично, и создали гибкую «перекрестную» (intersecting) модель, соединившую основные американские и скандинавские реалистические идеи взаимодействия правового феномена с политическим.

Соотношение права и политики нашло отражение в американском правовом механизме, в котором вокруг нормативного ядра существует «мир политики» [1, с. 152]. Американские реалисты рассматривали право как сочетание решений судов (нормативных элементов) и поведение судей (социо-психологических элементов). Они полагали, что устойчивость права по отношению к политике заложена в исходной посылке: право состоит не только из «бумажных норм» («paper rules»), но и из «реальных норм» («real rules»). Право является результатом работы судов и их решений по конкретным делам. Такое понимание права, считает Д.Е. Тонков, ведет к отрицанию возможности выделить правовые основы в мире ценностей, а устойчивость права обеспечивается тем фактом, что правовые нормы и концепции являются продуктом особенных лиц (судей). «Особенность» судей связана с процессом их отбора и практикой, позволяющими им в значительной степени абстрагироваться от политических оценок. Именно у судей существует возможность внедрить в общество «противоположные ценности» что определяет одну из черт права – «лингвистическую неоднозначность». Причина неоднозначной природы правового языка состоит в том, что используемые судьями правовые концепции могут найти объяснение в огромном количестве прецедентов, в методиках оценки этих прецедентов и в нормах, утвержденных властями. Приводится цитата Р. Дворкина: «Лучшая из версий правового реализма предполагает, что точное значение правового высказывания – условие, при котором юрист посчитает высказывание верным, – зависит от контекста» (Dworkin R.M. Law's Empire. Цит. по: 1, с. 153). Тем не менее американские правовые реалисты считали, что право занимает устойчивую позицию по отношению к миру ценностей. Эта позиция основывается на возможности судьи выбирать между разными нормативными категориями, а не между разными ценностями.

Одной из центральных задач правового реализма, считает Д.Е. Тонков, является повышение предсказуемости или «вычисляемости» судебных решений. Американские правовые реалисты связывают устойчивость права по отношению к политике потому, что право определяют судьи, которые допускают применение в праве ценностей политического мира. Но только при условии, что эти ценности принимают форму правовых концепций и категорий [1, с. 154]. Скандинавские правовые реалисты избрали более традиционный путь концептуального анализа, сосредоточившись на категориях, конституирующих сущность права («права», «обязанность», «собственность, вред и т.п.»). В итоге были сконструированы две конкурирующие идеи природы права. В первой из них правовые концепции и категории отделены от системы политических ценностей. В этом случае правовые нормы характеризуются не соответствием ценностным задачам, а своей функцией. Вторая идея связана с тем, что право только частично устойчиво к политическому миру, что право обязывает конкретное общество к определенному поведению до тех пор, пока оно действительно. Правовая норма или концепция считается действующей с момента, когда они признаются «социально обязывающими» [1, с. 155–157].

Подход американских и скандинавских правовых реалистов к соотношению права и политики можно рассматривать как альтернативу традиционному двухвариантному видению: «права как политика» (теория естественного права), «либо право, либо политика» (правовой позитивизм). Д.Е. Тонков характеризует такое соотношение как «перекрестное», поскольку и те, и другие рассматривали право и политику как «пересекающиеся феномены», а также формулирует три основополагающих тезиса: 1) правовые реалисты осознавали наличие нормативного ядра и акторов права, использующих независимые от политики методы обоснования. То есть все то, что формирует «устойчивость права»; 2) правовые реалисты признавали, что размытость границ между миром права и миром политики делает устойчивость права лишь частичной; 3) в противоположность естественно-правовым теориям реалисты считают, что право только частично сталкивается с политикой, а не полностью встроено в нее [1, с. 157].

Д.Е. Тонков отмечает основное различие между позитивистами и правовыми реалистами: позитивисты считают, что политические цен-

ности трансформируются в правые категории до того, как эти категории входят в правовой мир. По мнению правовых реалистов, право является чем-то большим, чем логическая и закрытая система норм, закрепленных на бумаге (law in book). По сути, реалисты заявляют, что право представляет собой эмпирический феномен, состоящий из комбинации человеческого поведения и превалирующих идей о сущности права (law in action). С точки зрения общего для теории и философии права методологического критерия классификации типов правопонимания, классический правовой реализм (американский и скандинавский) следует отнести к реалистическому типу позитивистского правопонимания [1, с. 159].

В монографии Дж. Мусуракиса «Компаративное право и правовые традиции» [2] отмечается, что термин «сравнительное правоведение» не обозначает конкретную отрасль позитивного права или свод правил, регулирующих определенную сферу общественной деятельности. Сравнительное правоведение предполагает изучение и сравнение правовых систем с целью получения знаний, которые могут быть использованы для теоретических и практических целей. Иными словами, сравнительное правоведение – это «интеллектуальная деятельность, объектом которой является право, а процессом – сравнение» [2, р. 2].

Сфера применения сравнительного правоведения чрезвычайно широка, его предмет никогда не может быть изучен исчерпывающим образом, поскольку трудно представить все возможные цели и аспекты юридического сравнения. Например, в XIX в. внимание компаративистов было сконцентрировано на историческом развитии правовых систем с целью выявить общие закономерности правового прогресса («поиск идеи права в рамках правовых систем»). Еще в конце XIX в. французские ученые Э. Ламберт и Р. Салейль, движимые универсалистским видением права, выступали за поиск того, что они называли «общий набор правовых решений» из всех передовых правовых систем мира. Эта идея обсуждалась на Первом Международном конгрессе сравнительного права (Париж, 1900), на котором «оформился» взгляд на сравнительное правоведение как на «независимую и предметную науку», занимающуюся раскрытием закономерностей правового развития, общих для всех развитых стран [2, р. 2]. По мнению автора, такой подход повлек за собой смещение акцента со сравнительного пра-

воведения как самостоятельной дисциплины на использование сравнительного метода в изучении права. В соответствии с таким подходом «сравнительная история права» фокусировалась на эволюции правовых норм и институтов в различных системах; «законодательное сравнительное право» – на процессе, посредством которого иностранные законы используются для разработки новых национальных законов; сравнительная юриспруденция – на содействии философу-юристу в построении абстрактных теорий права, а историку права – в исследовании происхождения и развития правовых концепций и институтов [2, р. 5].

Особенность сравнительного правоведения, понимаемого как метод, связана с тем, что она может быть применена ко всем видам и областям юридического исследования. Сравнительное правоведение может в равной степени охватывать область и публичного, и частного права, использоваться философом-юристом, историком права, судьей, практикующим юристом и преподавателем права, и студентом. Иными словами, сравнительное правоведение можно рассматривать и как метод, и как науку в зависимости от целеполагания конкретного юриста.

Несмотря на значительный рост транснациональных и международных правовых порядков в последние десятилетия, право остается национальным явлением. Юрист, в отличие от врача, математика или физика, решает свои профессиональные задачи в рамках своей собственной юрисдикции. Судебные решения в большинстве своем основаны на национальном законодательном или прецедентном праве. Иностранные законы не имеют обязательной силы и не применяются национальными судами. То же самое относится и к большей части современных юридических наук, которые продолжают сохранять национальный характер. Но так было не всегда. Как показано в книге «Компаративное право и правовые традиции», в эпоху Возрождения римское право изучалось и преподавалось *единообразно* в крупнейших университетах континентальной Европы. Для юристов того периода правовой партикуляризм представлял собой зло, которое они пытались устранить, приняв римское право в качестве общей основы европейской юридической науки. При выполнении своих задач юристы изучали и сравнивали разнообразные правовые нормы и системы, включая римское и каноническое право, германское обычное право,

племенные и феодальные режимы, библейские заповеди и предписания естественного права. Их теории основывались на предположении об универсальном социальном консенсусе, выраженном в идее рационального закона. Литература, созданная средневековыми и более поздними юристами, легла в основу того, что позднее стало известно как общее право континентальной Европы [2, р. 7].

Возникновение национальных государств в XVIII–XIX вв. и последующее движение за кодификацию положило конец правовому единству в Европе и универсальности европейской юридической науки. Право стало рассматриваться как преимущественно национальное явление. [2, р. 7]. Национализм, историзм и рост кодификации создали доктрину источников права, которая, как правило, исключала правила и решения, не получившие прямого признания со стороны национального законодателя или национальной судебной системы. Рост национализма и юридического позитивизма способствовал сосредоточению внимания ученых на их собственных национальных правовых системах и на их печатных юридических текстах.

Сравнительное правоведение тесно связано с различными областями юридических исследований, но прежде всего, с историей права, философией (теорией права), социологией права, международным публичным правом и международным частным правом [2, р. 11,13]. Одной из его основных задач является анализ базовых элементов права, которые отличают его от других систем, правил и стандартов и других социальных явлений. Дж. Мусуракис выявляет различия между нормативистскими (логическими), социологическими и аксиологическими (оценочными) теориями права. Ученые и эксперты сходятся во мнении, что сравнительное правоведение имеет большое значение для эмпирической проверки положений юридической теории. Однако отправной точкой сравнительного правоведения является выявление общих социальных проблем в различных правовых системах [2, р. 15].

В теории государства и права важное место занимает метод исторической типологизации государства, позволяющий проследить изменения «функциональной» сущности государства и права, оценить естественно-исторический процесс в развитии политико-правовой организации общества. Этой теме посвящена статья

Р.А. Ромашова «Государство, право, конституционализм в России: реальность и иллюзорность права» [1, с. 123–150].

Традиционно при типологизации государства используются формационный и цивилизационный подходы. По мнению Р.А. Ромашова, преимуществом использования *формационного подхода* является его конкретность, позволяющая четко обозначить основные исторические типы государственно-политических систем. В качестве недостатков – догматичность и односторонность, связанная с тем, что за основу взят только один критерий – экономический. *Цивилизационный подход*, напротив, позволяет избегать односторонности, так как рассматривает государственное развитие через все формы человеческой деятельности (трудовую, политическую, социальную). Тип государства при таком подходе определяется не столько объективно-материальными, сколько социокультурными факторами. Но у этого подхода также есть недостатки, прежде всего – неоднозначность интерпретации самого феномена «цивилизация», а также отсутствие четких критериев отнесения того или иного государства к определенному политико-правовому типу. Например, в сравнительном правоведении понятию «цивилизация» в наибольшей степени соответствует понятие «правовая семья».

С точки зрения профессора Р.А. Ромашова, на современном этапе теоретическое и практическое значение приобретает концепция циклической (волновой) типологии государства. Эту мысль автор развивает в своей монографии «Политогенез: Храм – Полис – Государство – State» [3], где формулируется авторское понимание *политогенеза, как процесса формирования государства. Это – анализ государства в комплексе истории, теории, праксиологии. Автор предпринял попытку «отойти, насколько это возможно, от идеологических штампов и рассмотреть государство в контексте теоретической концепции реалистического позитивизма, суть которой заключается в неразрывном единстве юридической формы с историческим и социально-психологическим содержанием»* [3, с. 12].

В первой главе монографии Р.А. Ромашов уточняет, что *«политогенез обозначает возникновение, становление и развитие политической системы общества от предгосударственных форм к государственным, развитие политической подсистемы общества,*

которая в дальнейшем может перерасти в государство либо его аналог» [3, с. 23]. И далее рассматривает *политогенез* в качестве комплексного явления, характеризующего собой процесс образования государства как завершенной социальной конструкции человеческой организации и публичной власти. Данный вид автор условно называет «*первичным политогенезом*». Соответственно, «*вторичным политогенезом*» обозначается процесс государственной трансформации, в ходе которого качественным образом преобразуются традиционные государственные институты и происходит изменение восприятия социальной сущности государства в индивидуальном, групповом и общественном сознании» [3, с. 27].

Список литературы

1. В поисках теории права : монография / М.В. Антонов, Е.А. Баженова, М.А. Беляев [и др.] ; под ред. Е.Г. Самохиной, Е.Н. Тонкова. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2021. – 287 с. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=616430> (дата обращения: 15.06.2022).
2. Mousourakis G. Comparative Law and Legal Traditions : Historical and Contemporary Perspectives. – 2019. – 323 p. – URL: https://www.researchgate.net/publication/336979092_Comparative_Law_and_Legal_Traditions_Historical_and_Contemporary_Perspectives (eBook) <https://doi.org/10.1007/978-3-030-28281-3> (дата обращения: 15.06.2022).
3. Ромашов Р.А. Политогенез: Храм – Полис – Государьство – State : Монография. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2021. – 300 с. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41225170> (дата обращения: 15.06.2022).

СКУРКО Е.В.¹ ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВ АЗИИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ. (Обзор).

Аннотация. В обзоре анализируются новейшие работы западных исследователей, в том числе сравнительно-правового характера, касающиеся особенностей правовой культуры и традиций некоторых стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Многообразие юридических традиций и правовые системы Азии оцениваются с позиций современной социально-экономической и политической роли стран региона в мировой системе глобализации.

Ключевые слова: правовые системы; государства Азиатско-Тихоокеанского региона; правовые традиции; правовая культура; Азия; Индия; Китай; Япония; сравнительное правоведение.

SKURKO E.V. Legal systems of Asian states: traditions and modernity. (Review).

Abstract. The review analyzes the latest research by Western researchers, including those of a comparative legal nature, concerning the peculiarities of the legal culture and traditions of a number of Asian countries. The diversity of legal traditions and legal systems of Asia is assessed from the standpoint of the modern socio-economic and political role of the countries of the region in the global system of globalization.

Keywords: legal systems; states of the Asia-Pacific region; legal tradition; legal culture; Asia; India; China; Japan; comparative law.

Для цитирования: Скурко Е.В. Правовые системы государств Азии: традиции и современность. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки.

¹ Скурко Елена Вячеславовна, старший научный сотрудник ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2022. – № 4. – С. 170–178. DOI: 10.31249/rgpravo/2022.04.14

Сегодня значительно укрепляется и усиливается роль государств Азии в мире, в том числе в мировом хозяйстве и международном правопорядке. Однако их юридические традиции и особенности формирования и функционирования правовых систем мало изучены. В обзоре анализируется правовая культура и правовое развитие государств Азиатско-Тихоокеанского региона в контексте современного международного права и с позиций взглядов и представлений новейших западных исследований.

Парадокс стран этого региона современные исследователи видят в том, что этот регион, с одной стороны, крайне мало участвует и незначительно представлен в международной (правовой) системе, однако именно он, по-видимому, выигрывает от стабильности и предсказуемости системы миропорядка больше, чем любая другая часть мира. Суть указанного преимущества состоит в том, что многие азиатские государства широко пользуются потенциалом сети институтов и обязательств в современном международном правопорядке, не подчиняясь в столь же существенной степени его формам и процедурам [2, р. 34].

Вместе с тем особенностью текущего момента, как отмечается, является то, что появляется все больше признаков, что нынешняя ситуация в мире является неустойчивой. В сфере безопасности гарантии, обещанные западными государствами, в особенности США, в Азии не могут или не будут продолжаться и обеспечиваться на должном уровне. С экономической точки зрения необходимость усиления азиатского голоса признается не только в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, но и во всем мире [2, р. 35].

Особенную тревогу у некоторых западных исследователей вызывает то, что, в их представлении, в политической сфере имеются свидетельства, что Китай не желает продолжать более быть «приверженцем правил». Как может выглядеть альтернатива? По мнению редакторов сборника «Международное право в Азиатско-Тихоокеанском регионе» С. Честермана, Х. Овада, Б. Саула, одна из возможностей развития ситуации на перспективу заключается в том, что Азия может предложить реальную альтернативу действующей Вестфальской модели международного порядка, основанной на государственном суверенитете и реализованной в современ-

ном международном праве. Так, термин «истфалия» («eastphalia») начинает появляться в обращении, иногда используя из-за его контраста с доминирующим на Западе правовым порядком, названным в честь региона в немецкой земле Северный Рейн – Вестфалия [2, р. 35]. Однако точное содержание «истфальского» (право)порядка непросто определить. Обычно здесь включаются ссылки на конфуцианство и коммунитаризм, а также иные, более общие вызовы универсализму «западных» норм – в частности, концепции прав человека, либо подчеркивается временный, ситуационный характер «азиатских» норм, основывающихся на этапах и стадиях экономического развития. Вместе с тем все опасения от формирования «истфальского мира», как полагают специалисты, вполне нивелируются тем, что в действительности существует мало положительных свидетельств возникновения такого рода новой модели регионализма в Азии, где большинство государств, напротив, подчеркивают приверженность вестфальской модели суверенитета в своих международных делах [там же].

Другая возможность правового развития азиатского региона, с точки зрения западных исследователей, заключается в том, что азиатские государства могут создать параллельные региональные международно-правовые режимы и учреждения, сосуществующие наряду с универсальными, примером является Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), а также шаги по созданию проекта нового «Шелкового пути». Создание АБИИ, как полагают авторы, сигнализирует о сдвиге в международном (право)порядке, но это, с их точки зрения, скорее политические и экономические изменения, нежели формально юридический процесс. Критики «с Запада» предупреждали, что АБИИ может демонстрировать менее строгое следование экологическим и трудовым «стандартам», однако неясно, станет ли это равносильным вызову законности этим «стандартам» как таковым, в стиле «азиатских ценностей» [2, р. 35].

Еще одна точка в развитии стран Азии, вызывающая обеспокоенность на Западе, – их стремление к отказу от действующей «западной модели» международного правопорядка. Примером могут быть действия Китая в Южно-Китайском море, которые оцениваются как «подлинная попытка отказаться от международного порядка и установить параллельный режим» [там же].

Наконец, еще один возможный сценарий развития государств Азиатско-Тихоокеанского региона в современном международном правовом порядке заключается в своего рода сближении интересов Запада и Азии в международном праве при сохранении базовых структурных основ суверенного равенства государств, но при этом азиатские государства постепенно будут играть все более заметную роль [2, р. 36]. Например, в 2014 г. на втором саммите Бразилии, России, Индии и Китая (БРИК; после присоединения ЮАР (South Africa) к этой организации – БРИКС) лидеры сформулировали общее видение того, что «мир претерпевает серьезные и быстрые изменения, которые подчеркивают необходимость соответствующих преобразований в глобальном управлении во всех соответствующих областях». Тем не менее они продолжали подчеркивать, что эти изменения должны происходить в рамках существующих рамок международного права и его институтов [там же].

С. Честерман, Х. Овада, Б. Саул подчеркивают, что в «азиатский век» многие утверждали, что азиатские государства заслуживают большего представительства в институтах глобального управления. Это желание, как считают они, будет исполнено в ближайшем будущем: предположения о том, что статус-кво может сохраняться бесконечно, сегодня выглядят чрезмерно оптимистично. Однако в то же время все предположения о том, что азиатские государства откажутся от структур международного (право)порядка, также крайне преувеличены. Более вероятной является растущая конвергенция, адаптация существующих структур и норм к новой реальности, т.е. эволюция, а не революция. Вместе с тем, хотя вероятность радикально иного подхода к глобальному управлению со стороны азиатского региона кажется низкой, традиционный взгляд на суверенитет, которого придерживаются многие азиатские государства, может замедлить распространение норм о правах человека [2, р. 36].

Нельзя не признать и не учитывать, как подчеркивают авторы, что не существует единого «азиатского» взгляда на мир. Более активное участие азиатских государств в международных отношениях и мировом хозяйстве в первую очередь усилит плюрализм в международном порядке. Но было бы крайним заблуждением предполагать, что «Азия», когда она должным образом будет

представлена в институтах глобального управления, сможет сказать – от себя – что-то конкретное [2, р. 36].

Неоднородность и многообразие государств Азии имеет не только пространственно-культурное измерение, но и историческое. Последние десятилетия мы стали свидетелями множественности глубоких правовых реформ в государствах азиатского региона.

«Правовые реформы» в азиатских странах с поздним развитием («Legal reforms» in Asian late-developing countries) шли под давлением многочисленных внешних факторов, таких как: переговоры о вступлении во Всемирную торговую организацию (ВТО); юридико-техническая помощь, оказываемая международными агентствами развития, например, Всемирным банком и Азиатским банком развития (АБР); двусторонняя помощь в целях развития [1, р. XI].

В рамках идеологии «правовой реформы» по окончании холодной войны, ее «прогресс» оценивался из предписаний международных доноров, основывающихся на так называемом «вашингтонском консенсусе» или политической ориентации на достижение экономического роста путем поощрения иностранных инвестиций. В середине 1990-х годов Всемирный банк привел ряд практических аргументов для инициирования правовых реформ в странах с формирующейся экономикой, за которыми последовали попытки количественной оценки прогресса правовых реформ со стороны Всемирного банка и Международного валютного фонда (МВФ). Эти оценки нашли отражение, например, в Показателях управления и Отчете о соблюдении кодексов и стандартов (the Report on the Observance of Codes and Standards (ROSC) by the World Bank and the International Monetary Fund (IMF)) [1, р. XI].

Авторы полагают, что альтернативой рассматриваемой «правовой реформе» должна быть реформа, которая выходила бы за рамки господствующей модели капиталистического роста, чтобы найти гармоничную модель законодательства, позволяющего сбалансировать потребности как экономической, так и социальной политики. Целью такой альтернативной правовой реформы, с их точки зрения, может быть пересмотренное «развитие» в сторону человеческого развития, включающего перераспределение, а не утилитарную максимизацию общего богатства. Хотя влиятельное

научное мнение предлагает подход *laissez-faire* (невмешательство), позволяющий каждому правительству выбирать свой собственный путь правовых реформ. Однако представляется нереалистичным, что страны-получатели правовой помощи смогут пользоваться свободой в выборе своих собственных правовых конструкций, моделей и институтов [1, р. XII].

Динамика изменений в правовой сфере в период после холодной войны в Азии во многом проходила на границах между различными правовыми системами. «Юридическая трансплантация» либо юридико-техническая помощь со стороны донорских учреждений – это типичное внешнее давление, которое стимулировало перемены в традиционных подходах. Так, доноры, которые внедряли англо-американскую юридическую модель, имели подавляющее влияние – это, например, Всемирный банк, Азиатский банк развития (АБР) и государственные структуры США. Однако это были не единственные проводники «правовой реформы» в Азии: донорская поддержка, основанная на подходах и принципах, характерных для континентальных правовых систем, таких как Япония, Франция и Нидерланды, также осуществлялась в азиатском регионе вполне активно.

Зачастую «правовая реформа» по западным моделям навязывается в качестве условия при заключении торговых соглашений, таких как переговоры о вступлении в ВТО, двусторонние инвестиционные договоры или соглашения о свободной торговле. Иностранное (в основном «западное») законодательство, обычно именуемое как применимое право в рыночных торгово-экономических договорах, инвестициях, неизбежно проникает в национальные правовые системы.

Еще одним важным фактором развития правовых систем в Азии является то, что правовая система страны-получателя, как правило, осложнена переплетением традиций и «пережитков» предыдущих эпох, вытекающих из нормативной традиции и древних законов, существовавших в виде тщательно кодифицированных систем еще задолго до того, как состоялись контакты с Западом, – еще с эпохи колонизации. Законы колониальных держав, которые были введены в колониальную эпоху (французское право в Камбодже, Лаосе и Вьетнаме; английское право в Мьянме; голландское право в Индонезии и т.д.) в основном составляли основу до-

говорного права и права собственности, действовавших в этих колониях. При этом в неприкосновенности сохранялась лишь узкая область «традиционных» гражданских отношений, таких как брак и наследование, «во имя обычая» (адат). Попытки в развитии законодательства после обретения независимости государствами Азии преодолеть «плюрализм» традиционного и колониального гражданского права, влияние социалистического права в постколониальный период и капиталистическая «правовая реформа» последних десятилетий обуславливают то, что нынешние правовые системы государств Азии испытывают «отголоски» исторического пути, который был пройден конкретным обществом и государством региона [1, р. XII].

По мнению Я. Яни, современные азиатские общества в основном изучаются либо экономической наукой, либо в рамках политологии, – и куда как в меньшей степени юриспруденцией или социологией [3, р. 1]. Полученная таким образом картина оказывается несколько односторонней, поскольку речь должна идти не только о различного рода показателях экономического роста. На самом деле причины роста государств Азиатско-Тихоокеанского региона (будь то в численности населения, либо в плане политической влиятельности и т.п.) обусловлены не только экономикой и процветанием, но и определяются социальными факторами, одним из важнейших в ряду которых является традиция в целом и правовая традиция в частности. Очевидные примеры, подтверждающие последнее, – это те традиционные структуры, которые тысячелетиями удерживали Китай, или те, что превратили Японию в ведущую экономическую державу мира, либо обеспечившие колоссальное культурное влияние Индии и т.п. Эти социальные структуры коренятся в правовых традициях, в то время как само право также является результатом господствующих общественных представлений, поэтому между социальной системой и правовой традицией образуется неразрывная нить (*ubi societas, ibi ius*), которая существует и по сей день, несмотря на несколько попыток радикального ее изменения (например, Мао Цзэдуном, Пол Потом и др.) [там же].

Такого рода «деструктивные тенденции», по мнению исследователей, не только потерпели неудачу, но и явно укрепили традиционные правовые структуры, которые они стремились устранить. На самом деле конфуцианство, которое прежнее коммунистиче-

ское руководство пыталось ликвидировать всеми средствами, снова находится на подъеме в эпоху после Мао, став свидетелем и частично причиной глобального роста Китая. Экономические чудеса «азиатских тигров», считает Янош Яни, глава Института международных исследований Университета Пазманы, Венгрия, опираются на разумное использование преимуществ современной правовой системы и традиционного подхода к праву и обществу. Это сочетание позволило очень быстро достичь результатов, имеющих глобальное значение для развития азиатских стран. Однако традиционный правовой подход не является ключом к успеху в каждом конкретном случае, поскольку он, как правило, не является оперативной моделью для решения каждой из актуальных социальных проблем, считает автор [3, р. 2].

Вместе с тем, по мнению Я. Яни, кризис исламского мира, который, как принято считать в западном научном сообществе, совершенно очевиден, демонстрирует, что «жесткая приверженность традициям, отсутствие способности к адаптации и неприятие вызовов современности приводят к взрыву, приводящему к вооруженному насилию» [3, р. 2]. Исходя из этого, делается вывод о том, что главное – это «иметь сбалансированный взгляд на традиционные правовые системы, не искаженный идеологическими, политическими или экономическими предпочтениями». То есть не вполне конструктивно с научно-практической точки зрения как агитировать за традиционное право, так и отвергать его: правовые системы следует рассматривать такими, какие они есть, – и какими они стали в результате их конкретно-исторического развития.

Между тем представляется важным при взгляде на Азию в том числе – отказаться от евроцентрического мировоззрения, которое долгое время преобладало в социальных науках. Азиатские правовые системы не надо сравнивать с какой-либо западной правовой традицией. Вместо этого следует их анализировать на основе их собственных концепций, истории и ментальной структуры. В нашем глобализованном мире больше нет места евроцентричному мировоззрению, и значит, необходимо знакомиться с правовым пониманием других обществ таким, как оно есть, а не таким, какими их хотели бы видеть жители Запада.

Очевидно, может возникнуть вопрос, есть ли какой-либо смысл писать об истории права государств Азии? Ответ, по мне-

нию Я. Яни, должен быть утвердительный: никто не удивится, наткнувшись на книгу о европейской истории или истории европейского права, даже если само понятие Европы имеет множество значений и меняется в зависимости от времени и места. Надо принять, что Европа почти так же разнообразна исторически, культурно и юридически, как Азия, но мы принимаем это как естественное условие, в то время как сложность Азии заставляет нас довольно неуверенно писать об азиатской правовой истории. Следует менять этот стереотип [3, р. 3].

Список литературы

1. Civil law reforms in post-colonial Asia: Beyond Western capitalism / ed. Y. Kaneko. – Singapore, 2019. – 180 p.
2. International law in Asia and the Pacific / Ed. S. Chesterman, H. Owada, B. Saul. – New York, 2019. – 855 p.
3. Jany J. Legal traditions in Asia: history, concepts and laws. – Cham, 2020. – 496 p.

ПРАВО, МЕДИЦИНА И ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

УДК 349; 606; 608

DOI:10.31249/rgpravo/2022.04.15

ИВАНОВА А.П.¹ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ МЕДИЦИНСКОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТЕХНОЛО- ГИЙ УЛУЧШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА. (Обзор).

Аннотация. Благодаря технологиям улучшения человека возможности, которые ранее казались недостижимыми, стали реальностью. Однако вместе с расширением человеческого потенциала технологии привнесли новые проблемы и вопросы, в том числе юридические. В обзоре рассматриваются правовые аспекты и анализируются потенциальные риски медицинских вмешательств в рамках использования современных методов улучшения человека.

Ключевые слова: здравоохранение; технологии улучшения человека; права человека; защита персональных данных.

IVANOVA A.P. Legal aspects of medical intervention in the use of human enhancement technologies. (Review).

Abstract. Thanks to technologies of human enhancement, opportunities that previously seemed unattainable have become a reality. However, along with the development of human potential, technologies have introduced new problems and issues, including juridical ones. The review examines the legal aspects and analyzes the potential risks of medical interventions within the framework of the use of human enhancement methods.

¹ *Иванова Ангелина Петровна*, младший научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН.

Keywords: healthcare; human enhancement technologies; human rights; personal data protection.

Для цитирования: Иванова А.П. Правовые аспекты медицинского вмешательства при использовании технологий улучшения человека. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4 : Государство и право. – 2022. – № 4. – С. 179–188. DOI:10.31249/rgpravo/2022.04.15

Технологии улучшения человека, и особенно кибернетические импланты, рассматривались в популярной культуре и научной фантастике на протяжении большей части столетия. Возможности, которые долгое время считались далекими и невозможными, теперь стали реальностью.

На конференции Code в 2016 г. генеральный директор Tesla Илон Маск предположил, что искусственный интеллект «оставит человечество позади». Он предсказал «благоприятный сценарий», заявив, что «[мы] будем настолько ниже их [роботов] по интеллекту, что будем похожи на домашних животных». В качестве решения он рекомендовал «слияние биологического интеллекта и машинного интеллекта», «симбиоз» человечества с машинами через «нейронное кружево», т.е. нейрокомпьютерные интерфейсы [3, р. 1].

Профессор Ж. Видаль ввел термин «нейрокомпьютерный интерфейс» в 1973 г. Он постулировал, что электрические сигналы мозга могут быть использованы в коммуникации между человеком и компьютером и могут позволить управлять внешними устройствами, такими как протезы или космические корабли. Нейробиологи годами работали над тем, чтобы дать возможность людям, страдающим от инвалидности или расстройств, снова общаться или двигаться. Прогресс в науке действительно показал, что «каждое действие, совершаемое нашим телом, начинается с мысли, и с каждой мыслью приходит электрический сигнал; этот сигнал может быть получен нейрокомпьютерным интерфейсом, состоящим из электроэнцефалографа или имплантированного электрода, который затем может быть переведен и отправлен на исполняющее оборудование для выполнения желаемого действия» [3, р. 2]. Постепенно стало ясно, что нейробиология может быть использована

и в других целях, а именно для увеличения человеческих возможностей или улучшения человека.

Одним из главных тропов любого произведения научной фантастики, связанного с улучшением человека, является вопрос о детерминированности правового положения улучшенной личности. Как выразилась автор антиутопической фантастики М. Этвуд: «Как далеко мы можем измениться, прежде чем перестанем быть самими собой?» [2, р. 231].

Это не только вопрос, представляющий интерес для философов и любителей научной фантастики, но и проблема с глубокими юридическими последствиями, отмечает Т. Мулин. Очевидно, что использование протезов, будь то замена отсутствующей конечности или даже нескольких конечностей, нельзя рассматривать как основание для лишения лица защиты с точки зрения прав человека. Это имеет место даже тогда, когда эти конечности наделяют пострадавшего способностями выше среднего. Тем не менее как далеко простирается эта защита? Является ли существование «призрака в доспехах» – человеческого разума или души, основанием для безусловного применения к лицу законодательства о правах человека? [2, р. 231].

Согласно одной из позиций, сохранение прав такими лицами, как олимпийский спортсмен О. Писториус, связано с лечебной целью «усовершенствований» человека. Несмотря на возможность наделения человека способностями выше среднего, протезы, например, в первую очередь предназначены для возвращения людям их прежних способностей. Любая функциональность выше среднего в одном аспекте уравнивается недостатками в других, не обязательно из-за дизайна, но из-за состояния технологии. Так, повышенная сила захвата в протезированной руке не может компенсировать отсутствие чувствительности или снижение несущей способности. Таким образом, те, у кого есть протезы, на самом деле не являются сверхлюдьми, а просто «обладают другими способностями» [2, р. 232]. Однако по мере развития технологий протезирования, а также иных технологий (например, редактирование генома) это обоснование может измениться.

С быстрым развитием науки и техники появился ряд методов улучшения человека, которые могут непосредственно воздействовать на его организм. Их можно использовать как для лечения

болезней, так и для укрепления физической силы. Технологии улучшения человека имеют огромное значение для его развития, с помощью этих технологий люди способны обрести беспрецедентную силу и стать сильнее, чем когда-либо прежде. Но они также создают ряд проблем для современного права. В частности, вопрос о том, имеет ли человек право изменять свое тело и разум без каких-либо ограничений, стал предметом растущего интереса по мере того, как все большее число «биохаkers» экспериментируют с новыми технологиями [2, р. 244]. Точно так же границы допустимого права изменять тела других людей, роль информированного согласия – все это вызвало вопросы о соответствующем правовом регулировании этих методов.

К. Сан отмечает, что технологии улучшения человека могут быть опасными, ввиду этого не следует игнорировать потенциальные опасности, которые они в себе таят, и позволять им развиваться неконтролируемым образом [4, р. 40]. Следует выявить возможные этические и правовые риски путем углубленного исследования таких технологий, всесторонне рассмотреть их связь с социальными ценностями и этическими стандартами, создать соответствующую систему правового регулирования и найти баланс между гуманностью и технологиями.

Улучшение человека можно определить, как использование медицинских методов «для усовершенствования формы или функционирования человека сверх того, что необходимо для поддержания или восстановления хорошего здоровья», или для отклонения «от типичной для вида нормальной функциональной организации или функционирования» [3, р. 4]. Специалисты по биоэтике обсуждали желательность улучшения человека и выражали обеспокоенность по поводу риска евгеники еще с 1970-х годов, однако интерес к этому вопросу со стороны государств, международных организаций и юридического сообщества появился недавно.

Основопологающим принципом прав человека, который был освящен на глобальном и региональном уровнях, является *принцип свободного согласия* в рамках медицинских или научных экспериментов. Это прямо указано в ст. 7 Международного пакта о гражданских и политических правах: «Никто не должен подвергаться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию. В частности, никто не должен

подвергаться без его свободного согласия медицинским или научным экспериментам» [3, р. 9]. Что касается лиц, не способных дать действительное согласие, включая тех, кто находится под стражей или заключен в тюрьму в любой форме, Комитет по правам человека отметил, что они «не должны подвергаться никаким медицинским или научным экспериментам, которые могут нанести ущерб их здоровью» [3, р. 9].

Требование свободного согласия было затем принято на европейском уровне через прецедентное право Европейской комиссии и Европейского суда по правам человека. Согласно ст. 3 Европейской конвенции по правам человека, «Никто не должен подвергаться пыткам или бесчеловечному, или унижающему достоинство обращению или наказанию». Тем не менее Европейский суд по правам человека также установил «общее правило», согласно которому «мера, являющаяся терапевтической необходимостью, не может рассматриваться как бесчеловечная или унижающая достоинство» [3, р. 9]. Двадцать девять государств также ратифицировали Конвенцию о правах человека и биомедицине, известную как Конвенция Овьедо, которая делает добровольное согласие обязательным для медицинского вмешательства.

При этом, отмечает Т. Мулин, получение согласия испытуемого не дает ученым карт-бланш на проведение каких-либо экспериментов [3, р. 10]. Законный эксперимент должен удовлетворять еще одному условию: пропорциональности (адекватности риска и выгоды). В данном контексте, подчеркивает он, важны два вопроса.

Во-первых, *может ли субъект согласиться на любой тип риска?* В отношении указанного вопроса Комитет по правам человека отметил, что «этот довольно субъективный критерий должен быть уточнен ограничением, за пределами которого риски для человека настолько велики, что никакая мера ожидаемой выгоды не может их перевесить (серьезные риски)» [3, р. 12].

Во-вторых, *является ли эксперимент по-прежнему законным, когда ожидаемая польза для испытуемого велика, но сопряжена со значительным риском?* Практика Комитета по правам человека предполагает, что такое исследование все равно было бы законным. Так, Правительство Нидерландов высказало возражение относительно позиции Комитета по правам человека по вопросу серьезных рисков, утверждая, что, например, потенциальный дол-

говременный ущерб, причиняемый медицинскими экспериментами, может быть оправдан, когда субъекты исследований страдают от смертельной болезни. Впоследствии Комитет по правам человека не оспорил указанное толкование, тем самым выразив свое согласие с позицией Нидерландов [3, p. 12].

На европейском уровне Комитет министров Совета Европы в рамках необязательной рекомендации для государств-членов отметил следующее: «Риски, которые несет человек, проходящий медицинское исследование, должны быть сведены к минимуму. Риски не должны быть несоразмерны выгодам для этого человека или важности целей, преследуемых исследованием». Указанная позиция была также отражена и в Конвенции о правах человека и биомедицине [3, p. 19].

Таким образом, когда дело доходит до экспериментов в целом, нетерапевтические исследования (т.е. исследования, не приносящие прямой пользы субъекту) являются законными при условии, что человек не подвергается серьезным или неприемлемым рискам. Напротив, терапевтические исследования (т.е. исследования с потенциальной прямой пользой для субъекта) допустимы для любого лица при условии соблюдения пропорциональности между риском и пользой.

Стоит подчеркнуть, что эксперименты, проводимые с целью расширения возможностей субъекта, могут быть охарактеризованы как нетерапевтические, и эта правовая база, очевидно, влияет на законность экспериментов с использованием нейрокомпьютерных интерфейсов. Это означает, что здоровые люди, которые не могут ожидать какой-либо прямой пользы от исследования, могут согласиться только на тестирование неинвазивных устройств. Последние менее опасны, потому что они «находятся вне мозга и пытаются улавливать сигналы мозга» [3, p. 14].

Что касается основополагающего права изменять свое тело, Европейский суд по правам человека отметил, что понятие личной автономии является важным принципом, лежащим в основе права на частную жизнь. Понятие частной жизни является широким и охватывает, в частности, физическую и психологическую неприкосновенность человека. Суд подчеркнул, что оно «может также включать возможность заниматься деятельностью, которая, как считается, имеет физически или морально вредный или опасный

характер для соответствующего лица» [2, р. 245]. Даже в тех случаях, когда конкретное поведение представляет опасность для жизни или здоровья, вмешательство государства путем введения «принудительных или уголовных мер» рассматривается как посягательство на право и требует обоснования. Любое ограничение должно соответствовать закону и должно быть необходимым в демократическом обществе и для достижения законной цели. Таким образом, государства вполне могут запретить, например, возможность изменять геном человека или зародышевую линию по соображениям защиты здоровья или прав других лиц. В то же время у государств было бы меньше свободы усмотрения, например, при запрете имплантации чипов радиочастотной идентификации, за исключением случаев, когда такая имплантация представляет угрозу национальной безопасности [2, р. 246].

Возможности, которые долгое время считались далекими и невозможными, теперь стали реальностью, такие как разработка нейрокомпьютерных интерфейсов и различных функциональных и косметических кибернетических имплантов. Однако, отмечает З. Бинбаум, защита конфиденциальности данных не продвинулась вперед в тандеме с этими технологиями. Ни Соединенные Штаты, ни Европейский союз должным образом не решили растущую проблему технологий улучшения человека: например, в Соединенных Штатах нет федерального стандарта конфиденциальности данных, а существующая в Европе нормативная база не касается модификации тела.

Развитие науки и техники экспоненциально увеличило потребность в надежной и всеобъемлющей защите конфиденциальности данных. Без такой защиты данные и опыт, накопленные с помощью имплантатов и других модификаций, не будут принадлежать их владельцу. Эта информация будет принадлежать корпорации-производителю в соответствии с лицензионными соглашениями, что приведет к использованию данных физических лиц без прямого согласия. В отличие от носимых устройств, импланты нельзя снять и оставить у входной двери или положить в шкаф, поэтому при разработке технологии необходимо учитывать права на неприкосновенность частной жизни владельца и других лиц, с которыми он контактирует [2, р. 252]. В настоящее время не существует ни окончательных ответов, ни общих принципов, которыми

могли бы руководствоваться законодателями и политиками при принятии решений, касающихся защиты данных и конфиденциальности, особенно когда речь идет о новых технологиях.

Кроме того, политики должны попытаться предвидеть криминальные последствия в случаях, когда основные функции организма взломаны и скомпрометированы. Так, в сценарии, когда злоумышленники захватывают контроль над конечностью для совершения насильственного преступления, нет однозначных ответов относительно того, кто несет окончательную ответственность. Ответственность может лежать как на человеке, который физически совершил преступление, так на злоумышленниках или компании, которая, возможно, недостаточно тщательно укрепила протоколы безопасности своего интерфейса [1, р. 129]. Закон и общие научные знания дают мало ясности по этому вопросу, но, поскольку общество приближается к современности, когда потенциальное повсеместное распространение кибернетических усовершенствований являются реальностью, оно должно иметь возможность учитывать обширные последствия, которые могут иметь такие технологии.

Основные модели защиты данных, как правило, разделяются по критерию того, кто несет окончательную ответственность в случае сбоя в системе безопасности. Так, в традиционной модели компьютерной сети ответственность лежит на владельце сети. Регулирование кибернетических усовершенствований естественным образом предполагает наличие связанной кибернетической сети имплантатов. Эта сеть должна быть общей для всех подобных имплантатов. Ключевым недостатком в такой модели будет то, что, поскольку в соответствии с моделью компьютерной сети ответственность лежит на владельце сети, импланты и, следовательно, сеть также должны принадлежать одному корпоративному субъекту, что может способствовать нежелательному монополистическому поведению.

В то же время недавно созданная европейская модель регулирования конфиденциальности данных основана на многогранном подходе, при котором конечная ответственность за все аспекты конфиденциальности данных не обязательно лежит на владельце сети. Общий регламент по защите данных влечет за собой различные обязанности в отношении сбора данных, их назначения и хра-

нения, а также включает в себя право быть забытым. Для кибернетических усовершенствований эти различные сегментированные обязанности и права будут представлять собой сильные основополагающие принципы, но без дополнительных мер и гарантий их будет недостаточно для полноценной схемы регулирования технологий улучшения человека.

Следовательно, ни один из подходов не является подходящим для решения присущих новым технологиям проблем. Ввиду этого З. Бирнбаум выступает за новый подход, разработанный для включения элементов обеих моделей, чтобы противостоять возможным рискам [1, р. 134]. Этот гибридный подход направлен на то, чтобы объединить общий аспект сетевой безопасности в традиционной модели с некоторыми элементами европейского подхода, в частности с правом на забвение. Соответственно, технологии усовершенствования человека должны регулироваться на нескольких уровнях.

Требование надежных протоколов безопасности на основе устройств и ответственность за такие протоколы, лежащие на владельцах сетей и производителях устройств, гарантируют, что опытные участники смогут максимально эффективно защитить сети и устройства и позволят отдельным лицам в полной мере воспользоваться ими, не опасаясь, что их данные будут скомпрометированы низкоуровневыми хакерами.

В то же время, когда речь идет о самих данных, предпочтение должно отдаваться европейскому подходу. Лица, в отношении которых были применены технологии улучшения, должны иметь единоличный безраздельный контроль над своими собственными данными, управлением и сбором таких данных, а также их распоряжением. Право на забвение также должно быть полностью учтено в любой нормативно-правовой базе по кибернетическому усовершенствованию из-за чрезвычайно личного характера данных.

Таким образом, в процессе технологического развития люди склонны преувеличивать преимущества новых технологий, но часто преуменьшают риски, связанные с ними. Поэтому, чтобы сбалансировать инновации с общественными интересами, необходимо сделать процесс регулирования в области науки и техники более прозрачным. С точки зрения конкретного содержания регулирования, границы поведения человека в рамках улучшений

должны быть строго очерчены, а обязанности иных субъектов (медицинских учреждений, производителей медицинских девайсов и др.) должны быть четко определены [4, р. 49].

Совершенствование человека тесно связано с жизнью и здоровьем. Использование возможностей науки и техники в какой-то степени нарушает природу человеческого выживания и размножения. В современных условиях технология улучшения человека может повысить способности и благополучие человечества с помощью лекарств, генетической модификации и другими способами.

Для того чтобы исключить неправильное использование технологий, представляющих угрозу для личности и общества, несовместимых с социальной справедливостью, необходимо учитывать все эти риски на юридическом уровне и предотвратить их, создав соответствующую систему правового регулирования.

Список литературы

1. Birnbaum Z.P. Regulating the cyberpunk reality: private body modification and the dangers of 'body hacking' // *Journal of business & Technology law*. – Baltimore, 2021. – Vol. 16, N 1. – P. 119–141.
2. Harrison Dinniss H. Legal aspects of human enhancement technologies // *New technologies and the law in war and peace* / ed. by Boothby W.H. – Cambridge, 2018. – P. 230–257.
3. Moulin T. Doctors playing gods? The legal challenges in regulating the experimental stage of cybernetic human enhancement // *Israel law review*. – Cambridge, 2021. – Vol. 54, N 2. – P. 1–27. – URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/israel-law-review/article/abs/doctors-playing-gods-the-legal-challenges-in-regulating-the-experimental-stage-of-cybernetic-human-enhancement/64BFF6D514FADC6ABA031A6BF7D45C61> (дата обращения: 14.06.2022).
4. Sun Q. The legal risk of human enhancement technology and its regulation in China // *Open journal of social sciences*. – Wuhan, 2021. – Vol. 9, N 5. – P. 39–53.

ИВАНОВА А.П.¹ ЭПОХА COVID-19: КАК МЕРЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ПОВЛИЯЛИ НА ЗАЩИТУ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ. (Обзор).

Аннотация. В обзоре рассматривается проблема расширения сбора данных, возникшая в результате принятия широкого перечня мер общественного здравоохранения, направленных на борьбу с распространением COVID-19. Исследуются причины и различные аспекты снижения уровня защищенности персональных данных в современном мире, приводятся соответствующие рекомендации.

Ключевые слова: защита персональных данных; здравоохранение; эпидемиологический надзор; информационное право.

IVANOVA A.P. The era of COVID-19: how public health measures affected the protection of personal data. (Review).

Abstract. The review examines the problem of expanding data collection that has arisen as a result of the adoption of a wide range of public health measures aimed at combating the spread of COVID-19. Reasons and various aspects of the decline in the level of personal data security in the modern world are examined, and appropriate recommendations are given.

Keywords: personal data protection; healthcare, disease surveillance; information technology law.

Для цитирования: Иванова А.П. Эпоха COVID-19: как меры общественного здравоохранения повлияли на защиту персональных данных. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и за-

¹ Иванова Ангелина Петровна, младший научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН.

рубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2022. – № 4. – С. 189–198. DOI: 10.31249/rgpravo/2022.04.16

Пандемия COVID-19 – это глобальная трагедия исторических масштабов, и ее последствия для семей, социальных структур и общества в целом будут ощущаться в течение многих последующих лет. От значительного к обыденному, COVID-19 изменил многие аспекты повседневной жизни людей.

Достижения в области технологий породили надежды на быстрое искоренение вируса. Достижения биомедицины позволили производить вакцины в течение двенадцати месяцев вместо нескольких лет. Опыт в области цепочки поставок и производства облегчил распространение вакцин, как только их одобрили регулирующие органы. Школьные клубы робототехники превратили свои 3D-принтеры в защитное оборудование для больниц. Издатели, которые обычно размещают свои научные статьи за плату, бесплатно публикуют работы для широкой публики, чтобы увеличить скорость научных открытий. Совместная и открытая среда позволила более эффективно решать новые логистические и медицинские проблемы с помощью технологий [4, p. 1774].

Вместе с тем меры общественного здравоохранения в ответ на пандемию коронавируса привели к астрономическому увеличению объема сбора не только данных, связанных со здоровьем, но и других персональных данных. Инициативы в области общественного здравоохранения, такие как тестирование на коронавирус, отслеживание контактов (как ручное, так и цифровое), проверка вакцин, а также телемедицина, потребовали массовых данных о состоянии здоровья и другой информации от отдельных лиц [2, p. 1703]. Таким образом, одним из менее очевидных, но более долгосрочных изменений в результате пандемии стало расширение систем сбора данных и эпидемиологического надзора (эпиднадзора), принятых как в ответ на пандемию, так и в результате нее.

Усиление эпиднадзора за состоянием здоровья в ответ на пандемию не было локализовано в одном секторе, а последовательно охватывало многие аспекты общества. В учебных заведениях школы развернули обследования по проверке состояния здоровья, ввели приложения для отслеживания контактов и даже носимые устройства для мониторинга состояния здоровья в попытке обеспечить социальное дистанцирование и сдержать рас-

пространение COVID-19. В частном секторе на рабочих местах были установлены системы эпиднадзора на месте для мониторинга наличия симптомов заболевания у сотрудников и обеспечения соблюдения социального дистанцирования, а также других требований в области здравоохранения. Работодатели также стали использовать приложения для отслеживания состояния здоровья, начали проводить проверку температуры и медицинские осмотры с тем, чтобы ограничить распространение COVID-19 в своих учреждениях. Авиакомпании начали использовать распознавание лиц и другие системы бесконтактной аутентификации якобы для облегчения дистанцирования и ограничения контактов между людьми. В целом сбор и использование информации о состоянии здоровья и связанных с ним данных резко расширились в результате пандемии.

Стремительное распространение COVID-19 также вызвало массовый переход к онлайн-сервисам для бизнеса, образования и личной деятельности. Хотя многие из этих цифровых услуг существовали до пандемии, переход к удаленной работе, учебе и играм также привел к более широкому развертыванию и использованию систем наблюдения и сбора данных. Работодатели и преподаватели стали отслеживать и количественно оценивать производительность труда работников и студентов в новых и незнакомых условиях. Например, школы внедрили инвазивные системы дистанционного тестирования для учащихся, а работодатели обратились к инструментам мониторинга активности сотрудников в попытке измерить производительность. Более того, использование онлайн-платформ для общения, совместной работы и рутинных транзакций привело к созданию цифровых журналов там, где раньше их не существовало. Многие из сервисов, которые раньше широко, хотя и редко, использовались для совершения покупок, общения или взаимодействия в Интернете, стали неотъемлемой частью повседневной жизни.

В результате пандемии значительно расширился сбор персональных данных, включая информацию о здоровье, данные о местоположении, биометрические данные, конфиденциальные сообщения и другие типы данных, которые обычно не создавались или не собирались в прошлом. Создание, сбор, хранение, передача и использование этих данных – все это создает значительные риски нежелательного раскрытия, неправильного использования или

иных отрицательных последствий. Риски кибербезопасности по-прежнему представляют серьезную угрозу для всех систем передачи данных, а системы, принятые и используемые во время пандемии, еще больше усугубили эти риски [1, p. 1581]. Сбор данных и расширение систем наблюдения также усилили и без того неравную динамику власти между работодателями и работниками, школьными администраторами и учащимися, поставщиками услуг и пользователями. Во имя беспрецедентной угрозы общественному здоровью люди были вынуждены использовать системы, которые фактически лишили их контроля над своими персональными данными.

Термин «эпиднадзор за заболеваниями», как он используется специалистами общественного здравоохранения, относится к «постоянному, систематическому сбору, анализу и интерпретации медицинских данных, используемых при планировании, осуществлении и оценке программ общественного здравоохранения» [3, p. 1520]. И «цифровой эпиднадзор за заболеваниями», согласно этому определению, может относиться к любому использованию информационных технологий для облегчения эпиднадзора, от цифровых средств связи, которые собирают медицинскую информацию, до электронных баз данных, которые ее организуют и обрабатывают. Растущая мощь и изощренность такого рода эпиднадзора за болезнями наблюдается уже несколько десятилетий и, несомненно, будет продолжаться. Недавние инновации, хотя и значительные, представляют собой эволюционный, а не революционный шаг и поднимают те же правовые и политические вопросы, которые долгое время изучали ученые в области общественного здравоохранения и права на неприкосновенность частной жизни.

Более узко цифровой эпиднадзор за заболеваниями можно определить как использование цифрового (или электронного) наблюдения для отслеживания состояния здоровья, контактов и передвижения людей с целью профилактики заболеваний. В отличие от группового эпиднадзора, цифровой эпиднадзор за заболеваниями отслеживает людей как отдельных лиц (а не обезличивает и агрегирует информацию) и соответствующим образом нацеливает мероприятия в области общественного здравоохранения. Это определение подчеркивает новизну широкого использования электронного эпиднадзора в целях общественного здравоохранения, а

также новые правовые и политические проблемы, возникающие при таком надзоре.

Надзор за общественным здравоохранением включает сбор, интерпретацию и анализ совокупных данных о заболеваниях и лечении для планирования общественного здравоохранения. Основной целью эпиднадзора за состоянием здоровья в ответ на пандемию является «просвещение и информирование» общественности; и чем более прозрачным и открытым будет этот процесс, тем более эффективными будут эти меры. Так, профессор Д. Даскал отметила, что «надлежащий надзор за состоянием здоровья и надлежащая конфиденциальность должны рассматриваться как взаимодополняющие цели» [1, p. 1583]. Технологии могут помочь в борьбе с распространением COVID-19, но они должны быть разработаны и использоваться таким образом, чтобы защищать частную жизнь и гражданские свободы. Любой эпиднадзор, развернутый в ответ на глобальный кризис в области здравоохранения, должен подчиняться механизмам надзора и подотчетности для установления доверия к информационным системам и обеспечения того, чтобы сбор и обработка данных ограничивались целями в области общественного здравоохранения. Если люди не будут уверены в том, что конфиденциальность их частной жизни будет защищена, они будут менее охотно принимать эти меры ради общественного здравоохранения.

Пандемия COVID-19 коренным образом изменила повседневную жизнь людей по всей стране и во всем мире. Многие изменения на работе, в школе и в общественной жизни привели к усилению слежки и сбору персональных данных. Несмотря на значительный рост эпиднадзора за состоянием здоровья в ответ на пандемию, также наблюдается экспоненциальный рост сбора, использования и распространения персональных данных в Интернете, поскольку люди все больше зависят от удаленного доступа к работе, учебе, социальным услугам и другим предметам первой необходимости.

В некоторых случаях пандемия просто ускорила тенденции к оцифровке и удаленному доступу, которые начались годы или даже десятилетия назад. Но в других случаях ограничения на поездки и физический доступ, введенные в результате пандемии, приве-

ли к тому, что действия, взаимодействия и обмены, которые традиционно не проводились онлайн, внезапно стали цифровыми.

По сути, нет ничего плохого в том, чтобы взаимодействовать или совершать транзакции онлайн. Но быстрое расширение онлайн-сервисов, коммуникационных платформ и других инструментов привело к значительному увеличению сбора, использования и распространения персональных данных. Поскольку в эпоху, предшествовавшую пандемии, наблюдался рост «капитализма надзора», эпоха пандемии создала условия для «гиперкапитализма надзора», отмечают А. Батлер и Э. Жу [1, р. 1613]. Сбор данных расширился во всех секторах общества. Теперь работа и обучение осуществляются преимущественно с использованием услуг видеоконференц-связи и электронных коммуникаций; работодатели и школы также собирают и анализируют данные, используемые для проведения тестов, измерения производительности и оценки других видов деятельности. Связанные со здоровьем данные собираются онлайн, поскольку обычные медицинские услуги стали почти полностью удаленными из-за ограничений общественного здравоохранения. Аналогичным образом общественные мероприятия, покупки и другие повседневные действия все чаще осуществляются через онлайн-платформы, которые собирают и используют персональные данные.

В социальном пространстве нормы конфиденциальности также изменились. Из-за протоколов социального дистанцирования и блокировки многие люди перешли в онлайн, чтобы общаться с другими. Это привело к росту использования пользователями таких инструментов, как Zoom, ранее известных как приложение для рабочих видеоконференций, для потребительских, личных или социальных целей [2, р. 1707].

Широкое внедрение систем сбора данных во время пандемии должно вызывать тревогу именно потому, что они проводились в чрезвычайных обстоятельствах и без значимого выбора или участия со стороны лиц, чьи данные собирались. Некоторые из этих новых методов сбора данных могут ослабнуть по мере ослабления ограничений в области общественного здравоохранения, и люди начнут возвращаться к нормальной жизни и традиционной личной деятельности. Но существует реальная вероятность того, что многие из этих новых систем переживут пандемию. Удаленная

работа, скорее всего, станет более распространенной, поскольку работодатели потратили год или больше на адаптацию своих рабочих процессов [1, p. 1615]. Другие удаленные сервисы могут так же по-прежнему использоваться в силу своей эффективности и удобства. В конце концов общество станет более зависимым от онлайн-систем для получения основных повседневных услуг, в то время как многие из этих систем не были разработаны или не подвергались тщательному надзору со стороны регулирующих органов для обеспечения защиты персональных данных.

Пандемия во многих случаях предоставила уникальный повод для развертывания систем сбора данных, которые в противном случае потребовали бы тщательного рассмотрения перед их внедрением. Пандемия не будет длиться вечно; эти системы должны быть переоценены, а их влияние на конфиденциальность должно быть пересмотрено и проанализировано после окончания пандемии.

А. Батлер и Э. Жу подчеркивают, что защита частной жизни не должна рассматриваться как противовес или антитеза политике общественного здравоохранения или технологическому развитию; эти тенденции могут быть взаимовыгодными, если будут введены необходимые ограничения и правила [1, p. 1621]. Использование цифровых технологий и систем сбора данных по своей сути не является плохим. Действительно, это часто бывает необходимо во времена кризиса. Но системы сбора данных всегда должны разрабатываться, развертываться и пересматриваться, чтобы гарантировать, что они работают таким образом, чтобы обеспечить надлежащую защиту персональных данных, сохранение индивидуальных прав и свобод и содействие разнообразному и инклюзивному обществу. Операторы новых систем сбора данных обязаны быть прозрачны в отношении своей практики, и они должны подвергаться независимому правительственному контролю и надзору. Данные, собранные для специальных целей общественного здравоохранения, не могут использоваться в коммерческих или других целях, не связанных с общественным здравоохранением, и должны храниться и обрабатываться надежно. Более того, системы сбора данных специального назначения, созданные по соображениям общественного здравоохранения в ответ на пандемию, не могут продолжать функционировать после того, как пандемия утихнет, если только

для их продолжения не существует конкретной причины в области общественного здравоохранения.

Появление эффективных вакцин и методов лечения COVID-19 широко признается как признак того, что обстоятельства улучшатся и некоторые ограничения на пандемию будут ослаблены с течением времени. По мере того, как начинается этот переход на поздние стадии пандемии, государственным органам следует рассмотреть вопрос о том, какие стандарты и правила будут применяться к системам сбора данных, принятым во время чрезвычайной ситуации, связанной с пандемией. Следует определить или установить правила, которые должны применяться в будущем и во время любых будущих чрезвычайных ситуаций в области общественного здравоохранения. Как упоминалось ранее, конфиденциальность и общественное здравоохранение являются взаимодополняющими целями. Необходимо создать системы регулирования для обеспечения того, чтобы государственные учреждения и организации частного сектора, осуществляющие сбор данных или эпиднадзор под эгидой пандемии, не расширяли свои системы сверх того, что строго необходимо. Следует установить правила, согласно которым любая организация, осуществляющая сбор данных, связанных со здоровьем, должна установить, что эти меры надзора являются необходимыми, эффективными, законными и защищают неприкосновенность частной жизни.

Разработка режима надзора, защищающего права, – это не просто вопрос обеспечения того, чтобы надзор не был чрезмерным; он также не должен быть произвольным. Четкие руководящие принципы, регулирующие, какие данные собираются, как они могут собираться (в том числе от частных организаций) и как они могут использоваться, являются важным способом обеспечения данного режима.

Независимо от того, установлены ли законом или ведомственными процедурами, процедуры минимизации (для обеспечения сбора только соответствующих данных), политика хранения (для регулирования того, как долго и каким образом данные могут храниться правительством) и методы информационной безопасности (для обеспечения того, чтобы данные не были раскрыты или изменены ненадлежащим образом) являются частью любой хорошо продуманной системы надзора. Можно назвать это «гигиеной на-

блюдения», которая подразумевает фоновые процессы, применимые к любой программе надзора, независимо от ее предметной области, которые работают изо дня в день, чтобы обеспечить бесперебойное функционирование и защиту конфиденциальности [3, p. 1553].

Более того, как только программа эпиднадзора за заболеваниями разработана и запущена, она должна подвергаться многократному и постоянному пересмотру на разных уровнях, как для обеспечения того, чтобы эпиднадзор осуществлялся законным образом, так и для периодического обновления соответствующих процедур с учетом меняющихся обстоятельств. Эта проверка может проводиться во многих формах, как внутри органа по надзору, так и за его пределами: органами судебной власти (в форме периодического обзора текущих программ надзора) или органами законодательной власти (в форме отчетности перед соответствующими законодательными комитетами).

Т. Ли отмечает, что по мере того, как все большая часть жизни людей переходит в Сеть, конфиденциальность данных в онлайн-контексте уже не является такой абстрактной, как раньше. Исторически сложилось так, что люди рассматривали и суды рассматривали личную или физическую неприкосновенность частной жизни отличной от конфиденциальности данных или информации. Однако в связи с развитием цифровых технологий разрыв между ними постепенно исчезает [2, p. 1709].

Точно так же, как закон меняется, отражая меняющиеся нравы и нормы общества, меняется и концепция конфиденциальности и частной жизни. Возможно, наиболее очевидным из изменений норм стало размывание границы между киберпространством и физическим пространством. По мере того, как страны вводили ограничения, большая часть жизни переходила в онлайн-контекст. Использование средств онлайн-коммуникации для различных сфер жизни – работы, учебы и развлечений – размывало границы между ними. Эта эрозия изменила понимание конфиденциальности. Раньше люди, возможно, по-разному относились к уединению в школе, на работе и дома. Однако во время пандемии эти пространства слились и объединились, изменив ожидания относительно конфиденциальности в каждом из этих пространств.

Таким образом, некоторые традиционные ожидания в отношении конфиденциальности были изменены или расширены во время этого кризиса общественного здравоохранения. Но системы экстренной помощи, создаваемые в ответ на пандемию, тем не менее должны разрабатываться с учетом конфиденциальности. Они должны быть безопасными, а конфиденциальные персональные данные не должны храниться в централизованной системе без крайней необходимости. Когда информационные системы разрабатываются и вводятся в эксплуатацию во время чрезвычайной ситуации в области общественного здравоохранения, крайне важно, чтобы существовали механизмы подотчетности для решения проблемы неправильного использования данных. В целом четкие правовые нормы и положения необходимы для обеспечения того, чтобы организации государственного и частного секторов не использовали пандемию в качестве предлога для обхода ограничений защиты данных и расширения эпиднадзора далеко за рамки чрезвычайной ситуации в области общественного здравоохранения.

Список литературы

1. Butler A., Zhou E. Disease and data in society: how the pandemic expanded data collection and surveillance systems // *American university law review*. – Washington, 2021. – Vol. 70, N 5. – P. 1577–1628.
2. Li T.C. Post-pandemic privacy law // *American university law review*. – Washington, 2021. – Vol. 70, N 5. – P. 1681–1728.
3. Rozenshtein A.Z. Digital disease surveillance // *American university law review*. – Washington, 2021. – Vol. 70, N 5. – P. 1511–1576.
4. Washington A.L., Rhue L. Tracing the invisible: information fiduciaries and the pandemic // *American university law review*. – Washington, 2021. – Vol. 70, N 5. – P. 1765–1797.

АЛФЕРОВ О.Л. РЕФЕРАТ СТАТЬИ: ИР Э.С. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ НОВОЙ КОНСТИТУЦИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ КИТАЯ.

ALFEROV O.L. Summary of the book: IP E.C. The political determinants of China's new health constitution // Medical law review. – Oxford, 2021. – Vol. 29, N 1. – P. 1–39. – URL: https://www.researchgate.net/publication/350047180_The_Political_Determinants_of_China's_New_Health_Constitution (дата обращения: 02.05.2022). – (Article summary).

Ключевые слова: Основной закон КНР о здравоохранении и укреплении здоровья 2019 г.; COVID-19; программа «Здоровый Китай 2030»; «политические детерминанты здоровья»; законодательство в области общественного здравоохранения.

Китайская Народная Республика, самая густонаселенная страна в мире с населением 1,4 млрд человек. Столкнувшись осенью 2019 с вирусной вспышкой коронавирусной болезни (COVID-19), распространяющейся из Уханя, провинция Хубэй, первого зарегистрированного ее эпицентра, Китай «удивил» мировое сообщество тем, что ввел карантин в городах-миллионниках с помощью солдат и сотрудников правоохранительных органов, принял решительные декреты о социальном дистанцировании и локдауне, организовал строительство временных больниц в считанные дни, провел массовую мобилизацию медицинских работников, ввел строгий контроль над СМИ и интернет-речью. Вспышка COVID-19 показала, что в современной взаимосвязанной глобальной экономике любое неправильное управление системой здравоохранения, даже со стороны местных властей, может за короткое время вызвать ударные волны не только на территории Китая, но и во всем мире. Сегодня можно только предполагать, что помогло этой стране справиться стране с пандемией. В Китае, как замечают российские журнали-

сты: научились лечить, вакцинировали население – нет смертности¹. Важную роль сыграл в этом принятый 28 декабря 2019 г. Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей Основной закон о здравоохранении и укреплении здоровья населения (The Basic Healthcare and Health Promotion Law) (вступил в силу 1 июня 2021 г.) (далее – Основной закон, Закон). Анализ этого Закона, в том числе с критической точки зрения, дан в статье Эрика С. Ипа, адъюнкт-профессора права и научного сотрудника Центра медицинской этики и права Университета Гонконга. Основной закон направлен на обеспечение основных медицинских услуг для всех граждан, улучшение оказания медицинской помощи и придание юридической силы программам реформы здравоохранения, таким как «Здоровый Китай 2030». Как замечает во введении автор, «по иронии судьбы, принятие этой хартии здравоохранения совпало с первоначальной вспышкой COVID-19, которая затмила ее с точки зрения глобального внимания» (р. 1).

Закон состоит из 110 положений, содержащихся в 10 главах, многие из которых, по мнению автора, достойны похвалы. К ним относятся торжественные обещания партии-государства помочь своим гражданам прожить «полный жизненный цикл»; содействовать «здоровью людей» как физическому, так и психическому; бесплатно предоставлять услуги общественного здравоохранения и программы иммунизации, защищать право пациентов на получение информации и право медицинских работников на уважение; улучшать гигиену труда, здоровье несовершеннолетних, инвалидов и пожилых людей. То, что Закон делает акцент на праве на здоровье, в целом соответствует международным тенденциям и Целям устойчивого развития.

Данный Закон, и это подчеркивает автор, не может быть адекватно понят в отрыве от его политического контекста. Политические детерминанты формируют этот Основной закон о здравоохранении и укреплении здоровья населения, о чем свидетельствуют гарантии того, что деятельность учреждений и компаний в

¹ См.: Попов Дм. Национальное самоубийство // Московский комсомолец (МК). – 2021. – 2 нояб. – С. 1.

области здравоохранения должна быть согласована с руководящей идеологией партии-государства (р. 2).

Прежде всего в Основном законе декларируется: «Государство и общество» должны «уважать и защищать право граждан на здоровье»; необходимость осуществления государственной программы «Здоровый Китай 2030» и популяризировать знания о здоровье; оптимизировать оказание медицинской помощи и повышать уровень здоровья граждан (р. 17).

Отмечается, что до принятия этого Закона «право на здоровье» существовало в китайском гражданском праве в форме негативного права, которое не обязывает никого, даже официально, положительно поощрять и защищать предоставление медицинских услуг. В Конституции Китая 1982 г. прямо не упоминается право на здоровье, которое с натяжкой может быть выведено из ст. 21, которая обязывает государство развивать и продвигать медицинские услуги, современную и традиционную медицину, массовые кампании в области здравоохранения и создание медицинских учреждений государственными и негосударственными субъектами «все для защиты здоровья людей» (р. 17–18).

Основной закон требует, чтобы государство создавало «фонды базового медицинского страхования» в рамках «многоуровневой системы медицинского обеспечения», которая «дополняется коммерческим медицинским страхованием» для оплаты «базовых сборов за медицинские услуги» и медицинских инвестиционных платформ в свете социально-экономического развития. Государство должно определять и регистрировать данные о показателях здоровья, в частности, средней продолжительности жизни, материнской смертности, младенческой смертности и смертности детей в возрасте до пяти лет; и предусматривать бюджетные расходы на «обеспечение основных медицинских услуг, услуг общественного здравоохранения, основных медицинских гарантий и [на] строительство, эксплуатацию и развитие медицинских учреждений, основанных правительствами» (р. 18–19).

Закон понимает здоровье как «решительно политизированную и идеологическую область общественной жизни». Соответственно, государство должно «энергично проводить патриотическую кампанию по охране здоровья» и «мобилизовать массы для контроля и устранения факторов риска для здоровья, улучшения sani-

тарных условий окружающей среды и строительства здоровых городов, деревень, поселков и общин» (р. 18–19).

Фактически, Основной закон возлагает на Правительство КНР и все его уполномоченные территориальные органы обязанность «руководить» работой в области медицины и здравоохранения, а Пекин возглавляет «общее планирование и координацию». Государство должно создать учреждения, которые будут играть главную роль в предоставлении основных медицинских услуг. Вместе с тем у медицинских учреждений должны быть стимулы для оказания тех же услуг. Система медицинского обслуживания определяется Законом как организация, созданная государством и состоящая из низовых медицинских учреждений, больниц, профессиональных учреждений общественного здравоохранения, разбросанных по сельским и городским районам, компоненты которых призваны «дополнять... друг друга». Таким образом, Закон оставляет за партией-государством универсальную и высшую юрисдикцию во всем, что касается медицины (р. 26–26).

Законом предписано, что медицинское регулирование должно основываться на четырех принципах: институциональной автономией, отраслевого саморегулирования, государственного управления и социального надзора. Центральные государственные учреждения здравоохранения должны «осуществлять территориальный надзор и управление всей медицинской отраслью». Эти учреждения отвечают за оценку деятельности медицинских учреждений, оценку качества медицинских услуг, регулирование медицинских технологий, надзор за использованием лекарств и медицинских изделий, предположительно с участием «промышленных организаций и общественности». Однако, как замечает Е.С. Ип, в Законе не прописаны точные процедуры этой деятельности. Так называемые агентства «медицинской безопасности» должны осуществлять строгий «надзор и управление поведением медицинских служб» и регулировать «рациональное использование, безопасность и управляемость фондов базового медицинского страхования». Поэтому вряд ли, считает автор, существует какая-либо значимая автономия медицинской профессии от партии-государства (р. 25–26).

В соответствии с рассматриваемым Законом государство несет юридическую обязанность поощрять граждан и организации к

«социальному надзору» за медицинской работой и укреплением здоровья, сообщая о неправомерных действиях вышестоящему органу. Тем не менее без надежной защиты осведомителей любой «социальный надзор», что бы это ни значило, вряд ли будет включать в себя подлинный контроль за медицинским обслуживанием со стороны активной прессы и процветающего гражданского общества (р. 26–27).

Закон обязывает государство предотвращать незаконный сбор, использование или передачу «личной медицинской информации» граждан любым лицом или организацией, которые, однако, не включают само государство. Однако органы здравоохранения и медицинской безопасности на уровне округа и выше должны создать «системы учета кредитов» для медицинских учреждений и медицинских работников для информирования об административных решениях в отношении них, которые должны быть включены в «национальную платформу обмена кредитной информацией» (р. 28–29).

Статья 49 Закона обязывает государство разрабатывать большие данные, достаточные для искусственного интеллекта в области здравоохранения и медицинского лечения; ускорить создание инфраструктуры медицинской информации путем установления стандартов анализа, хранения и использования соответствующих данных; и распространять высококачественные медицинские знания с помощью информационных технологий. Сфера наблюдения и сбора данных, предусмотренная этим положением, настолько широка, что она оставит личную информацию сотен миллионов людей недостаточно защищенной от государственных чиновников (р. 29).

Основной закон заложил новые основы в защите права на информированное согласие, касающееся планов диагностики и лечения, медицинских рисков, медицинских расходов и так далее. Это налагает на медицинских работников обязанность своевременно разъяснять пациентам риски и альтернативы планам лечения, обязанность, которую следует выполнять «близким родственникам пациента», если это невозможно или нецелесообразно, пациенту, родственники которого имеют право дать согласие от имени пациента. Тем не менее, как замечает автор, Закон не может быть упрощенно истолкован как победа пациентов над медицин-

скими работниками. Несмотря на «риторику» Закона, может быть и обратное (р. 30).

Анализируемый Закон предписывает гражданам при пользовании медицинскими услугами «соблюдать правила диагностики и лечения, поддерживать порядок предоставления медицинских услуг и уважать медицинский персонал». Если этого будет недостаточно, Закон закрепляет в ст. 57 «коллективистский наказ»: «Все общество должно заботиться о медицинском персонале и уважать его, поддерживать надежный и безопасный порядок оказания медицинских услуг и совместно формировать гармоничные отношения между врачом и пациентом». Это означает, что «личная безопасность и личное достоинство медицинского персонала» и их «права и интересы, защищенные законом», не должны нарушаться; ни одно лицо или организация не могут «угрожать личной безопасности медицинского персонала» или делать что-либо «ущемляющее [их] личное достоинство».

В статье Е.С. Ипа рассматриваются также механизмы обеспечения соблюдения так называемой «новой конституции в области здравоохранения». Закон предусматривает несколько строгих правовых механизмов для привлечения к ответственности отдельных лиц, но, как замечает автор, не государственных учреждений, и не судами или относительно независимыми надзорными органами, а уполномоченными чиновниками. Те медицинские работники, которые преследуют незаконные интересы, используют свое служебное положение, сливая личные медицинские данные граждан, или не соблюдают применимые правовые и этические стандарты медицинских исследований при оказании медицинских услуг, должны быть согласно Закону лично наказаны агентством здравоохранения на уровне округа или выше (р. 36–37).

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

УДК 341

DOI: 10.31249/rgpravo/2022.04.17

ЗАХАРОВ Т.В.¹ МНОГОСТОРОННИЙ ПОДХОД В МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И УГРОЗЫ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ. (Обзор).

Аннотация. В обзоре представлены дискуссионные взгляды ученых на развитие международных отношений и международного права, роль и значение международных организаций в данном процессе. Затрагиваются проблемы международной политики. В обзоре представлена попытка применения конституционных теорий в праве международных организаций. Рассматривается современное положение ООН и ВОЗ.

Ключевые слова: международные отношения; международное право; международные организации; международная политика; многосторонний подход в межгосударственных отношениях; ООН; ВОЗ.

ZAKHAROV T.V. Multilateralism in international relations, international organisations and challenges of global governing. (Review).

Abstract. The review presents the debatable positions of scientists on the development of international relations and international law, the role and importance of international organizations in this process. The problems of international politics are touched upon. The review presents an attempt to apply constitutional theories in the law of international organizations. The current situation of the UN and WHO is considered.

¹ Захаров Тимофей Владимирович, научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН.

Keywords: international relations; international law; international politic; multilateralism in interstate relations; international organization; UN; WHO

Для цитирования: Захаров Т.В. Многосторонний подход в межгосударственных отношениях: международные организации и угрозы глобального управления. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2022. – № 4. – С. 205–214. DOI: 10.31249/rgprav o/2022.04.17

В Декларации Генеральной Ассамблеи ООН 2020 г., посвященной 75-летию основания Организации Объединенных Наций, мировые лидеры отметили достижения этой Организации, включая деколонизацию, поощрение идеи прав человека, борьбу с заболеваниями, ослабление десятков конфликтов, спасение сотен тысяч жизней в рамках своей гуманитарной деятельности. Заслужившей ООН явилось сдерживание крупнейших государств мира от прямого вооруженного столкновения в течение всего этого периода. Были перечислены проблемы, с которыми сталкивается мир: растущее неравенство, бедность, голод, вооруженные конфликты, терроризм, отсутствие безопасности, изменение климата, пандемии. Государства признали, что данные проблемы взаимосвязаны и могут быть решены только путем активизации многостороннего подхода. Следование многостороннему подходу, подчеркивается в Декларации, «это не выбор, а обязанность в условиях восстановления по принципу “лучше, чем было” на пути к созданию более равноправного, жизнестойкого и устойчивого мира».

Многосторонний подход и международное право формировали и вели международное сообщество после окончания Второй мировой войны, отмечает В. Нанда – профессор, директор Центра международного и сравнительного права Денверского университета (США). Достаточно учесть изначальное создание ООН и Международного суда, а также последующее учреждение Международного банка реконструкции и развития (Всемирного банка), Международного валютного фонда, Генерального соглашения по тарифам и торговле (ВТО). Множество универсальных и региональных международных институтов было создано для взаимодействия по насущным международным проблемам – Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН, Международная

организация здравоохранения и Международный уголовный суд, органы конвенции ООН по морскому праву, а также региональные банки, комиссии по правам человека и суды [2, р. 319–320].

Однако за 75 лет мир драматически изменился. Последствия безжалостной экономической глобализации выразились в экологических катастрофах, обнищании, эмоциональной и интеллектуальной дезориентации миллионов людей, размывии внутригосударственных демократических процедур (de-facto ограничении компетенции национальных парламентских органов), в демонтаже демократии во внешне демократизированных государствах и укреплении авторитарных режимов государственного управления [3, р. 695]. Возникло так много государств со своими собственными нуждами, приоритетами, преференциями, выражающими не-западную позицию. Современные тренды популизма, протекционизма, крайнего национализма и радикальных идеологий создают угрозы и многосторонним отношениям и международному праву [2, р. 319–320].

Рассматривая современные коллективные субъекты организации межгосударственных отношений в их взаимодействии, можно увидеть, что они составляют крайне несбалансированную систему глобального управления, считает А. Петерс – профессор, директор Института сравнительного публичного права и международного права им. Макса Планка (Германия) [3, р. 649].

Для устранения сложившегося дисбаланса в коллективном управлении международной системой Китайская Народная Республика и Российская Федерация призывают в совместном Заявлении министров иностранных дел по некоторым вопросам глобального управления в современных условиях 2021 г. к расширению сотрудничества государств, к большей честности и демократичности в их взаимодействии, к многополярности мирового порядка. Данное Заявление не является юридически обязывающим документом. Тем не менее, будучи совместным Заявлением двух могущественных держав, оно актуально для международного права, которое интенсивно формируется расстановкой политической силы и политическими программами. В Заявлении не используется слово «международная организация», оно говорит о «многосторонних платформах», в связи с чем можно предположить, что оно обращено ко всем коллективным субъектам, начиная от официальных международных организаций с международным правовым стату-

сом и заканчивая неформальными форумами, такими, как группа G 20 [3, р. 649–650].

Отрицание данного Заявления как продиктованного исключительно тактическими целями, по мнению автора, было бы неверным. Его анализ может показать направления развития права международных организаций [3, р. 650].

А. Петерс обращается к обозначенным Россией и Китаем вызовам с позиции конституционной теории.

Теоретический дискурс в проблематику международных организаций – наиболее важных, с точки зрения автора, компонентах глобального управления, должен начинаться с размышления о конституциях в целом (их значении, важности и функциях), а также о конкретных моделях и типах конституций, отвечающих требованиям соответствующей выбранной политики. Причем оба данных предмета являются слабо разработанными в праве международных организаций. Отсутствует дисциплина, которую можно было бы назвать «конституционная теория международных организаций», равно как и общепризнанные модели конституций международных организаций. Сама по себе конституционная парадигма международной организации зачастую отрицается в науке и практике как заведомо ложная, аналитически бесполезная и юридически невозможная (Д. Гримм (D. Grimm)) либо как нормативно нежелательная (Р. Хауз (R. Howse)) [3, р. 651–652].

Подтверждением тому, что учредительные документы международной организации могут быть рехарактеризованы как их конституции, лежит в сфере политической практики, считает А. Петерс. Конституционная теория способна дать основу для последовательного ответа на фундаментальные вопросы феномена международных организаций. Во-первых, от чьего имени действует организация? Во-вторых, чьи законы она должна соблюдать, какими правовыми нормами и ограничениями она связана? В-третьих, как привлекать ее к ответственности в случае нарушения предписанных ей правил? [3, р. 653–654].

В целях конституционного анализа права международных организаций А. Петерс выделяет в эволюции права международных организаций три этапа.

Первый этап – это становление на рубеже XIX–XX вв. концепции учредительного акта международной организации с наи-

более нейтральным отпечатком конституционной теории. В отличие от простого договора, учредительный акт международной организации предлагалось рассматривать, как «законотворческое соглашение» (*rechtssetzende Vereinbarung*), способное привести государства к «общей воле» (*Gemeinwillen*) и воспроизвести «объективное право» (*objektives Recht*). Немаловажную роль сыграла разработка теории (международного) учреждения (*theory of institution*), предложившей дихотомию между «контрактом» с одной стороны и «конституцией»/«учреждением» с другой [3, p. 651, 654–659].

Второй этап – воплощение в правовых концепциях учредительного акта международной организации идей конституционализма, в частности идеи правового ограничения публичной власти («Конституция» с большой буквы «К»). Он связывается с изменением в 1989–1990 гг. геополитической картины мира, «победой» модели рыночной капиталистической экономики. Решения международных организаций и, прежде всего, резолюции «разблокированного» Совета Безопасности ООН, вводившие экономические и персональные санкции, все более очевидно затрагивали жизнь индивидуумов. Это задало новую динамику в практике международных организаций, новые направления теоретических исследований, в частности, моделей сдерживания (*containing*) международных организаций (в отличие от моделей их учреждения (*constituting*)) и их ответственности.

Третий этап – это только еще предстоящее формирование нового понимания учредительного акта международной организации на основе включения таких новых принципов, как транснациональная социальная солидарность и состязательная демократия (*contestatory democracy*) [3, p. 651, 688–690].

Обновленная конституционная теория международных организаций может внести интеллектуальный вклад в разработку легитимных и эффективных коллективных действий. Заботясь о легитимности внутриорганизационных отношений, конституционная теория может стать источником заимствования при переосмыслении или, возможно, реформах вторичного права (*secondary law*) международных организаций, их внутренних процедур. Примером могут служить схемы транспарентности дифференцированного применения прав человека, доступа к средствам правовой за-

щиты. Анализ разделения властей, понимание конституции как «живого инструмента» поможет найти средства противодействовать насаждению политики извне – минуя процедуры демократической легитимизации и подотчетности (*multilateral overrich*) [3, р. 673–678, 695].

Конституционная теория может изменить – расширить понимание демократичности процедур международных организаций, отвлечь внимание от локальных парламентов, как традиционно единственных источников демократической легитимности решений международных организаций [3, р. 680–683, 696].

Конституция является квинтэссенцией связи правовой и политической сфер. Таким образом, переориентация права международных организаций на конституционные начала нивелирует обвинения международных организаций в идеологической и политической предвзятости, интегрируя политический элемент в их юриспруденцию [3, с. 696].

Конституционная теория не может предотвратить практику выхода государств из международных организаций, приостановления участия в них, сокращения их финансирования, а также открытого несоблюдения их решений. Причем подобные действия исходят не только от определенной группы государств, но и потенциально от всех субъектов международных отношений. Они имеют разнообразные, часто скрытые причины и мотивы, обусловлены политической (популистской) риторикой, сочетаются не только с озабоченностью по поводу легитимности и эффективности решений и действий организации, «расползанием» ее компетенции, но и со стремлением избежать нежелательных правовых последствий членства в международной организации [3, р. 654].

Большинство угроз международному праву и многостороннему подходу в международных отношениях не новы. Перманентной проблемой является отсутствие механизмов принуждения к соблюдению норм международного права и их обязательной имплементации. Государства ревниво охраняют свой суверенитет и избегают механизмов разрешения споров третьими сторонами [1, р. 31; 2, р. 321]. Пункт 4 статьи 2 (применение силы и угрозы силой) и статья 51 (право на самооборону) Устава ООН интерпретируются по-разному. Ярким примером является Стратегия национальной безопасности США президента Д. Буша 2002 г. [2, р. 321].

В. Нанда пытается вновь привлечь внимание к обсуждениям 36-го и 37-го пленарного заседания Генеральной Ассамблеи ООН по вопросу реформы Совета Безопасности ООН 2018 г. Он полагает, что следует вернуться к решению 62/557 Генеральной Ассамблеи ООН 2008 г., положившему начало межправительственных переговоров государств – членом ООН по реформе Совета Безопасности на неофициальном пленарном заседании в ходе 63-й сессии Генеральной Ассамблеи и определившему пять ключевых вопросов межправительственных переговоров: вид членства; вопрос о праве вето; региональное представительство; размер расширенного Совета Безопасности и методы работы Совета; а также отношения между Советом и Генеральной Ассамблеей [2, р. 322–324].

Профессор, управляющий директор Института сравнительного публичного права и международного права им. Макса Планка А. фон Богданди и научный сотрудник Института сравнительного публичного права и международного права им. Макса Планка П. Виллареал рассматривают современное правовое положение международных организаций на примере Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). ВОЗ обладает гораздо более широкими правовыми полномочиями, чем большинство универсальных международных организаций, и может выступать в роли глобального законодателя [1, р. 2, 4].

Пандемия COVID-19 предстает часом суверенного национального государства и кризиса международных институтов. Международное право и международное сотрудничество очевидно отошли на задний план. Тем не менее попытки умаления авторитета международных организаций, и Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) в частности, независимо от определенных проблем лишены всякого оправдания, полагают А. фон Богданди и П. Виллареал. Подрыв авторитета ВОЗ, или, что еще хуже, его подрыв в геополитических целях, со всей вероятностью, будет иметь негативные последствия [1, р. 2, 28].

Наиболее ярко осуществление международной публичной власти со стороны ВОЗ проявляется в ее компетенции издавать обязательные правила. ВОЗ не только является регулирующим органом, но и имеет мандат на принятие активных мер в преодолении конкретных кризисов в области здравоохранения, в частности такой мерой, как объявление «чрезвычайной ситуации в области

общественного здравоохранения, имеющей международное значение», т.е. на исполнительную деятельность, которая потенциально может иметь далеко идущие последствия. Рекомендации в пользу или против определенного, конкретного ограничения могут служить важным аргументом при взвешивающей правовой оценке пропорциональности ограничения прав человека. Наиболее проблематичными на сегодняшний день являются меры, которые устанавливают ограничения на свободу передвижения, особенно меры по обеспечению изоляции и введению карантина. Как с юридической точки зрения, так и с точки зрения их эффективности для защиты здоровья населения они изучены недостаточно. [1, р. 4–5, 23].

С таким инструментарием ВОЗ воплощает на практике многие представления о глобальном управлении в том виде, как они были концептуально разработаны в 1990-х годах в американской доктрине [1, с. 7].

В компетенции ВОЗ особенно проявляются следующие три характерные черты глобального управления. Во-первых, ведущие страны признают, что международные институты должны играть их собственную роль в ключевых политических сферах, используя эффективные инструменты влияния и осуществляя тем самым международную публичную власть. Во-вторых, институты глобального управления способны оснащать юридически необязательные (так называемые мягкие) инструменты, такие как заявления и рекомендации, элементами регулятивного и директивного действия, которые трудно классифицировать с точки зрения правовой догматики. В-третьих, как показывает использование термина «глобальный» вместо «международный», понятие «глобальное управление» подчеркивает многоуровневый характер соответствующей политической области, которая объединяет усилия международных, наднациональных и национально-государственных органов и нередко привлекает гибридных или частных акторов. Одним из ярких примеров является Фонд Билла и Мелинды Гейтс при ВОЗ [1, р. 8].

Деньги являются мощным «фактором контроля и влияния». Логика «следуй за деньгами» (*folge dem Geld*) подтверждает продолжающееся доминирование США в ВОЗ, как и в большинстве многосторонних международных институтов [1, р. 32].

Несмотря на свой осмотрительный и сдержанный подход, ВОЗ оказалась между политическими фронтами. Ее действия и меры по борьбе с пандемией в настоящее время являются предметом геополитического конфликта между КНР и США об устройстве и направленности мирового порядка. США и их союзники опасаются, что авторитарный КНР не только будет выглядеть лучше в борьбе с пандемией, но и сможет справиться с этой проблемой лучше, чем демократический Запад [1, р. 28, 31].

Китай стремится соучаствовать в формировании глобальных стандартов «эффективного управления» (good governance), которые многосторонние организации, такие как ВОЗ, предлагают государствам мира. Это вписалось бы в развитие более «авторитарного международного права», в котором авторитарные государства не только принимают участие в качестве полноправных членов, но и которое они формируют в свете своих идей и тем самым используют его в своих целях [1, р. 32].

В период общего кризиса глобального управления многие международные институты продолжают принимать политические меры, имеющие значительные последствия на внутригосударственном уровне, которые воспринимаются как осуществление международной публичной власти. Таким образом, международные организации играют хотя и техническую, но тем не менее важную роль в конкуренции политических систем и должны доказать свою независимость от могущественных государств [1, р. 3, 35].

Государства, как никогда, должны понимать, что международные организации являются ключевым элементом для обеспечения и поощрения глобального публичного блага. Это особенно верно для наименее могущественных и наименее состоятельных государств. Так, к примеру, мандат ВОЗ распространяется не только на Соединенные Штаты и Китай, но и на 194 государства-члена, большинство из которых имеют гораздо больший интерес в многостороннем управлении через международные институты, чем эти две крупные державы [1, р. 35–36].

Список литературы

1. Богданди А. фон, Вилларреал П. Всемирная организации здравоохранения (ВОЗ) в условиях пандемии COVID-19: международная публичная власть в

- кризисе // Digest für öffentliches Recht. – Heidelberg, 2021. – Vol. 10. – P. 1–36. – URL: https://dpp.mpil.de/10_2021/art10_1.cfm (дата обращения: 17.07.2022).
2. Nanda V. United Nations at 75 and the challenges facing international law // Pace international law review. – New York, 2021. – Vol. 33, N 2. – P. 315–325.
 3. Peters A. Constitutional theories of international organisations: beyond the West // Chinese journal of international law. – Oxford, 2021. – Vol. 20, N 2. – P. 649–698.

ВЛАСОВ Г.Д.¹ РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: БАУРИНГ Б. ДЕГРАДАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВОВОГО ПОРЯДКА? РЕАБИЛИТАЦИЯ ПРАВА И ВОЗМОЖНОСТЬ ПОЛИТИКИ = Bowring B. The degradation of the international legal order? the rehabilitation of law and the possibility of politics. – London : Routledge, 2008. – 252 p.

Ключевые слова: международный правовой порядок; международное право; советское международное право; концепция суверенитета государства; право наций на самоопределение; концепция прав человека.

Для цитирования: Власов Г.Д. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2022. – № 4. – С. 215–223. Рецензия на книгу: Бауринг Б. Деградация международного правового порядка? Реабилитация права и возможность политики = Bowring B. The degradation of the international legal order? the rehabilitation of law and the possibility of politics. – London : Routledge, 2008. – 252 p.
DOI: 10.31249/rgpravo/2022.04.18

На русском языке вышла книга профессора юриспруденции в колледже Биркбек Лондонского университета и практикующего адвоката-барристера Билла Бауринга, посвященная рассмотрению широкого круга проблем международного (в том числе гуманитарного) права, а также правам человека на современном этапе.

Отправной точкой для размышлений Б. Бауринга о проблемах международного права служит исследование советского подхода к международному праву. Автор отмечает, что в представле-

¹ Власов Георгий Дмитриевич, научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований ИНИОН РАН.

нии западных ученых советское международное право рассматривалось как образец крайнего позитивизма, поскольку советская правовая теория признавала в качестве источников международного права только договоры и обычаи (с. 21). А.Я. Вышинский писал по этому поводу: «Советская теория международного права рассматривает договор, опирающийся на принципы суверенного равенства народов и уважение взаимных интересов и прав в качестве основного источника международного права» (цит. по: с. 21). Существует тенденция недооценивать вклад советской правовой науки в такой фундаментальный для современного международного права принцип, как право наций на самоопределение. Между тем, как справедливо отмечает Б. Бауринг, право наций на самоопределение было для В.И. Ленина и партии большевиков не просто лозунгом, но принципом, который неукоснительно отстаивался и воплощался в жизнь после Октябрьской революции и нашел свое выражение, в частности, в Декрете о мире (с. 30).

Большое внимание Б. Бауринг уделяет рассмотрению наследия советского юриста Е.Б. Пашуканиса, и в частности эволюции его взглядов на международное право. Если изначально Пашуканис придерживался концепции, согласно которой «действительным историческим содержанием международного права... является борьба между капиталистическими государствами» (цит. по с. 42), то затем его взгляды эволюционировали под влиянием концепции построения социализма в одной стране и вытекающих из нее последствий для международной политики СССР. При этом Б. Бауринг с удивлением отмечает, что Пашуканис явно недооценивал право народов на самоопределение, несмотря на его фундаментальное значение для советской внешней политики и подхода к международному праву.

Новый импульс развитие права народов на самоопределение получило после Второй мировой войны, в период кризиса и распада колониальной системы. И вновь СССР последовательно выступал за практическую реализацию права народов на самоопределение, что нашло выражение в ряде документов по этому вопросу, предложенных СССР в ООН. Положение о праве народов на самоопределение было включено в Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., что было явным достижением СССР и его союзников (с. 51). Своеобразным вызовом для между-

народно-правовой позиции СССР, подчеркивавшей уважение к государственному суверенитету, стали советские вторжения в Венгрию и Чехословакию. В связи с этим советский юрист-международник Г.И. Тункин проводил разграничение между концепцией суверенитета в отношениях между социалистическими и капиталистическими государствами, где она сохраняется в традиционном виде, и в отношениях между государствами социалистического лагеря, где концепция суверенитета развивается в рамках «пролетарского интернационализма» (с. 54).

Б. Бауринг считает, что конец 80-х годов XX в. стал поворотным моментом в судьбе международного права, как потенциального средства защиты «слабых» государств от «сильных» (с. 65). В результате действий западных держав, в частности США и Великобритании, стало возможным говорить о кризисе, или даже деградации международного права. Речь идет о военных действиях против Ирака в 1991 г., Сербии в 1999 и Афганистана с 2001 г. Однако прологом к этим событиям послужила бомбардировка Ливии США в 1986 г. Все эти военные действия стали опасными прецедентами применения силы, для оправдания которого использовались политические и гуманитарные мотивы, но не надлежащая международно-правовая процедура. И если в случае операции «Буря в пустыне» хотя бы существовала Резолюция 678 Совета Безопасности ООН, уполномочивавшая государства-члены на применение «всех необходимых средств» для восстановления мира и безопасности в регионе, то военная операция НАТО против Югославии нарушала международное право (с. 75). Наконец, нападение США на Афганистан в ответ на террористический акт 11 сентября 2001 г. еще более ослабило правовые ограничения для применения силы, причем СБ ООН на этот раз ограничился очень осторожной формулировкой (с. 85). Все это привело к подрыву авторитета и значения ООН.

Во второй части книги Б. Бауринг от описания практических и исторических аспектов международного права и права прав человека переходит к их теоретическим аспектам. Он начинает с критики идеологии в международном праве, цитируя работу Сьюзен Маркс под названием «Загадка всех форм государственного строя: международное право, демократия и критика идеологии», в которой идеология определяется как «способы, при помощи кото-

рых значение служит установлению и поддержанию отношений господства» (с. 145). Как и С. Маркс, сам Б. Бауринг также уделяет значительное внимание работам Юргена Хабермаса. В частности, он говорит о предложенной Хабермасом идее легитимации европейских государств классическими европейскими правами человека, а также приводит цитату Хабермаса о том, что концепция прав человека стала результатом преодоления конфессиональной фрагментации в Европе (с. 153). Бауринг справедливо замечает, что такой подход означает, что эта частная западная модель легитимации будет представлять собой единственную возможную модель для всех остальных обществ, что делает ее идеологией в том смысле, о котором говорит С. Маркс. Развивая критику Хабермаса, автор приходит к заключению, что предлагаемая Хабермасом концепция прав человека представляет собой не более чем просто риторику, так как эта концепция исходит из некой способности к общему согласию, и согласно ей те или иные группы прав появляются в результате автономного развития тех или иных прав (подробнее см. с. 158–59). Эти права, утверждает Бауринг, являются, таким образом, чистой абстракцией, и поэтому Хабермас не в состоянии объяснить процессы политической борьбы.

Бауринг противопоставляет распространенному дискурсу прав человека как естественных прав то, что он определяет как содержательный взгляд на права человека. Он ссылается на книгу Аласдера Макинтайра «После добродетели», в которой тот указывал, что «до XVIII в., когда такие права объявили “естественными правами” или “правами человека”, ни в одном древнем или средневековом языке не было такого понятия, которое точно передавало бы значение нашего понятия “право” (a right)» (с. 163). Нельзя не отметить, что данное утверждение выглядит более чем спорно, достаточно сослаться хотя бы на латинский термин *ius*, одним из значений которого было именно право. Возможно, в данном случае Макинтайр имел в виду право именно в контексте прав человека. Так или иначе, Б. Бауринг высоко оценивает работы А. Макинтайра в том числе по причине его критики политического либерализма и либеральной трактовки прав человека.

Важнейшим элементом для понимания подхода Б. Бауринга к концепции прав человека является приводимая им схема «трех поколений» прав человека, которая была разработана К. Вашаком

в 70-е годы XX века. (с. 170). Согласно этой схеме, существует три поколения прав человека, первое из которых – это гражданские и политические права, а также право частной собственности. Оно было порождено Французской революцией 1789 г. и Американской революцией 1765–1784 гг. «Второе поколение» прав человека – это социально-экономические права, возникновение которых стало следствием Октябрьской революции 1917 г. в России. Наконец, «третье поколение» – это права народов на самоопределение, на развитие, на чистую окружающую среду и мир. Эта группа прав возникла в результате борьбы с колониализмом в 60-е годы XX в. При этом Б. Бауринг обращает внимание на критику К. Марксом первого поколения прав человека, в частности права на свободу, как «основывающегося не на соединении человека с человеком, а наоборот, на обособлении человека от человека» (цит. по с. 171). «Оно – право этого обособления, право ограниченного, замкнутого в себе индивида» (там же). Такая трактовка прав человека, как явления, содержательно связанного с революциями, сближает позицию автора с марксизмом. Он и сам подтверждает это, говоря о том, что, по его мнению, права человека происходят из революции и воплощаются в ней (с. 207). Так или иначе, стройная на первый взгляд концепция трех поколений прав человека, тесно связанных с определенными революционными событиями, имеет два очевидных изъяна, содержащихся в определении третьего поколения прав. Во-первых, как отмечал сам Б. Бауринг в первой главе своей книги, право народов на самоопределение было одним из основных принципов для Ленина и партии большевиков, которые неустанно проводили его в жизнь и реализовывали в практике строительства советского государства, следовательно оно было сформулировано и воплощено задолго до 60-х годов XX в. и антиколониальной борьбы. Во-вторых, сама эта антиколониальная борьба вряд ли стала бы возможной без поддержки Советского Союза (на что опять же указывал сам автор в первой главе), без Октябрьской революции и последовавшего за ней «Пробуждения Азии». Следовательно, «третье поколение» логически должно точно так же выводиться из событий Октябрьской революции, а не из борьбы против колониализма. Однако в таком случае не будет никакого самостоятельного «третьего поколения» прав человека, что ставит под вопрос состоятельность всей теории.

Интересен изложенный в книге взгляд Бауринга на проблему групповых прав в рамках прав человека. Автор считает, что необходимо признание существования определенных групп и их прав. «Философия прав человека», как ее определяет Дж. Пэкер (с. 216), это философия либерализма, который неизбежно влечет за собой индивидуализм. Именно поэтому все существующие на сегодняшний день документы, посвященные проблематике прав человека, индивидуалистичны по своей природе (с. 217). Бауринг же настаивает, что «существуют социальные сущности помимо индивидов... воспринимать человека можно только в контексте коллективов» (с. 217), а значит необходимо признавать права таких сущностей, т.е. социальных групп. До сих пор за редким исключением группы в международном праве были представлены только через своих членов, которые сами по себе являются носителями только индивидуальных прав. Например, Европейская конвенция о защите прав человека не содержит каких-либо положений относительно защиты национальных меньшинств от дискриминации. Следовательно, если некий человек подвергается дискриминации на основании своей этнической принадлежности, он может искать защиты только как индивид, подвергающийся дискриминации по какому-либо признаку (в данном случае – по национальному), но не как член определенной этнической группы, точно так же как и сама группа не может являться объектом защиты. Отказ рассматривать группы как самостоятельных акторов характерен именно для правовой сферы, в то время как другие общественные науки – политология, философия, социология – имеют доводы в пользу независимого существования групп и коллективов (с. 219). Социальный мир включает в себя и ненаблюдаемые сущности, а не одних индивидов, из чего следует необходимость признания групповых прав. Однако признание прав групп в правовой сфере сопряжено с очевидными затруднениями, которые признает и сам Б. Бауринг. Первая из трудностей состоит, собственно, в определении групп, т.е. в том, на каких основаниях можно выделять те или иные группы, претендующие на обладание правами меньшинств. Вторая проблема – проблема репрезентации, т.е. вопрос о том, кто будет иметь право выступать от имени той или иной группы. Наконец, третью проблему Бауринг определяет (по всей видимости не вполне удачно) как проблему толерантности либеральных политиче-

ских групп к нелиберальным практикам, что можно понимать, как проблему столкновения господствующих в том или ином обществе норм с практиками, свойственными группам меньшинств. Признавая существующие проблемы на пути признания правового статуса групп в международном праве, автор тем не менее убежден, что все эти проблемы могут быть решены. Здесь, однако, следует заметить, что права групп уже сегодня до определенной степени признаются международным правом. Речь идет о праве народов на самоопределение, т.е. фактически о признании существования групп (т.е. народов) в качестве акторов, отличных от государств и международных организаций.

Значительное внимание Б. Бауринг уделяет и проблеме социальной справедливости в контексте прав человека. Он отмечает, что, несмотря на большую популярность фразеологии социальной справедливости в современной политике, в либеральной мысли прочно укоренилось представление о том, что социальная справедливость представляет собой опасную угрозу свободе (с. 248). Например, Ф. фон Хайек считал, что «в настоящее время широкая вера в социальную справедливость является едва ли не самой опасной угрозой для большинства ценностей свободной цивилизации» (цит. по с. 249). Такое положение вещей автор связывает с двумя факторами. Первый из них – представление (либеральное) о безграничности возможностей каждого отдельного человека (в то время как сама идея социальной справедливости очевидным образом представляет собой некое ограничение этих возможностей). Другой фактор – наследие холодной войны. Автор отмечает, что советские конституции содержали тщательно проработанные главы по вопросу прав человека, но на первый план они выдвигали социально-экономические права (с. 250). Сами же эти права появились на западе в ответ на революцию в России. Именно эта противоположность западной системе является причиной настороженного отношения к социально-экономическим правам. Бауринг также отмечает интересный факт, что права человека и социальная справедливость находятся в определенном противоречии, так как первые происходят из индивидуалистического либерализма, в то время как защита социально-экономических прав всегда подразумевает некую коллективность.

Заключительная глава книги полностью посвящена России. В этой главе Б. Бауринг ставит задачу изучить возможность трансплантации понятия прав человека из одной правовой культуры в другую на примере России. Это рассмотрение концентрируется вокруг присоединения Российской Федерации к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в 1996 г. Хотя в свете состоявшегося выхода России из Совета Европы и, соответственно, из данной Конвенции, основная тема главы книги Б. Бауринга фактически теряет актуальность, тем не менее большой интерес представляет данный в этой главе общий обзор исторических взаимоотношений между российской и европейской правовыми системами. Бауринг критикует западных ученых за их поверхностный взгляд на правовое развитие России, который, в частности, выражается в представлении о том, что такие институты, как независимость судебной власти, суд присяжных, состязательный судебный процесс являются трансцендентными для российской правовой системы и были привнесены в Россию с Запада в ходе либеральных преобразований 90-х годов XX в. Напротив, он убедительно демонстрирует читателю, что Россия обладала самобытной правовой традицией и богатым правовым опытом. В этом контексте Бауринг особо выделяет реформы Александра II в сфере права.

Книга Билла Бауринга не производит впечатления целостного произведения. Составляющие ее главы очень разнородны по объектам рассмотрения, исследование переходит от глубоких философско-правовых вопросов к рассмотрению каких-то частных случаев, связь которых с рассматриваемыми ранее научными проблемами неочевидна. Впрочем, недостаток систематики и методики изложения признает и сам автор в заключение работы (с. 299). Таким образом, книга распадается на отдельные главы, которые могут рассматриваться самостоятельно.

Что касается философско-правовых глав, то они, пожалуй, представляют наибольший интерес, но, к сожалению, объем этих глав совершенно недостаточен для полноценного раскрытия поднимаемой в них проблематики. Автор вступает в полемику со множеством современных мыслителей, таких как Ю. Хабермас, А. Бадью, С. Жижек, К. Дузинас, К. Перрин, но приводимые им несколько цитат из каждого автора совершенно недостаточны для

понимания аргументации тех, с кем он полемизирует и выстраивания некой обоснованной контраргументации.

Несмотря на то что книга Б. Бауринга (а скорее – отдельные главы этой книги) представляет значительный интерес для читателя, желающего познакомиться с современной полемикой относительно концепции прав человека, следует признать, что задача книги, сформулированная как «диагностировать и дать предварительный прогноз относительно того безвыходного положения, в котором оказалось современное международное право и международные отношения», так и не была решена автором.

КРАВЧУК Н.В. РЕФЕРАТ КНИГИ: БАТЫРЬ В.А. МЕЖДУНАРОДНОЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ПРАВО. – Москва : Международная. отношения, 2021. – 664 с.

Ключевые слова: территория; территориальное право; статус; государственные границы; территориальный спор.

Монография профессора кафедры теории и истории государства и международного права Московского городского университета управления Правительства Москвы, В.В. Батыря, состоит из шести глав. В ее основу положен анализ современной доктрины и практики, приведена классификация различных видов территорий (пространств), дана характеристика статуса и международно-правовых режимов территорий и других пространств, представлены международно-правовые основы территориальных разграничений, выявлены правовые основания и способы территориальных изменений, существующие проблемы и нерешенные вопросы. Автор подчеркивает, что предлагаемые им научные выводы детерминированы сложившейся практикой территориальных ограничений. В условиях, когда само существование международного территориального права и его науки может быть поставлено под сомнение, следует находить новые аргументы в пользу его существования, заключает он (с. 633).

В своей монографии В.В. Батырь, помимо прочего, описывает особенности международного территориального права, его источники, понятие и виды территорий и пространств в международном праве; дает общую характеристику статуса и основных видов правовых режимов территорий и иных пространств и соотношению и взаимодействию международного территориального права с другими отраслями права и сферами научных знаний; раскрывает вопросы международно-правового оформления государственной границы России, пограничного режима и режима госу-

дарственной границы и ответственности за нарушения на границе; освещает актуальные проблемы территориальных споров в практике Международного суда ООН, Международного трибунала ООН по морскому праву, арбитражного урегулирования споров и защиты территориальных интересов России.

Автор отмечает, что научной дискуссии в отношении прогрессивного развития международного территориального права может быть задан определенный вектор: определение соответствия потребностям межгосударственной практики, установление должного реагирования на современные вызовы. Важно выработать непротиворечивую систему теоретических конструкций, обращенную в будущее, способную обслуживать практические запросы мирового сообщества.

В условиях сохранения напряженности в международных отношениях, разрастания кризисных тенденций, усиления противоречий относительно основных направлений дальнейшего развития мировой системы особое значение приобретает укрепление международного права и развитие его отдельных отраслей. В решении этой задачи должны быть задействованы как двусторонние контакты, так и площадки международных организаций. Важно продвигать тезис о необходимости неуклонного соблюдения общепризнанных норм и принципов международного права. Последовательное отстаивание интересов Российской Федерации при разрешении территориальных проблем на универсальном, региональном и двустороннем уровнях международного взаимодействия является актуальной задачей внешней политики и вызовом для будущих юристов (с. 634).

Принадлежность соответствующей территории государству, отмечает автор, основана на территориальных титулах, свидетельствующих о сложившейся на основе обычая международной практике. В этой связи важным является включение в текст Конституции в 2020 г. положения о том, что Российская Федерация является правопреемником Союза ССР на своей территории (с. 58).

Право народов на самоопределение является основой территориальных разграничений. Поскольку уважение данного права является обязательством *ergo omnes*, все государства юридически заинтересованы в защите этого права. В связи с этим автором оп-

ределены правомерные способы изменения государственной территории (с. 118).

На протяжении всей многовековой истории Россия всякий раз стремилась к максимальному соблюдению правомерности во всем, что касалось как расширения своих пространств (как сухопутных, так и морских), так и договорно-правового оформления разграничений с сопредельными государствами, подчеркивает автор. Общеизвестный принцип нерушимости границ налагает на все государства обязательство воздерживаться как от посягательств, так и от требований или действий, направленных на захват и узурпацию части или всей территории другого (других) государств. Принцип уважения суверенитета предполагает возможность изменения границ мирным путем и по договоренности (с. 627).

Новой сферой международных отношений стала борьба за раздел и создание международно-правового режима управления информационным пространством. Его следует отнести к пространству со смешанным правовым режимом (по аналогии с исключительной экономической зоной или континентальным шельфом), где действуют одновременно нормы международного права и внутригосударственное законодательство, а государствам предоставлены «суверенные права на разведку и разработку ресурсов» (с. 432).

Международный территориальный спор характеризуется тремя элементами в совокупности: наличием субъектов – сторон спора; наличием оспариваемого пространства или его разграничения; четко определенным совпадением объекта и предмета спора. Среди критериев для классификации международных территориальных споров выделяются: количество и международно-правовой статус субъектов спора; разновидность объекта спора; непосредственный предмет доказывания по делу; преобладание юридического или политического аспектов в споре; степень угрозы международному миру и безопасности; задействованный механизм разрешения территориального спора; время (давность) и причина возникновения спора, способы урегулирования и степень урегулированности. В основе разрешения такого спора лежит принцип мирного разрешения споров, обязывающий стороны уре-

гулировать споры только мирным путем, а также принцип свободного выбора средств мирного разрешения споров [с. 505–506].

Характерными особенностями процедуры разрешения территориальных споров обладают договорная и судебная формы их урегулирования. Арбитраж, как средство разрешения территориальных споров, может: занимать приоритетное место среди других средств разрешения споров; быть указан в качестве единственного средства урегулирования; быть одним из многих средств [с. 559].

Под защитой национальных территориальных интересов следует понимать деятельность институтов государственной власти (законодательной, исполнительной, судебной) по противодействию угрозам национальным территориальным интересам. Противодействие таким угрозам представляет собой систему действий государственных органов по выявлению признаков, предупреждению проявления и пресечению (нейтрализации) противоправной деятельности по нанесению ущерба национальным интересам (с. 560).

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал
Серия 4

**ГОСУДАРСТВО
И
ПРАВО
2022 № 4**

Художник обложки и художественный редактор М.Б. Шнайдерман

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор Л.Н. Казиминова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 25.10.2022

Формат 60×84/16	Бум. офсетная № 1
Печать офсетная	Цена свободная
Усл. печ. л. 14,25	Уч.-изд. л. 11,5
Тираж 300 экз.	Заказ №
(1–110 экз. – 1-й завод)	

**Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН),**
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, 117418
<http://inion.ru>

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**
Тел. : (925) 517-36-91, (499) 134-03-96
e-mail: shop@inion.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов
ул. Чернышевского, д. 88, литера У